

Б 153
1036122

Р. Д. БАДМАЕВА

БУРЯТСКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Сибирское отделение
Бурятский филиал
Институт общественных наук

Р. Д. БАДМАЕВА

БУРЯТСКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

Улан-Удэ
Бурятское книжное издательство
1987

Ответственный редактор
канд. ист. наук **К. Д. Басаева**

Рецензенты:
канд. ист. наук **Т. М. Михайлов**,
д-р ист. наук **М. Н. Халбаев**

0508000000—061
Б М122(03)—87 089—87

63.5

© Бурятский филиал СО АН СССР 1987.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Материальная культура народов СССР — важная тема этнографических исследований. Наиболее ярким выразителем этнических особенностей этой культуры является народная одежда. Изучение одежды в связи с социально-бытовыми условиями, этнокультурной историей народа делает ее источником, дающим ценный материал для освещения сложившейся культуры и изменений, происходящих в ней в наши дни.

Бурятский народный традиционный костюм до настоящего времени не стал объектом специального исследования. Поэтому автором в этой работе предпринята попытка представить костюм в бытовом, производственном, социальном, обрядовом и эстетическом значениях, проследить его изменения во времени начиная с XVII в. и до наших дней. Основное внимание при этом было уделено народному костюму второй половины XIX — начала XX в. Наш исторический экскурс дает возможность проследить историю развития бурятского костюма до революции и наметить его изменения в советский период.

Исследуя народный костюм как исторический источник, отраживший этническое своеобразие культуры бурят, их связи с окружающими народами, автор привлекает сравнительно-исторический материал, касающийся одежды других народов (монголов, калмыков, тюркоязычных народов Сибири). Картографирование же позволило систематизировать и обобщить разрозненные данные, а приводимая терминология — полнее раскрыть значение предмета и его генезис.

Разработка поставленной темы проводилась на основе материалистического учения марксизма-ленинизма и положений, выдвинутых ведущими советскими учеными в области методологии и методики этнографических исследований¹. Большое методическое значение в изучении одежды имел «Историко-этнографический атлас Сибири»², а также работы по изучению костюма других народов³. Рассматриваемая в «Атласе» материальная культура в общесибирском масштабе дает представление о типологии верхней одежды и головных уборов.

В настоящей же работе на основе полевых материалов ав-

тором рассмотрены более детально все элементы костюма бурят и их варианты, проведена дальнейшая разработка конструктивных особенностей одежды, головных уборов, обуви, украшений, материала, способа изготовления, ношения и характерного оформления.

Существенное значение советские исследователи придают функции одежды и ее роли в быту⁴. Особое внимание функциональной значимости одежды уделял П. Г. Богатырев. По его словам, костюм имеет несколько функций, причем одна или некоторые из них являются доминирующими, другие же играют подчиненную роль⁵.

Несомненно, бурятский народный костюм также имеет социальные функции, определяя родовую, племенную, национальную и социальную принадлежность владельца. Чрезвычайно важно проследить в традиционном костюме признаки, характеризующие специфику одежды отдельных (локальных) групп бурят.

Вполне закономерно изучение одежды как художественного явления⁶. В данной работе сделана попытка осветить художественные достоинства одежды бурят, ее колорит и украшения, которые также характеризуют одежду отдельных групп бурятского этноса⁷.

Для выявления роли одежды в быту проведена ее систематизация по полу (мужская и женская), а внутри этих групп — по возрастным категориям, где еще учитывались ее сезонность и назначение: будничная, производственная, праздничная и обрядовая. Четко прослеживается и ареал распространения тех или иных элементов костюма, выделены его комплексы, представляющие сочетание определенных частей: нижней и верхней одежды, головного убора, обуви и украшений, которые связаны с территориально-локальными делениями бурят в прошлом.

В книге также рассмотрен разнообразный материал, используемый для изготовления одежды, характеризуется технология его обработки.

Основной источник работы — полевые материалы 1969—1970 гг., 1972—1974 гг. и вся имеющаяся этнографическая литература, которая рассматривает территориально-локальное разделение бурят. Так, в Предбайкалье жили аларские, верхоленские, кудинские, ольхонские и балаганские буряты, а в Забайкалье — селенгинские, кударинские, хоринские, агинские, баргузинские и другие.

В 1969 г. начался сбор сведений по одежде хори бурят. работа велась в селах Алханай, Табтанай, Зуткулей, Чиндалей, Узон, Токчин, Иля, Тэргитуй, Тарбалжай Кыринского, Акшинского, Дульдургинского районов Читинской области. В том же году проведено обследование одежды хори бурят, проживающих в

Петровск-Забайкальском (села Баляга, Катангар, Зугмара), Хилосском (села Бада, Зугалай, Хилгосон) районах Читинской области, а также в Кижингинском и Хоринском районах, где были обследованы села Куорка, Зурган, Кижинга, Шаралдай, в Бичурском и Мухоршибирском районах Бурятской АССР.

Сведения об одежде этой группы бурят дополнены и расширены в поездках 1972 г. по населенным пунктам Агинского автономного округа (села Урда-Ага, Дунда-Ага, Хойто-Ага, Согто-Хангил, Судунтуй, Гунэй, Будалан, Хунхур) и 1973 г. к бурятам Ононского района Читинской области. В этих степных районах, отдаленных от промышленных центров и железнодорожной магистрали, сохранились более старинные виды одежды по сравнению с бурятами, проживающими вблизи городов, где такая одежда уже не встречалась даже у престарелых. Жители этих районов более всего сохранили память о старом быте, обычаях, преданиях.

В 1972 г. была предпринята поездка в Селенгинский район — в села Ноехон, Тахой, Средний Убукур, Новоселенгинск, Гусиноозерск и в села Кудара-Сомон, Баян-Булаг, Баян-Тала, Хоолой, Мөөрөөч, Энхэ-Тала, Хилганта Кяхтинского района Бурятии. Здесь в основном расселены буряты рода цонгол. Их одежда во многом своеобразна. В 1973 г. эта работа продолжалась в южных районах Бурятии — Джидинском (сартулы), Тункинском (хонгодоры и др.) и Окинском (буряты и сойоты).

Интересный материал был получен в результате поездки в Баргузинский край, где буряты различных родов (хори, эхириты) и эвенки совместно проживают в Баянголе, Улюне, Соеле, Хилгане, Дырене.

В Иркутской области сбор сведений об одежде производился в 1970 г. в бурятских селах Усть-Ордынского национального округа, в Черемховском, Заларинском и Качугском районах. В результате полевых исследований получен интересный материал по одежде эхиритов, булагатов, частично хонгодоров. Эти материалы дополнены экспедицией 1973 г. в Ольхонский район, где сохранились наиболее старинные виды одежды и обуви, что обусловлено, очевидно, отдаленностью.

Сбор материалов проводился путем опроса и записи сведений старых жителей, знающих традиционные формы быта, одежды, украшений. Причем беседы с группой людей старших возрастов помогали проверить, уточнить и детальнее вскрыть те или иные особенности народного костюма и связанные с ним обычаи, обряды.

При сборе полевых материалов использовался вопросник, разработанный на основе программы Н. Ф. Прытковой⁸, с учетом этнических и локальных особенностей быта бурят. Вопросник дал

возможность более широко и полно охватить самые разные стороны костюма бурят. Производились также зарисовка и фотографирование одежды. Таким образом, полевые материалы в основном характеризуют костюм бурят конца XIX—XX вв.

Музейные коллекции явились наиболее ценным источником для освещения более раннего периода (начала и середины XIX в.) истории бурятского костюма.

Значительные собрания народной бурятской одежды сосредоточены в фондах Краеведческого музея Бурятской АССР (г. Улан-Удэ)⁹. К сожалению, коллекция носит случайный характер, плохо аннотирована и поэтому снижена ее научная ценность. Такая же картина наблюдается и в других местных музеях. Так, небольшая коллекция Кяхтинского краеведческого музея им. В. А. Обручева¹⁰ показывает одежду бурят южных районов Бурятии конца XIX в. Фонды Агинского окружного музея хорошо представляют нарядную и будничную одежду региона конца XIX в., а нередко и середины его, чего нельзя сказать о Читинском областном музее, где хранится лишь нарядная одежда бурят (несколько экземпляров).

В Иркутском краеведческом музее изучалась старинная бурятская обувь, что составляет несравненное достоинство фондов этого музея перед другими. Здесь же находятся фотографии, запечатлевшие бурят Иркутской губернии конца XIX в. в их традиционном костюме. Это тем более ценно, ибо костюм западных бурят подвергся впоследствии сильным изменениям. Интересны оригинальные изделия, собранные в Усть-Ордынском окружном музее и небольшом музее в с. Хужир на о. Ольхон (Иркутская область.)

Хорошо представлены бурятская одежда и украшения в собраниях Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде в коллекциях Б. Э. Петри, Г. Н. Осокина, Я. С. Смолева и др. Эти вещи, приобретенные до революции в разных районах Бурятии и Иркутской области, представляют уникальные части женского костюма, головных уборов и украшений. Оригинальные легенды дополняют коллекции.

Сведения о бурятском костюме почерпнуты из разных письменных источников. Ценные данные встречаются в записях путешественников, историков, этнографов начиная с XVII в.

В путевых записях русских послов в Китай Н. Спафария, Ибрагима Идеса, Д. Белля¹¹ можно найти ценные сведения о материальной культуре бурят. Собрания академических экспедиций XVIII в., описания И. Георги, русского исследователя С. П. Крашенинникова, сведения записок корабельного штурмана М. Татаринова помогли провести сравнительный анализ и проследить изменения народного костюма¹².

В трудах Д. Банзарова¹³, бурятского историка, этнографа и фольклориста, можно найти объяснение терминологии отдельных частей одежды. Некоторую ценность для нашей темы представляли сообщения чиновников царской администрации, например Н. Щукина, очерки Н. М. Астырева, Г. Паршина¹⁴.

Со второй половины XIX в. большую работу по этнографическому изучению бурятского населения проделали Троицкосавско-Кяхтинское, Читинское и Восточно-Сибирское (Иркутское) отделение РГО. Так, ценные сведения о бурятах, их одежде можно найти у выдающегося исследователя Центральной Азии Г. Н. Потанина, А. В. Потаниной, народника А. П. Шапова, ревнителя сибирского просвещения Н. Ядринцева, В. Н. Харузиной и Н. Харузина¹⁵.

Из названных работ выделяется книга А. В. Потаниной, в которой, кроме социальных различий в мужской и женской одежде и возрастных — в женской, отмечены изменения, происходившие в костюме бурят в конце XIX — начале XX в. Основную причину этого явления автор видит в более широком использовании бурятами нового для них материала — тканей. Однако приводимый материал недостаточно локализован, и поэтому остается неясным, в какой степени изменения, наблюдавшиеся в народном костюме конца XIX — начала XX в., были характерны для разных групп бурят.

Отличаются конкретностью сообщения Г. Н. Потанина, оставшего описание костюма невесты бурят Тункинского края¹⁶.

Этнографическим изучением бурят плодотворно занимались руководитель Восточно-Сибирского отдела РГО Д. А. Клеменц, ссыльный народник М. Кроль¹⁷. Их работы дополняют материалы об одежде бурят Забайкалья: некоторые виды народного костюма описываются впервые в связи с изменениями в общественном строе, семейных и других отношениях.

Далеко небезынтересны сообщения жителей г. Кяхты Г. Н. Осокина, Я. С. Смолева¹⁸. Так, Г. Н. Осокин, кроме описаний одежды, отмечает факты взаимовлияния культур бурятского и русского населения. Интересны сведения об одежде бурятских мальчиков, обучавшихся в дацане.

Об одежде и промыслах бурят труднодоступного горного Окинского района сообщает в своем отчете П. Кропоткин¹⁹, обрядовую часть одежды бурят Аларского ведомства описывает И. М. Этагоров²⁰.

Своеобразной технологии изготовления валяной ткани из овечьей шерсти и самой одежде бурят Балаганского и Иркутского округов посвящены описания П. Е. Кулакова и И. А. Молодых²¹.

Большое наследие об исторических преданиях, народном творчестве, этнографии и мифологии бурят оставил М. Н. Хангалов²².

В его сочинениях можно найти данные не только о социальных и возрастных различиях в costume, но также и сведения о разнице материала одежды локальных групп бурят Предбайкалья, что было связано с хозяйственной деятельностью и диктовалось природными условиями.

Надо отметить, что некоторые сведения чрезвычайно фрагментарны и не дают полного представления об одежде, в этом отразилась методология дореволюционной этнографической науки, авторы которой ограничивались лишь описаниями.

Только после Октябрьской революции начинаются широкие этнографические исследования, появившиеся на страницах журналов «Жизнь Бурятии», «Бурятияведение», в «Бурятоведческом сборнике». Это статьи Ф. А. Кудрявцева, П. П. Хороших, П. П. Баторова, Р. С. Мэрдыеева, Б. Э. Петри, Г. А. Улаханова²³, в которых так или иначе освещалась одна из важных сторон материальной культуры — одежда.

В 30—40-х гг. интерес к этой теме несколько ослаб, и вопросы бурятской этнографии затрагивались лишь в общих исторических работах. И только в 60—70-е гг. появляются книги И. М. Манжигеева, А. В. Тумахани, И. Е. Тугутова, К. В. Вяткиной²⁴, посвященные вопросам истории материальной культуры и искусства бурят. В этих работах известное место уделено и народному costume. А. В. Тумахани в своей монографии освещает вопросы художественного оформления и украшения бурят, а И. Е. Тугутов дает характеристику их старинной и современной одежды.

Работа И. М. Манжигеева посвящена этнографии янгутского рода бурят Иркутской области, где сравнительно подробно описана одежда конца XIX—начала XX в. и отмечены социальные различия в ней. Из этнографических исследований последних лет выделяется работа К. В. Вяткиной «Очерки культуры и быта бурят», в которой автор наряду с другими вопросами характеризует и народный costume, особенности одежды отдельных групп бурят связывает с их этнической историей. Работы советских этнографов в отличие от дореволюционных построены по иному методологическому принципу, в них прослеживаются изменения costume, его этнические и сословные различия.

Для понимания общен исторических проблем бурятского народа большую ценность представляют труды академика А. П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов» (Л., 1937), П. Т. Халтаева «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа» (Улан-Удэ, 1942), Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа» (М.—Л., 1940), Ц. Б. Цыдендамбаева «Бурятские хроники и родословные», в которых рассматриваются вопросы этногенеза и исторического развития бурятского народа. Этим же проблемам посвящены и специальные труды известных

историков, этнографов: Б. О. Долгих, С. А. Токарева, Г. Н. Румянцева²⁵.

В качестве вспомогательного исторического источника автором привлекается опубликованный археологический материал, например, по украшениям: поясам, браслетам, подвескам и др.²⁶, которые позволяют установить хронологию, типологию, смену форм, а также, насколько это возможно, их этническую принадлежность. Остатки кожи, тканей дают нам представление о материалах, из которых изготавливалась одежда.

К сожалению, не представляется возможным из-за недостатка фактического материала и других источников выявить наиболее старинные формы традиционной народной одежды, точно датировать появление или исчезновение отдельных ее видов.

Коренные изменения, произошедшие в жизни бурятского народа за годы Советской власти, возросшее благосостояние широких народных масс, повсеместное распространение промышленных товаров способствовали быстрой замене традиционной одежды будничным и праздничным костюмом городского типа. Процесс изменения бурятской одежды прослеживается еще с первых лет Советской власти, когда значительная часть традиционного костюма продолжала бытовать, но уже были внесены в него существенные изменения.

В последующие годы традиционный костюм исчез не сразу, а подвергся переработке, которая шла по линии упрощения покроя, изменения характера материала.

Современный костюм бурят характеризуется господством общесоветских форм одежды. Однако использование лучших национальных традиций одежды и украшений в нарядной и праздничной одежде продолжает сохраняться и в наши дни.

¹ См.: Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ.— 1970.— № 4.— С. 3—17: Этнические процессы в СССР.— М., 1976: Бромлей Ю. В., Басилов В. П. Советская этнографическая наука в девятой пятилетке // СЭ.— 1976.— № 1.— С. 3—22.

² См.: Историко-этнографический атлас Сибири.— М., 1961.

³ См.: Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—нач. XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник. Новая серия.— Т. 31.— М., 1956.— С. 543—750; Белицер В. Н. Народная одежда мордвы.— М., 1973; и др.

⁴ См.: Маслова Г. С. Народная одежда., с. 543—750; Одежда народов Сибири.— Л., 1970.

⁵ См.: Богатырев П. Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства.— М., 1971.— С. 300.

⁶ См.: Работнова И. П. Русская народная одежда.— М., 1964.

⁷ Художественно-образное содержание костюма будет рассмотрено в отдельной работе.

⁸ См.: Прыткова Н. Ф. Программа по изучению одежды народов Сибири // Одежда народов Сибири.— Л., 1970.— С. 208—223.

⁹ Ныне центральные фонды Бурятского государственного объединенного исторического и архитектурно-художественного музея (БГОИА—Х музей).

¹⁰ Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева входит в состав БГОИА—Х музея и является одним из его филиалов.

¹¹ См.: Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей.—Иркутск, 1941.

¹² См.: Георги И. Описание всех живущих в Российском государстве народов.—Ч. 4.—СПб., 1799; Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Дневник путешествия в 1734—1736 гг.—М.—Л., 1966; Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым.—Улан-Удэ, 1958.

¹³ См.: Банзаров Д. Собрание сочинений.—М., 1955.

¹⁴ См.: Шукин Н. Буряты // Журнал Министерства внутренних дел.—1849.—№ 4—6.—Ч. 26; Астырев Н. М. Монголо-буряты Иркутской губернии // Северный вестник.—1890.—№ 12; На таежных прогалинах // Очерки жизни населения Восточной Сибири.—М., 1891; Паршин Г. О монголо-бурятах в Нерчинском округе Иркутской губернии // Журнал МВД.—СПб., 1843.—Ч. 3.

¹⁵ См.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии.—Т. 4.—СПб., 1833; Потанин А. В. Буряты // Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю.—М., 1895; Щапов А. П. Бурятская улусная родовая община // Изв. ВСОРГО.—Т. 5.—№ 3—4.—Иркутск, 1875; Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение.—СПб., 1891; Харузин Н., Харузина В. Н. Этнография.—М., 1911—1912.

¹⁶ См.: Потанин Г. Н. Указ. соч., с. 294—295.

¹⁷ См.: Клеменц Д. А. О свадебных обрядах забайкальских бурят // Изв. ВСОРГО.—Т. 22.—№ 1.—Иркутск, 1891; Клеменц Д. и Хангалов М. Общественные охоты у северных бурят.—Ч. 2 // Материалы по этнографии России.—Т. 1.—Иркутск, 1910; Кроль М. А. Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят // Изв. ВСОРГО.—Т. 25.—№ 1.—Иркутск, 1894; его же. Краткий очерк истории забайкальских бурят, их общественный строй, брачные и семейные отношения, культурные успехи и вероятная будущность // Изв. ИРГО.—Т. 35.—Вып. 7.—1899.

¹⁸ См.: Осокин Г. Н. На границе Монголии // Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья.—СПб., 1906; его же. Материалы к этнографии Западного Забайкалья.—М., 1898; Смолев Я. С. Три табангутских рода селенгинских бурят.—ТТ—КПО ИРГО.—Вып. 3.—М., 1900.

¹⁹ См.: Кропоткин П. Поездка в Окинский караул // Зап. ВСОРГО.—Кн. 9—10.—Отд. 1.—1867.

²⁰ См.: Этагоров И. М. Свадебный обряд у аларских бурят // Изв. ВСОРГО.—Т. 30.—№ 1—2.—1866.

²¹ См.: Кулаков П. Е., Молодых И. А. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии.—СПб., 1896; Кулаков П. Е. Буряты Иркутской губернии // Изв. ВСОРГО.—Т. 36.—№ 4, 5.—1895.

²² См.: Хангалов М. Н. Собрание соч. в 3-х томах.—Улан-Удэ, 1958—1960.

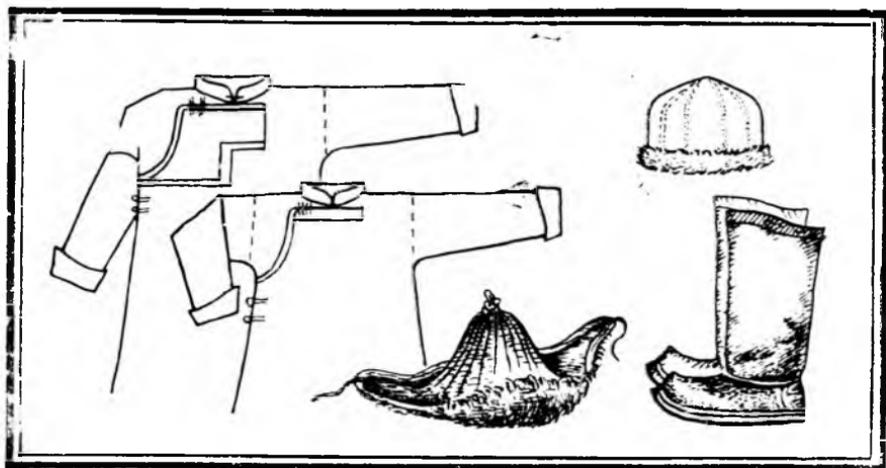
²³ См.: Кудрявцев Ф. А. Золотопромышленность Западного Забайкалья в 60—80 гг. XIX в. // Бурятведение.—1928.—№ 1—3; его же. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа // Вопросы истории.—1946.—№ 10; его же. История бурят-монгольского народа с XVII в. до 60-х годов XIX в.—М.—Л., 1940; Хороших П. П. Материалы по орнаменту северных бурят // Бурятоведческий сборник.—Вып. 2.—Иркутск, 1927; его же. Материалы по орнаменту ольхонских бурят // Сибирская живая старина.—Вып. 2(4)—Иркутск, 1926; Баторов П. П. Белкование у аларских бурят и народные поверья // Бурятведение.—Верхнеудинск, 1925.—№ 1; его же. Легенда о происхождении агинских бурят // Бурятоведческий сборник, № 3—4.—Иркутск, 1927; Мэрдгыев Р. С. Изделия из шерсти и волоса в Аларском аймаке // Бурятведение.—№ 1—2 (5—6); Петри Б. Э. Орнамент кудинских бурят // Сб. МАЭ.—Т. 5.—Вып. 1.—ПГ, 1918; его же. Территориальное родство у север-

ных бурят // Изв. биолого-географического научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете.— Т. 1, вып. 2.— Иркутск, 1924; его же. Элементы родовой связи у северных бурят // Сибирская живая старина.— Вып. 2.— Иркутск, 1924; Улаханов Г. А. Кожевенное кустарное производство у северных бурят // Бурятоведческий сборник.— Вып. 3—4.— Иркутск, 1927.

²⁴ См.: Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род.— Улан-Удэ, 1960; Тумахани А. В. Бурятское народное искусство.— Улан-Удэ, 1965; Тугутов И. Е. Материальная культура бурят.— Улан-Удэ, 1965; Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят.— Л., 1969; ее же. Пережитки материнского рода у бурят // СЭ.— 1946.— № 1; ее же. Буряты // Народы Сибири.— М.—Л., 1956.

²⁵ См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. ИЭ. Новая серия.— Т. 55.— М., 1960; его же. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // СЭ.— 1953.— № 1; его же. Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа // СЭ.— 1954.— № 1; Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Зап. БМНИИЯЛИ.— Вып. 1.— 1939; его же. О происхождении бурятского народа // СЭ.— 1953.— № 2; его же. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. // Зап. ГИЯЛИ.— 1940.— № 2; Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи.— Улан-Удэ, 1956; его же. Родоплеменной состав верхоленских бурят // Зап. НИИК.— Вып. 15; его же. О некоторых вопросах этногенеза монголов и бурят.— М., 1960; его же. Происхождение хоринских бурят.— Улан-Удэ, 1962.

²⁶ См.: Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (вздние кочевники).— Улан-Удэ, 1970; К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА.— 1971.— № 1; Коновалов П. Б., Давыдова А. В. Хунну в Забайкалье.— Улан-Удэ, 1976; и др.

Г Л А В А I ОДЕЖДА БУРЯТ ПО ИСТОЧНИКАМ XVII—XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

1. Сведения об одежде бурят в отписках-донесениях служивых людей XVII в.

Первые сведения об одежде бурят встречаются в записях-донесениях служивых людей, казаков-первопроходцев. Но они весьма скудны. Основное внимание в них обращено на дорогие меха, ткани, изделия из серебра и особенно на военное снаряжение бурят. Эти документы свидетельствуют, что соболь, лисица и бобр были в употреблении у бурят при изготовлении одежды¹. Из шкур соболей делали воротники (ожерелья). Особенно ценились «пластины собольи» — хребтовая часть шкурки соболя, а «пупок», «подчеревень» (брюшная часть), очевидно, шли на отделку так же, как «недособоль» (молодой или летний песец), «корсак» (степная лиса) и «сиводушная лисица» с особым оттенком меха².

Из отписок известно, что у бурят в XVII в. были в ходу разного рода бухарские и китайские хлопчатобумажные ткани — киндяк, зендень, бёлье, китайка, шелковые — дороги, камка.

Те же документы дают представление об одежде богатой верхушки бурят. В одной из отписок говорится, что у «Турукая-табунана — князя»³ юрты войлочные, пущены бархатом лазоревым, а в юртах подзоры камка на золоте, а платье носят по-братски — тулупы бархатные и камка на золоте⁴.

Подтверждение того, что эти товары были привозными, находим в отписках: «...Пришло торговых людей бухарцев с това-

ры... 70 человек, на 170 верблюдах»⁵. Издавна торговавшие с Западной Сибирью бухарцы в конце XVII в. на короткое время появляются в Восточной Сибири.

Вместе с русскими казаками появляются русские и европейские ткани в виде подарков и как предмет торговли. В донесениях казаков 1648 г. говорится, что «Турукаю-табунану принесли подарки пять пар соболей, да сукна красного два аршина с четью... четыре аршина сукна аглицкого, красного, доброго цена семь рубль две гривни»⁶. В другом донесении читаем: «...А дать де у братьев на лошадь по пяти аршин сукна, а за добрую по шти (шесть) аршин»⁷.

В отписке иркутского письменного головы Леонтия Кислянского енисейскому воеводе князю Константину Шербатову упоминается о сукнах и стеклянных сосудах, посланных в Селенгинск для раздачи подарков «мунгальским владельцам», «да на раздачу за крещение иноземцев рядовым шесть с половиной сукон шиптуги, в том числе две красные да зеленых по две половинки по шти рублей с полтиною половинку, да сосудов стеклянных для раздачи мунгальским законникам»⁸.

В качестве поощрения ясачных иноземцев посылались «подарочная» казна в Тункинский острог: «...подарошной великих государей казны ясашным иноземцом о ясашном зборе на жалование два аршина сукна шиптуги красной...»⁹.

Как свидетельствует проезжая грамота 1689 г., данная иркутским таможенным головой приказчику торгового человека на проезд из Иркутска в Верхнеудинск, было у него русского товару «триста аршин холста среднего, триста аршин холста хряща, два фунта шелку..., две половинки сукна полукарного, три половинки сукна анбурского, пятьдесят выдер, тритцать юфтей кож красных, ...пятьдесят аршин крашенин, шестеры чюлки вязаные, три косяка пестряди таврижской, восемь фунтов бисеру...»¹⁰.

Русские товары находят спрос не только в Иркутске, Верхнеудинске, но и в Баргузинском остроге, одном из наиболее труднодоступных по тем временам. Проезжая из Иркутска в Удинский и Баргузинский остроги, данная Михаилу Панкратьеву на провоз «русского товару», показывает, что у него было «сто аршин хрящу, сто аршин середневу холсту, двадцать аршин сукон сермяжных, фунт шелку красново, на рубль лавочной мелочи»¹¹.

Матвей Фомин из Иркутска был отпущен за Байкал через Удинск в Нерчинский город в 1690 г. с товарам и вез «семьдесят аршин сукна сермяжного, пятьдесят аршин холста среднего... четьреста пасм нитей шитых, десять аршин сукна летчины красной, пятьсот белок, пять юфтей кож красных малой ру-

ки, на рубль с полтиной мелочи лавошной»¹². Приведенные отписки красноречиво показывают развитие русско-бурятской торговли, более широкое потребление бурятами тканей, используемых в основном для шитья одежды богатой верхушкой бурятского общества, особенно в Забайкалье, где покупная способность была довольно высокой. Сохранившиеся у забайкальских бурят на протяжении XVII — начала XVIII в. торговые связи с Монголией подтверждают это положение.

Не случаен и интерес служилых людей к разного рода изделиям из серебра. Серебряные украшения бурят с богатой насечкой привлекали внимание казаков. А получаемые «от князцовиноземцев» в подарок русским царем серебряные изделия наводили на мысль о богатстве бурятской земли серебряной рудой и поисках путей ее добычи. Служилый Егор Пестеров, сообщая о внешнем виде богатого сойота Тункинского острога, выражает восхищение его ремнем, на котором «сплошь набиты серебряные бляхи»¹³. Ножи, трубки, седла, выполненные местными бурятскими мастерами, приобрели впоследствии широкую известность. «Бурятские кузнецы были мастера на все руки, выполняя не только ювелирную работу, но и простую кузнечную»¹⁴.

В отписках есть сведения и о боевых доспехах бурят XVII в., металлические части которых изготовлялись кузнецами из добытого примитивным способом металла или же расковкой из обломков. В отписке ленского воеводы отмечено, что при столкновении с бурятами «...в икирежских юртах взяли... II куяков, 8 шеломов, 7-ры наручи... У братских людей... копыя и луки к саадаки и шеломы с голов отбили»¹⁵.

Несмотря на фрагментарность сведений XVII в. о бурятской одежде, они все же представляют большую ценность как первые известия, в какой-то мере характеризующие одежду и ее материал.

2. Данные об одежде в отчетах дипломатов XVIII в.

Более подробные сведения об одежде бурят мы находим в записях дипломатов — посланников русского царя в XVII — начале XVIII в. В 1675 г. по территории, населенной бурятами, проезжал Н. Спафарий, отправленный в Китай. Его путевой дневник — это одно из наиболее ранних описаний территории, на которой жили буряты. В частности, Спафарий писал, что «братья носят платья по-калмыцки»¹⁶.

Путешественник Исбрант Идес, голландец, спустя 18 лет после Н. Спафария посетил Бурятию по дороге в Китай (1692—1695 гг.) и оставил в своих записях описание зимней и летней мужской одежды и головного убора: «Мужчины ходят в бара-

ных шубах из овечьего меха зимою, а летом — из скверного сукна, кои подпоясывают кушаками или широким поясом, отделанным железом. Они носят маленькую шапочку, с кистью наверху из красного шелка, которую называют «малахаем». Зимою, опушенную мехом, можно опустить на уши. А сие-то, присовокупляя к тому порты и сапоги, и составляет всех их одеяние»¹⁷.

Шотландец Джон Белль, врач, и швед Лоренц Ланг, политический агент, находились в посольстве капитана Измайлова, снаряженного в Пекин в 1719 г. для ведения переговоров о дозволении русским свободной торговли с Китаем, в своих записях уделяли внимание и костюму бурят.

О женском костюме бурят XVIII в. Дж. Белль писал: «Женщины их почти так же одеты, как и мужчины, включая еще, что кафтан их сшивается с нижним платьем и составляет род юбки... На голове носят кругленькую шапочку, опушенную мехом и выстриженную, по их обычаю, для различения от мужской»¹⁸. В его записях нашло отражение существовавшее отличие прически замужней женщины от девичьей, что подчеркивало вместе с элементами костюма ее семейное и общественное положение. Он писал: «...Девушки заплетают вокруг головы столько косичек, сколько позволяют волосы... Замужние женщины заплетают свои волосы в две косы по одной на стороне и вкладывают их в железные два кольца, чтобы не спускались оные на грудь»¹⁹. Украшения бурятских женщин, судя по записям другого путешественника Л. Ланга, составляли «небольшие латунные и железные или медные украшения, которые носили на руках и шее»²⁰.

3. Народный костюм бурят в трудах участников Сибирской академической экспедиции XVIII в.

Интересные сведения о народном костюме встречаются в работах участников Сибирской академической экспедиции XVIII в. — Н. П. Гмелина, П. С. Палласа и И. Г. Георги. Наиболее пространное описание бурятского костюма дал И. Георги, которое сопроводил своими рисунками — первым иллюстративным материалом. Он описал одежду бурят, подразделив ее на мужскую, женскую и девичью; сравнил одежду богатых и бедных; провел параллели с одеждой других народов — калмыков, тунгусов. «Буряты, — отмечал Георги, — рубах не носят; имеют, как тунгусы, самые короткие штаны; зимою же сверх оных обыкновенно весьма длинные и широкие шаровары»²¹.

Описывая мужскую верхнюю одежду, автор усматривает в ней сословные различия, отражение имущественного неравенства. «Кафтан носят на голом теле и делается по большей части из овчины, а нередко и из лошадиной кожи или диких зверей»²².

Так выглядел костюм бедного бурята. А богатые «шили из цветных сукон или шелковых материй, опушивая оные дорогими мехами по большей части: края (подола) нередко украшают полосами из материи. Подпоясываются поясом, покрытым братскою вороненою работою, к которой привешивают нож, огниво и табашный прибор»²³.

Говоря о головных уборах бурят XVIII в., Георги подразделяет их не только по сезонам, но и по сословиям. О головном уборе знатных бурят он пишет: «...А знатные между ними носят самые плоские китайские, с большой кистью и дорогой опушкой из мехов»²⁴. В описании головных уборов дано важное по своей значимости сообщение, что зимняя шапка простых людей подобна тунгусской. «Летом большую часть головы не покрывают или же надевают небольшие красные суконные шапки с околом. Зимю же простые люди носят, как тунгусы, шапки кожаные, сделанные из кож голов оленьих»²⁵. Это, очевидно, был будничная бурятская головная убор, подобный шапке эвенков.

Ценно у И. Георги и описание обуви бурят, ее наиболее старинных форм и способа ношения. «...Ноги обертывают войлочными и шубными лоскутами и надевают на оные долгую и широкую, сапогам подобную, с шерстью или без оной кожаную обувь (годоны) с закопченными подошвами... Летом носят они кожаные чулки, или род сапогов на босую ногу, но оные не так щепетны, как у тунгусов»²⁶.

Из мужских украшений И. Георги отмечает серьги, перстни, кольца. О женской одежде он пишет: «Повседневное женское одяние у бурят сходно с мужским во всем до головного убора. Исподницы и обувь такие же, как и у мужчин. Шапки носят такие же с круглым околом и большою кистью, как у мужчин»²⁷. Праздничная женская одежда, по свидетельству И. Георги, отличалась от повседневной: «Долгое платье, которое большей частью надевается на голое тело, делается из сукон или шелковых материй, с накидными полами, опушается мехом, подпоясываются оне шелковыми поясами или же носят через плечо наподобие перевязи, богатый шелковый кушак, сверх платья иногда надевают короткую узкую и красивую душегрею»²⁸.

Интерес представляет и описание прически замужней женщины: «Они так же, как и калмычки, заплетают волосы в две косы, в которые, чтобы сделать оны толще, прибавляют черных конских волос и отпускают оные через плечи на грудь. Часто надевают на косы свои чехлы, сделанные из бархата или других каких материй... Серьги, к коим привешивают коральковые пронизки, бывают величиною в рубль. Шею и грудь покрывают сделанною из коральков вынезкою»²⁹. В описаниях И. Георги нашли отражение возрастные различия в народной одежде и прическе.

«Девки заплетают волосы так, как и молодые татарки, в тонкие попущенные косы и покрывают голову маленькими, остроконечными шапками с околом... В некоторых поколениях носят они и подзатыльники, шириною в ладонь, длиною до подколенок, украшенные бисером с кистями и гремушками и совершенно подобные тем, какие многие татарки употребляют»³⁰.

Отмеченное путешественником сходство некоторых элементов в наряде бурятских, татарских и калмыцких девушек не случайно. Данное сходство можно рассматривать как один из фактов древних связей бурят с тюркскими и монгольскими народами, отразившихся в costume. «Подзатыльник» — это, очевидно, наспинно-накосное украшение (сааж), о котором удалось нам записать в Баргузинском и Тункинском районах Бурятии и в Иркутской области, а в Ольхонском районе Иркутской области удалось даже зарисовать разновидность этого украшения, близкую к описанному И. Георги.

Отмечая изменения, происходящие в costume, И. Георги описывает нарядную «душегрейку» (безрукавку): «В других же поколениях вошло в употребление носить сверх кафтанов маленькие душегрейки, коих спинки испещрены змеинными головками, бисером, шнурками и брякушками»³¹. К сожалению, неясно, имеет ли автор в виду родоплеменные или возрастные в пределах одного рода деления, говоря об изменениях costume в «поколениях».

Помимо описания особенностей народного costume, И. Георги оставил чрезвычайно интересные сведения о costume бурятского шамана. Судя по иллюстрациям, платье бурятского шамана подобно тунгусскому — в обоих случаях оно распахнутое, с узкими длинными рукавами, с нашивками на спине из ткани различной длины, украшенных аппликацией или металлическими пластинами. С рукавов свисают длинные полоски бахромы из кожи. По описанию автора, одеяние шаманов кожаное, «замшаное». «Священнослужители носят одеяние обыкновенно замшаное, длинное, увешанное сплошь идолслужебными гремушками, набитыми чучелами змеинными, лентами, ремешками и бахромками; голову покрывают родом шоломов, бьют в шаманский бубен околдованный. Носят сапоги, чулкам подобные... Многие бурятские шаманы-колдуны не имеют ни шаманского одеяния, ни бубнов: но увешивают только обыкновенное свое платье лоскутьями, мелкими горностайнными и другими шкурками и употребляют волшебную палочку»³². Это описание шаманского costume у бурят подтверждает и даже несколько дополняет другой путешественник-исследователь XVIII в. Степан Крашенинников, который отмечал, что бурятские шаманы имели специальный costume, надеваемый только при камлании — «когда хотят бить в бубен»³³.

Новыми для нас фактами являются упомянутые С. Крашенинниковым «кохти филиновы», употребляемые в качестве подвесок к шаманскому костюму, и перья филина, пришитые на широкую лямку, надеваемую шаманом на голову. Участник Северной экспедиции С. Крашенинников также дал краткое описание бурятского народного костюма: «...Их платье такое ж, какое бабы качинских татар носят... Волосы у мужиков и баб черные. Бабы к косам своим приплетают лошединые черные хвосты, па половине косы продеты сквозь оловянную трубку и концами в оловянных же трубках утверждены»³⁴. Наряду девушек автор уделял больше внимания. Его подробное описание украшений и подвесок является своего рода комментарием к рисунку И. Георгия: «Поясы такие ж, как у мужчин, серебром насеченные имеют... а около его (пояса) разные медные фигуры, кольца и прочее навешаны, а над поясом медные колокольчики с язычками, над колокольчиками спина оловянными фигурками выкладена, напереди змеиные головки нашиты, на шею бисерные перлы, на голове шапка круглая, опушенная лисицей»³⁵.

Производственный костюм описан в статье «О соболином промысле» С. Крашенинников охарактеризовал костюм охотника-промысловика тунгусов и бурят. Нельзя не отметить значение этого описания. С течением времени, с изменением хозяйственного уклада охотничий промысел стал играть меньшую роль в жизни бурят. Одновременно стали исчезать и принадлежности промыслового костюма охотника. По С. Крашенинникову, эта одежда была единой у всех соболевщиков, они брали ее с собою вместе с припасами, принадлежностями промысла: «...У всякого имеется коротенькая душагрейка... лузан, налокотники, накочетни, а вместо шапок суконные сермяжные малахаи. ...Лузаном называется суконной наплечник, по бокам не шит и без рукав, у которого зад длиною до пояса, а перед гораздо короче. Надевают его с головы воротом, по рубашечному прорезанным. Перед лузана оторочен кожей, а в оторочку протет ремень... А надевают их для того, чтоб снег за кавтан не засыпался... Налокотниками называются овчинные нарукавники, которые промышленные, будучи на промысле, на руки для тепла под кавтан надевают, потому что шуб не берут на промыслы»³⁶. Такие налокотники надевали охотники за нерпами на Байкале.

«Накочетни», по С. Крашенинникову,— это овчинные опушки, шерстью вверх, которые надевались на рукав, чтобы снег не засыпался за рукавицы. Эта часть одежды промысловика, защищающая запястье от морозов, сохранилась и до наших дней. Но теперь шьют их из ткани, простеганной с ватой на подклад-

ке. «Уледи», по сведению С. Крашенинникова,— это обувь, у которой «носки с крючками; переди и подошвы у них из одной кожи»³⁷. Таким образом, в записях С. Крашенинникова отражены отдельные черты материальной культуры бурят, свидетельствующей о взаимовлияниях и взаимосвязях с соседними этническими группами. Сходство принадлежностей промыслового и шаманского костюмов указывает на древность этих связей.

Судя по дорожному журналу исследователя, эти описания относятся к бурятам, расселенным по р. Уде, в окрестностях Удинского острога. Как известно, Удинский острог был построен в самом центре «ашехабадской» земли³⁸. «Около сего острога кочуют братские татары, которых язык с тунгусским и мунгальским очень много сходен. Вера их такая, какую держат качинские татары... Живут в юртах осьмиугольных»³⁹.

Экспедиционные наблюдения С. П. Крашенинникова подтверждаются более поздними исследованиями, установившими близость бурят с тюркоязычными народами Алтая. «Бурят-монгольский народ сформировался в соседстве с тюрками и в какой-то мере в результате этого соседства»⁴⁰.

В дорожных записях путешественника мы находим также перечень тех товаров, которыми торговали китайские купцы в Маймачене, расположенном недалеко от Кяхтинской торговой слободы. «Товары имеют голи, полуголи, фанзы, канфы, урубок, соломенки,... банбереки, лощеную и нелощеную китайку, атласы, крепы, дабы⁴¹,... чай, сахар»⁴².

Близки по времени к работам С. Крашенинникова записки очевидца бурятской жизни XVIII в. М. Татаринова, жителя Иркутска, оставившего интересное описание хозяйственной жизни, быта и обрядов бурят. В его записях много новых сведений о бурятском костюме, в частности, о китайских тканях, употребляемых для шитья одежды. «Платье имеют по большей части шубы бараньи и покрывают китайскою камкою, магнутом, соломенкою и протчими китайскими материями»⁴³.

Описание костюма М. Татаринов сопровождает бурятскими названиями: «А шубы козы, тако ж лесных коз и волчьи, носят вверх шерстью и называют «дахо» ...А летом носят азямы, на подобие татарских, по их называются «тырлык»... Да сверх одежды надевают наподники, по их называются «хормойкши». А оные шьют из всякой материи и сукна... На ногах сапоги, по их называются «унты», изюбровые или козуль лесных, теплые и холодные, чулки войлошные»⁴⁴.

М. Татаринов упоминает вид одежды «хормойкши», который И. Георги назвал «накидными полами» и дал разъяснение, что это женская поясная одежда в виде двух прямоугольных кусков ткани, которые крепились на поясе поверх халата.

М. Татаринов подчеркивает сходство девичьей одежды с мужской. «Платье такое ж, что и у мужчин, таки ж и штаны, летом холодные, и зимою теплые»⁴⁵. Из его же описаний известно, что девушки носили такой же пояс со всем прибором, что и мужчины. По литературным данным (XVIII и XIX вв.), до периода зрелости на девушку смотрели как на чистое (арюхан) существо, каким считался мужчина. Поэтому ее одежда не строго отличалась от мужской. Покрой верхней одежды — летней (тэрлиг) и зимней (дэгэл) — у них был одинаков. Но платье и прическа девушки 14—15 лет менялись, свидетельствуя о ее зрелости и о том, что ее можно уже сватать. В замужестве она поверх халата надевала упомянутые выше «наподники», прикрывающие подол ее платья.

М. Татаринов обратил внимание и на то, что погребальный костюм бурята составлял его лучшее одеяние. «Кто умрет из братских мужска или женского полу, наряжают умерших в лучшие платья, с ними кладут огниво, трут, трубку, платье летнее и зимнее... при них кладут лошадей по две или кто, сколько богат»⁴⁶.

В главе «О военном и конском уборе» он пишет, что буряты и тунгусы, как иркутские, так и забайкальские, хорошие наездники и весьма искусно владеют луком. Его описание военных доспехов весьма интересно: «Також для военного случая имеют панцири, сабли, а особливо у забайкальских много кольчюг и шалок железных; притом есть стеганные бумажники, которые настигаются раз по десяти и покрывают «фанзою» или дабою, которые бумажники стрела пробить не может»⁴⁷. «Стеганные бумажники», по-видимому, вид панциря. Подобные доспехи, «толсто подбитые хлопчатой бумагой или пенькою, существовали в XIX в.»⁴⁸ у монголов под именем *олбок*. По словарю К. Ф. Голстунского, монгольское слово *олбок* и маньчжурское *olba* имеют значение «куртка, стеганная на пеньковой пакле и надеваемая на войне»⁴⁹.

Другой наблюдатель жизни бурят последней четверти XVIII в. надворный советник Ф. Ланганс в «Собрании известий...»⁵⁰ описал хозяйство, быт и культуру обитателей этого края. В параграфе «О платье и нарядах» автор пишет: «Обыкновенное их платье состоит в шубе из овчины, похожей на русский кафтан, длиною до икр с долгими вверху широкими, а по концам узкими, у богатых выдрю опушенными рукавами, которую они в жару шерстью наружу выворачивают»⁵¹. Ланганс отмечает, что летнее одеяние у бурят было того же покроя, что и шуба, но только у бедных — кожаное, а у богатых — суконное и шелковое; обувь буряты делали из кож, она была короткой и широкой; чулки и штаны также были кожаные. А рубахи из ткани имели воз-

возможность носить только богатые, да и то редко. Любопытный факт указан Ф. Лангансом: буряты «ни в какие морозы рукавиц не имеют»⁵². Это могло быть связано с покроем рукавов старинной шубы, прикрывавших кисти рук.

Ф. Ланганс, рассказывая о том, что буряты часть волос остригают, пишет, что, кроме обыкновения заплетать их в одну косу, иногда «особенно молодые люди в две и три косы заплетают»⁵³. Обычай заплетать на свадьбу в две, три, а то и больше косичек волос женихов, украшая их серебром и кораллами, сохранился в памяти старшего поколения до сегодняшнего дня.

Ф. Ланганс во многом повторяет описания М. Татаринова, хотя и в отличие от него приводит бурятские названия наконечников, футляров для кос из бархата (шибирги), составляющих вместе с безрукавкой «из китайки или сукна» часть народного костюма замужней женщины-бурятки. Так же, как и многие другие авторы, он отмечает, что «девки плетут на все стороны вокруг кос по двадцати, из коих на одной висящей на лбу приделывают бляху»⁵⁴. По нашим полевым записям, такая бляха (юбун) закреплялась на лбу девушки на выданье. Это был своего рода знак, что девушка достигла того возраста, когда можно к ней свататься.

Ф. Ланганс, по-видимому, описывает одежду предбайкальских, баргузинских и селенгинских бурят, на что он указывает в главах, посвященных хозяйству, жилищу, военному снаряжению. Позднейший материал (музейный и полевой) констатирует старинные элементы одежды этих районов в костюме XIX — начала XX в.

Сведения путешественников и исследователей XVIII в. значительно обогатили наши материалы о бурятской одежде, помогли выявить ее функции, половозрастные и социальные различия, обрядовое значение, а также роль в производственной и бытовой жизни XVIII в. Всеми исследователями подчеркивается особое положение замужней женщины, обращается внимание на сходство мужской одежды с девичьей, что весьма характерно и для других народов Восточной и Средней Азии.

Ценным является описание шаманской одежды, в частности материалы С. Крашенинникова, относящиеся к удинским бурятам, т. е. к бурятам «ашехабадского» рода⁵⁵.

В XVII в. у бурят еще сохранялись военная одежда и снаряжение, часть которого использовалась в облавной охоте, существовавшей в те времена.

Из сведений ученых и путешественников XVIII в. видно, что обработанное сырье, добытое охотой и производимое в хозяйстве бурят (различные меха, шкуры, кожа, изготовленный из шерсти войлок), служило основным материалом бурятской одежды. Вмест-

те с тем были в ходу и различные привозные хлопчатобумажные ткани, а зажиточная часть бурят использовала шелк, сукно и т. д. Ткани были китайские (привозившиеся через Монголию в Кяхту, Селенгинск, Нерчинск), бухарские, русские и даже западноевропейские.

К сожалению, в источниках XVIII в. нельзя выявить особенности одежды родоплеменных подразделений бурят, в то время как социальные различия в одежде подчеркиваются почти всеми авторами. Вместе с тем в XVIII в. буряты четко осознавали принадлежность к определенному роду. И при наличии большой общности в одежде бурят, вероятно, в отдельных чертах проявлялись эти родоплеменные различия. По воспоминаниям современного населения разных бурятских групп⁵⁶, в отдельных случаях можно установить, что те или иные сведения об одежде относятся к бурятам Забайкалья, Предбайкалья или более мелким территориальным группам.

В трудах исследователей XVIII в. впервые указывается на сходство бурятской одежды с одеждой других народов — татар, эвенков, калмыков.

4. Исследователи сибирской старины начала XIX в. об одежде бурят

Авторы первой половины XIX в., которые в той или иной мере дают сведения о бурятской одежде, в большинстве случаев были исследователями-любителями сибирской старины. Среди них нужно отметить ученого-языковеда и этнографа Матиасса Александра Кастрена, посетившего Бурятию в начале XIX в. и описавшего костюм бурят.

Г. Спасский — исследователь и знаток сибирской старины, издатель журнала «Сибирский вестник», опубликовал на его страницах статью «Буряты». Он использовал в своей работе рукопись Ф. Ланганса, дополнив ее, по своим словам, «новейшими данными» начала XIX в. В отличие от Ланганса зимнюю бурятскую шубу из овчины он называет *дыгыл*, а летнюю — *тырлик* и отмечает, что они бывают кожаные, суконные, шелковые, выстеганные на верблюжьей шерсти, такого же покроя, как и шубы. Обстоятельно и подробно описывает Г. Спасский одежду бурят — замужних женщин и девушек, сопровождая почти каждую часть обыденного и праздничного костюма существовавшими в то время названиями: «...Рубахи носят весьма немногие из бурят; штаны (умду) и сапоги (гутул) имеют широкие, кожаные, а чулки (оймусун) из тонкого войлока, рукавиц (белей) не надевают. Многие носят кольца, перстни (бицылык) и серьги (сын-ки)»⁵⁷.

Он указал на сходство покроя верхней одежды и шапок бурят с тунгусскими. По его свидетельству, женское платье имело на поясе оборки, чем и отличалось от мужского. «Для большего наряда сверху длинного платья надевали другое короткое или длинное же без рукавов (уджи) из китайки, сукна, шелковой ткани, а более из лосины или другой мягкой кожи»⁵⁸. Новое замечено автором и в отношении украшений: «Девушки поверх кос накладывают узкую повязку, выложенную металлическими бляшками, корольками и перламутровыми кружками (тана)»⁵⁹.

Г. Спасский обратил внимание и на обрядовую одежду. Нарядный, а за неимением такого, и будничной костюм бурят был погребальным. Он пишет: «Покойников погребают, одевая в лучшее платье, кладут с ним летнее и зимнее платье, вместе с огнивом (киты), трупом (ула), трубкой (гонза). В обычае было класть военные доспехи — лук, колчан (саадак), седло с приборами»⁶⁰, а также «панцыри» (коик), кольчуги, сабли (нюду) и железные шапки (долги)»⁶¹.

Буряты в начале XIX в., по-видимому, надевали халат не на голое тело, хотя рубах европейского типа у них не было. Ю. Джулиани свидетельствует: «Рубахи им неизвестны. Подобно тунгусам летом носят они очень маленькое нижнее платье, а зимой — широкие панталоны, как у наших матросов... Место рубашки иногда заступает нанковое полукафтанье, скрывающееся под длинным меховым кафтаном»⁶². Ткани, вероятно, покупались на ярмарках, проводимых в крупных городах Сибири — Красноярске, Иркутске.

Одежда бурят в XIX в. ярко отражала сословно-имущественную принадлежность владельца, что особенно подчеркивалось в праздничной одежде. Так, Ю. Джулиани указывает, что богатые шли свою одежду, покрывая «шелковыми материями или сукном с опушкой из дорогих мехов.., но это уже роскошь, которой бедняки не знают»⁶³.

Классовая дифференциация бурятского общества в начале XIX в. все более усиливалась. По свидетельству М. Геденштрома, «все старшины богаты скотом и деньгами и владеют обширнейшими и лучшими землями, простолюдины же напротив более и более беднеют»⁶⁴. М. А. Кастрен также отмечает, что «богатый окружает себя блеском и великолепием, тогда как бедный влачит бремя жизни в трудах и заботах, со слезами и вздыханиями»⁶⁵.

Имущественное деление не могло не сказаться и на costume: «Что касается одежды, то бедный бурят ограничивается и в жар, и в холод, и в дождь, и в ясную погоду одним овчинным тулупом»⁶⁶. В то время как у богатого бурята «платье из шелковой или другой какой дорогой китайской материи... с опушкой из черного соболя»⁶⁷.

В описаниях своего путешествия из Иркутска в Нерчинск ксендз Ф. Машевский замечает: «Тайша или главный правитель орды, недавно пожалованный от государя императора чином советника, со всеми своими приближенными носят шелковое платье, а простой народ употребляет кожаное, для лета очищенное от шерсти»⁶⁸.

XIX век внес много нового в хозяйственную, общественную и культурную жизнь бурят. Усилился переход кочевых групп к полупоседлой жизни и произошел более интенсивный сдвиг к оседлости и земледелию у некоторых западных групп бурят. Изменения произошли и в различных областях материальной культуры бурят, в частности, в одежде, хотя еще сохранялась большая устойчивость традиций, особенно в женской одежде.

Сведения об одежде начала XIX в. по сравнению с XVIII в. ярче подчеркивают имущественное неравенство, но очень мало отражают специфику одежды различных территориальных и родовых групп.

В целом источники первой половины XIX в. менее содержательны.

Специальные этнографические исследования материальной культуры бурят начинаются с середины XIX в., с организации Русского географического общества.

¹ См.: Сборник документов по истории Бурятии XVII в.— Вып. 1.— Улан-Удэ. 1960.— С. 109.— № 41, 1641 г. Отписка енисейского воеводы Федора Полюбина. (Далее: Сборник документов...).

² Сборник документов..., с. 109, с. 443—448.

³ Турукай-табуан, зять Цепен-хана — известного монгольского князя. и Култуци были первыми князьями, встречавшимися русским в Забайкалье: их «урусные люди» кочевали по Хилку и Шилке, иногда они встречались и в Еравне (ныне территория БурАССР).

⁴ Сборник документов..., с. 113, № 42, 1647 г. Расспросные речи десятника казачьего Москвитина с товарищами о поездке к князю Турукай-табуану и к монгольскому хану Чичину.

⁵ Там же, с. 294, № 92, 1684 г. Отписка иркутского воеводы Леонтия Кислянского енисейскому воеводе кн. Константину Щербатову.

⁶ Там же, с. 120, № 43 (А), 1648—1649 гг. Дело о службе енисейского сына боярского Ивана Похабова.

⁷ Там же, с. 282, № 85, 1684 г. Отписка иркутского письменного головы Леонтия Кислянского енисейскому воеводе.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 298, № 93, 1687 г. Отписка иркутского воеводы А. Синявина... о назначении в Тункинский острог приказчиком сына боярского Остафья Перфирьева и об отправлении «подарочной» казны для ясачных иноземцев...

¹⁰ Там же, с. 330, № 119, 1689 г. Проезжая грамота, данная иркутским таможенным головой Дмитрием Каменниковым приказчику... Тимофею Божедомову на проезд из Иркутска в Верхнеудинск с товарами.

¹¹ Там же, с. 247, № 73, 1680 г. Проезжая... данная Михаилу Понкратьеву на проезд из Иркутска в Удинский и Баргузинский остроги...

- 12 Там же, с. 375, № 133, 1690 г. Проезжая грамота... торговому человеку Матвею Фомину из Иркутска через Удинск в Нерчинский город с товарами.
- 13 Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России.—Улан-Удэ, 1958.— С. 181.
- 14 Сборник документов..., с. 97, № 40, 1647 г. Отписка ленского воеводы... о восстаниях верхоленских бурят.
- 15 Там же, с. 77, № 36, 1646 г. Челобитная... служилых людей в Сибирский приказ...
- 16 Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и грани Китая // Зап. ИРГО.—Т. 10, вып. 1.—СПб., 1882.
- 17 Цитируется из книги Алексеева М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей.—Гл. 7—10.—Иркутск, 1941.—С. 522.
- 18 Басанова Э. Г. Джон Белль о Бурятии // Этнографический сборник.— № 5.—Улан-Удэ, 1969.—С. 204.
- 19 Там же, с. 204.
- 20 Алексеев М. П. Указ. соч., с. 537.
- 21 Георги И. Описание всех живущих в Российском государстве народов... с. 4.—СПб., 1799.—С. 31.
- 22 Там же, с. 31.
- 23 Там же.
- 24 Там же, с. 32.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Там же, с. 33.
- 28 Там же, с. 33.
- 29 Там же, с. 34.
- 30 Там же, с. 34.
- 31 Там же, с. 111. Возможно, «зменными головками» И. Георги назвал раковины каури, которые применялись у бурят, как и у других народов.
- 32 Там же, с. 111.
- 33 Крашенинников С. П. в Сибири. Неопубликованные материалы. Дневник путешествия в 1734—1736 гг.—М.—Л., 1966.—С. 66.
- 34 Там же, с. 66.
- 35 Там же, с. 66—67.
- 36 Там же, с. 159.
- 37 Там же, с. 159, 169.
- 38 См.: Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Зап. БМИАЛИ.—Вып. 1.—1939.—С. 111.
- 39 Крашенинников С. П. в Сибири..., с. 66.
- 40 Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов.— Л., 1937.—С. 308.
- 41 Голи, полуголи, фанзы, канфы—шелковые ткани, урубок—китайская ткань из крапивы, банберек (байберек)—плотная шелковая и парчовая ткань, креп—шелковая ткань; даба и китайка—хлопчатобумажные ткани.
- 42 Крашенинников С. П. в Сибири..., с. 72.
- 43 Румянцев Г. Н. Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым.—Улан-Удэ, 1958, с. 22.
- 44 Там же, с. 23.
- 45 Там же, с. 23.
- 46 Там же, с. 20.
- 47 Там же, с. 26.
- 48 Банзаров Д. Собр. соч.—М., 1955.—С. 162—163.
- 49 Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь.—СПб., 1838.—Т. 1—С. 247; цит. по кн.: Румянцев Г. Н. Указ. соч., с. 247.
- 50 Ланганс Ф. И. Собрание известий о начале и происхождении разных

племен и инверцев в Иркутской губернии обитающих, о преданиях между ними сохранившихся, о достопамятных происшествиях и о законе и обрядах их осталось в рукописи. Цит. по ст.: Ким Н. В. Материалы Ф. Ланганса о культуре и быте бурят // Этн. сб.— Вып. 4.— Улан-Удэ, 1965.— С. 145.

⁵¹ Указ. соч., с. 149.

⁵² Там же, с. 149.

⁵³ Там же, с. 149.

⁵⁴ Там же, с. 150.

⁵⁵ Токарев С. А. Расселение бурятских племен..., с. 111.

⁵⁶ Полевые записи автора 1969 г. (Петровск-Забайкальский, Хилковский, районы Читинской обл., Кяхтинский, Селенгинский районы Бурятской АССР). Полевые записи автора 1972—1973 гг. (Агинский автономный округ Читинской области, отдельные районы Иркутской области).

⁵⁷ Спасский Г. И. Буряты // Сибирский вестник.— СПб., 1824.— С. 41.

⁵⁸ Там же, с. 41.

⁵⁹ Там же, с. 42.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Джулиани Ю. Буряты // Библиотека для чтения.— Т. 7.— СПб., 1824.— С. 60.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Геденштром М. М. Путешествия Геденштрома по Ледовитому морю и островам оною, лежащим от устья Лены к востоку // Сибирский вестник.— 1822.— Ч. 17—19.

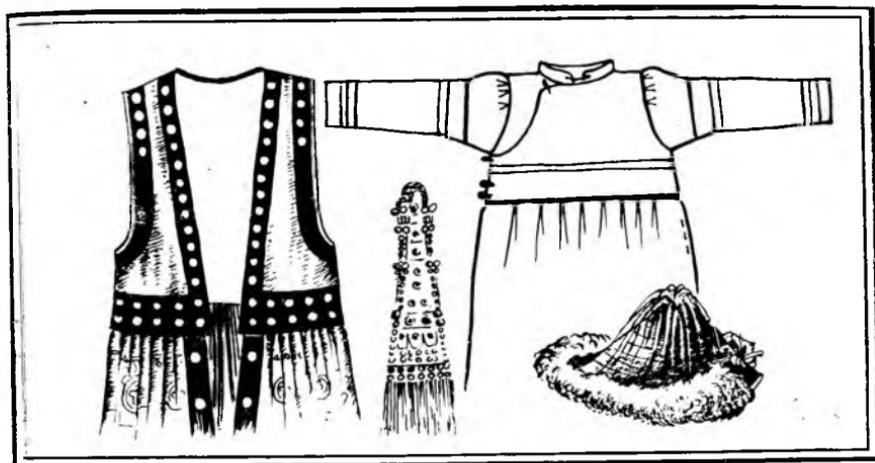
⁶⁵ Путешествия М. А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазин земледения и путешествий.— М., 1860.— С. 448.

⁶⁶ Там же, с. 448.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Путешествие кс. Ф. Машевского из Иркутска в Нерчинск (1817) // Сибирский вестник.— 1821.— Ч. 14.

Г Л А В А II КОСТЮМ БУРЯТ СЕРЕДИНЫ XIX—НАЧАЛА XX В.

I. Материал одежды и его обработка

Материал одежды во второй половине XIX — начале XX в. во многом зависел от хозяйственных занятий отдельных групп бурят, населявших районы Забайкалья и Предбайкалья с весьма различными климатическими и природными условиями. Хотя основное занятие населения Иркутской губернии и Забайкальской области в изучаемый период составляли скотоводство и земледелие, наблюдалось также и развитие других видов хозяйственной деятельности, оказавших влияние на материалы одежды и обусловивших распространение некоторых элементов костюма.

Хозяйство бурят Предбайкалья было земледельческо-скотоводческим. Буряты жили в домах-избах русского типа, а летом — в деревянных летниках-юртах, шести- и восьмиугольных, таких же, как у алтайцев и тувинцев. Наблюдался постепенный переход бурят к оседлости, восприятие культуры русского народа, что было явлением прогрессивным. Появились совершенно новые формы одежды (зипуны, сарафаны, сапоги), для изготовления которых использовался материал домашнего и фабричного изготовления. Например, здесь стали изготавливать зипун — верхнюю мужскую одежду — из шерстяной вязаной, а затем свальной ткани.

Распространение одежды городского типа — рубахи, пиджака, брюк, сапог и т. д. — повысило спрос на ткани фабричного изготовления. Внедрение и распространение такой одежды были обусловлены частично христианизацией, проводимой миссионерами

среди бурят Иркутской губернии, а также желанием богатой прослойки бурят выделиться одеждой от остальной массы населения и приблизиться к представителям господствующего класса, какими были в этом крае русские чиновники и купцы.

Ткани покупали, в основном, на ярмарках, устраиваемых в Иркутске, Киренске, Верхнеудинске, Нерчинске, Баргузине и Кяхте. Покупала добротные ткани и носила одежду городского типа только зажиточная часть бурятского населения, а остальная довольствовалась одеждой из дешевых тканей — дабы, ситца. На изготовление производственной обуви использовали конский волос, иногда добавляли и козий.

В некоторых районах, особенно в таежных, буряты по-прежнему занимались охотой и рыболовством. Это занятие сохранялось у нижнеудинских бурят вплоть до начала XX в. Эта группа бурят кочевала, держалась близко к тайге, богатой зверем, и имела только необходимое количество скота (корову и коня на семью). Таких хозяйств в то время было много. Естественно, что у нижнеудинских бурят основным материалом для шитья одежды были шкуры зверей, о чем сообщает очевидец жизни бурят того времени Д. И. Стахеев: «...Иные и вовсе не держали скота, занимались охотой и рыболовством»¹. Из шкур сохатого, изюбря, волка шили дохи. Дымленные шкуры косули шли на изготовление верхней одежды — мужских и женских шуб. Из ровдуги делали штаны, чулки, охотничьи куртки. Буряты небольшого Ольхонского ведомства занимались, кроме скотоводства и рыболовства, нерпичьим промыслом. Шкура нерпы шла на изготовление зимних шуб, мужских шапок, а жир использовался при выделке кож и употреблялся в пищу. Для выделки шкур животных буряты также использовали и рыбий жир.

Рыболовством и нерпичьим промыслом занималось все прибрежное население Байкала и крупных рек Забайкалья — кударинские, баргузинские буряты. Буряты, жившие в Кударинском и Баргузинском ведомствах, по образу жизни мало чем отличались от бурят Иркутской губернии. Они также развивали земледелие, вели полуоседлый образ жизни. Баргузинские буряты, будучи отличными охотниками, добывали шкуры медведя, которые шли на продажу или использовались в быту. Из кож изюбря, косули выделывали ровдуги. Здесь был развит соболиный и беличий промысел, в реках ловили выдру. Меха, кроме платежа (ясака), шли на отделку верхней одежды, шапок. Зажиточные буряты делали из беличьих шкур подкладку для зимних праздничных шуб. Позднее, с переходом к оседлой жизни, развитием земледелия и сенокоса, буряты начали приобретать часть мехов у эвенков, особенно оленье камусы для изготовления обуви. Для рыбной ловли буряты шили специальную обувь из скотских камусов — бродни.

Скотоводством и охотой занимались в горных районах окинские буряты. У них также основным материалом для изготовления одежды были шкуры домашних и диких животных. В отличие от других северных бурят они применяли шкуры и волос яков, разводимых в Саянах.

Хозяйство селенгинских, хоринских, верхнеудинских бурят к этому времени также стало скотоводческо-земледельческим. Селенгинские буряты одинаково развивали товарное земледелие и скотоводство. Материалом для шитья одежды здесь служила большей частью овчина, которая все еще была основным материалом одежды неимущих частей верхнеудинских и хоринских бурят. У другой социальной группы — нойонов, богатых скотоводов, сосредоточивших в своих руках основные средства производства, одежда шилась из покупных тканей, дорогих мехов. Были распространены шелковые китайские ткани, хлопчатобумажные и льняные, привозимые русскими купцами.

В Хоринском, Селенгинском ведомствах и в Закаменской иногородной управе жили зимой в домах, а летом — в деревянных юртах. Передвижные войлочные юрты были в Селенгинском и Хоринском ведомствах, ими пользовались при перекочевках со скотом. Эти условия жизни и труда влияли на сохранение традиционных видов материала одежды.

Буряты Агинского ведомства оставались в изучаемый период скотоводами и почти не занимались земледелием. Естественно, что в этих районах, в основном, использовали в одежде шкуры домашних животных и больше всего овчину. К концу XIX в. у агинских бурят сохранилось значительное поголовье овец. Жители этого района применяли шерсть верблюда как подкладку к верхней одежде — осенним халатам, большей частью мужским, а из длинного шейного волоса верблюда изготовляли нити для шитья одежды из ткани. В этих степных районах мало использовали шкуры копытных зверей. Здесь водились степные лисы, тарбаганы, степные волки, шкуры которых буряты добывали и употребляли при изготовлении одежды. Агинские и ононские буряты в отличие от представителей других групп бурят жили в войлочных юртах.

Вопросы обработки материала одежды и прежде рассматривались историками и этнографами². В настоящей работе технология обработки материала освещена с точки зрения этнических особенностей культуры бурят (карта 1).

Выделка овчины. Овчина по своему качеству подразделяется на несколько категорий: *хуулидха* — весенне-летняя с очень короткой состриженной шерстью; *хэрбэдхэ* — летняя с короткой шерстью (1—2 см); *узуур* — осенняя с длинной шерстью; *нэхы* — зимняя с густой и длинной шерстью; *сагаан* — мерлушка, *наг-*

саар — зимняя шкура ягненка; *хахуурга* — шкура молодой овцы³. Легкая и тонкая овчина шла на изготовление головных уборов, рукавиц, подкладки шуб, а зимняя, более тяжелая, использовалась для шитья одеял, дох и т. д.

Свежую овчину (сырую) прежде всего растягивали и сушили. Край шкуры расправляли с помощью маленьких палочек (*тэбхэ*), особенно части шкуры с ног, шеи и хвоста. Сушили в прохладном, хорошо проветриваемом месте. Выделку шкуры начинали по необходимости, т. е. когда собирались шить одежду и для этого было собрано достаточное количество качественной шкуры. Высушенную шкуру, в первую очередь, мазали для размягчения кисломолочными смесями. Часто на обработку шкуры шла бозо, кисло-горьковатая на вкус творожистая масса, остававшаяся после перегоня тарасуна (молочной водки). Бозо к тому же еще и отбеливала шерсть, для чего овчину иногда мыли в ее растворе. Монголы в процессе начальной обработки овчины несколько раз натирали мездровую сторону такой массой. Калмыки после предварительной обработки овчины солью (иногда с добавлением мелкого песка и глины) и просушки также натирали ее раствором бозо. Тувинцы для выделки овчины применяли такую же массу, название которой было созвучно бурятскому — *божо* (тув.)⁴.

Если не было под рукой бозо, то специально заквашивали молоко, доводя его до кисломолочной смеси. Буряты так же, как и все народы Сибири, занимавшиеся, главным образом, скотоводством, обрабатывали шкуру перебродившей смесью из вареной растолченной печени домашних животных и кислого молока (*ээд-мэг*).

Подобной смесью для обработки шкуры пользовалось и русское население Забайкалья, позаимствовав такой способ у бурят⁵.

В этнографической литературе отмечается использование кисломолочных продуктов для обработки шкуры животных почти всеми народами — скотоводами. С. И. Вайнштейн относит этот способ обработки к наиболее древнему, распространенному среди ранних ковевников⁶.

Смазанную размягченную овчину складывали мездрой так, чтобы жидкость не попадала на шерсть. Дальнейшую обработку продолжали, не давая окончательно высохнуть шкуре. Когда она подсыхала и становилась несколько жесткой, ее закручивали и растягивали на палочках (*мушхуурга*). Для этого одну палочку закрепляли у головной части шкуры, а другую — у хвостовой. Палочки были небольшие — длина, примерно, 30—40 см, диаметр 2,5—3 см. Сидя на полу, зацепив одной палочкой за вытянутые ноги и взявшись за другую палочку руками, женщина закручивала и растягивала овчину попеременно то в одну, то в другую сторону. Обработка продолжалась в течение 3—4 дней. Складывали овчину, за-

сшив палочки замком. Иногда овчину развешивали на столбе, в котором было вбито несколько крючков. Данный способ был распространен у бурят повсеместно, а в Тункинском районе Бурятской АССР он сохранялся до недавнего времени.

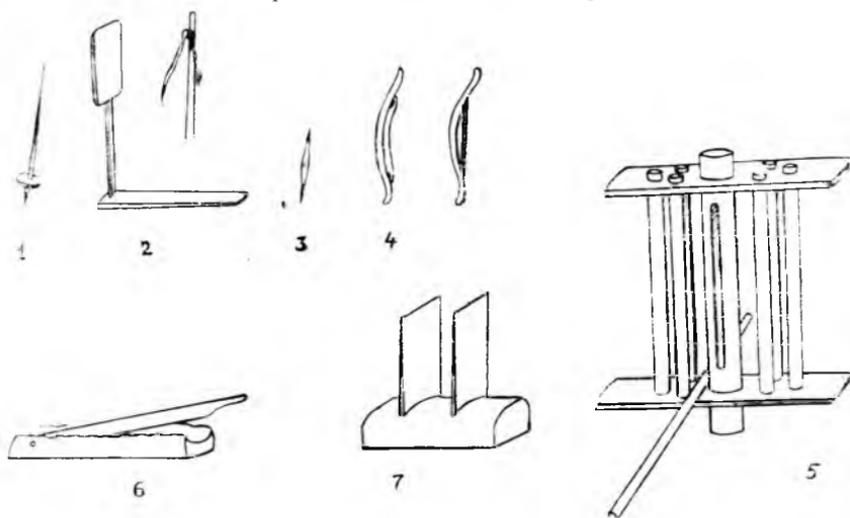

Рис. 1. 1. Веретено (аэрсэг). 2. Прялка (пряансаг). 3. Вязальная игла (зуун). 4. Скребок для обработки кожи (хэдэргэ). 5. Вертящаяся кожемялка (эрьюлгэ). 6. Ручная кожемялка (гар талхи). 7. Ножная кожемялка (хул талхи).

После такой обработки с овчины снимали палочки и мяли ее еще руками, очищая от остатков смеси. Если шкура была недостаточно мягка, ее вновь смазывали молочной смесью или какой-либо другой, более питательной массой. Затем немного подсушив, кожу опять мяли, скребли, снимая мезду скребком (хэдэргэ). Овчину, зажав один ее конец ступнями ног, скребли по направлению к себе, периодически передвигая шкуру. Скребок *хэдэргэ* представлял собой слегка изогнутую металлическую пластину, вставленную в деревянную оправу, концы которой служили ручками при работе (рис. 1(4), фото 1). У эвенков подобный скребок назывался *кэдэрэ*, у тувинцев — *хэдэргэ*, у монголов — *хэдэргэ*. Г. Поварнин назвал такой инструмент тунгусским ножом для дернения. Если не было специального скребка, то использовали тупую старую косу (хажуур). После просушки овчину снова смазывали примерно в течение 10—12 дней. У народов Сибири для выделки шкур существовал деревянный скребок с зубцами на одной стороне. Возможно, скребок из дерева был наиболее древним видом, рабочий край которого был заменен впоследствии ме-

таллическим. Такое предположение было высказано Г. М. Василевич⁷.

В южных районах Забайкалья — нынешнем Селенгинском, Кяхтинском, Тункинском — овчину выделывали несколько иначе, начиная выделку сразу после забоя овцы, когда, как говорится, кожа была «в собственном соку». Разминали овчину, закручивая и растягивая ее с помощью палочек, до полного высыхания сока. Только после этого смазывали арсой или другой кисломолочной смесью. Дальше процесс обработки был схож с вышеописанным.

Кроме ручного скребка (хэдэргэ), овчину обрабатывали ножным крюком (хул шударга). Ножной крюк делали обычно из березы с развилкой на одном конце, куда вставляли поперек металлическую однолезвийную пластинку. К нижнему концу крюка прикрепляли петлю. Подвешенную овчину натягивали левой рукой, а правой брали крюк за петлю или деревянную ручку на верхнем конце крюка и, вдев ноги в нижнюю петлю, скребли кожу сверху вниз. Ножной крюк употребляли в основном для выделки шкур диких зверей, которые были гораздо тверже, чем овчина. Инструмент был распространен только у бурят и алтайцев. Ограниченный район его распространения и отсутствие собственного названия этого орудия позволяют судить о его заимствовании. О применении такого инструмента русскими с давних времен упоминается в этнографической литературе.

Окончательным процессом выделки овчины было дымление (утаадха), ибо продыmlенная шкура дольше носилась, не портилась от влаги и сырости. Основной процесс дымления был почти одинаковым у всех групп бурят. Во дворе специально вырывали небольшую яму глубиной 40—50 см (эта глубина равнялась длине локтя — тохоног). В ней поджигали сосновые шишки или сухой навоз, которые тлели и давали обильный и густой дым. Над ямой устраивали шкуру мездрой вниз. В дыму сухого навоза (аргал) или сосновых шишек (буурсаг) овчина приобретала желтовато-коричневый цвет. Ее закрепляли, натирая мездровую часть конским пометом (тонтогоол). Таким образом дымило шкуру и русское население Забайкалья. Интересно отметить, что не только способы, но и терминология процесса были им переняты у бурят⁸.

Угинские и нижеудинские буряты Предбайкалья иногда производили дымление кож над очагом юрты. Они предпочитали медленное дымление. Немаловажно отметить, что эвенки дымили овчину, набрасывая ее на дымовое отверстие чума⁹, калмыки подвергали копчению сосуды из кожи, вывешивая их над дымом очага кибитки¹⁰. Способ дымления над очагом при обработке шкуры и ровдуги существовал у алтайцев и кетов. Указанные аналогии, возможно, свидетельствуют о древности данного способа, бытовав-

Фото 1. Виделька овчины. Снятие мездры с помощью скребка хадэргэ. Забайкалье, хориинские буряты. Конец XIX—начало XX в. БГОИА—Х музей, центральный фонд (Улан-Удэ), НВФ 2956—47.

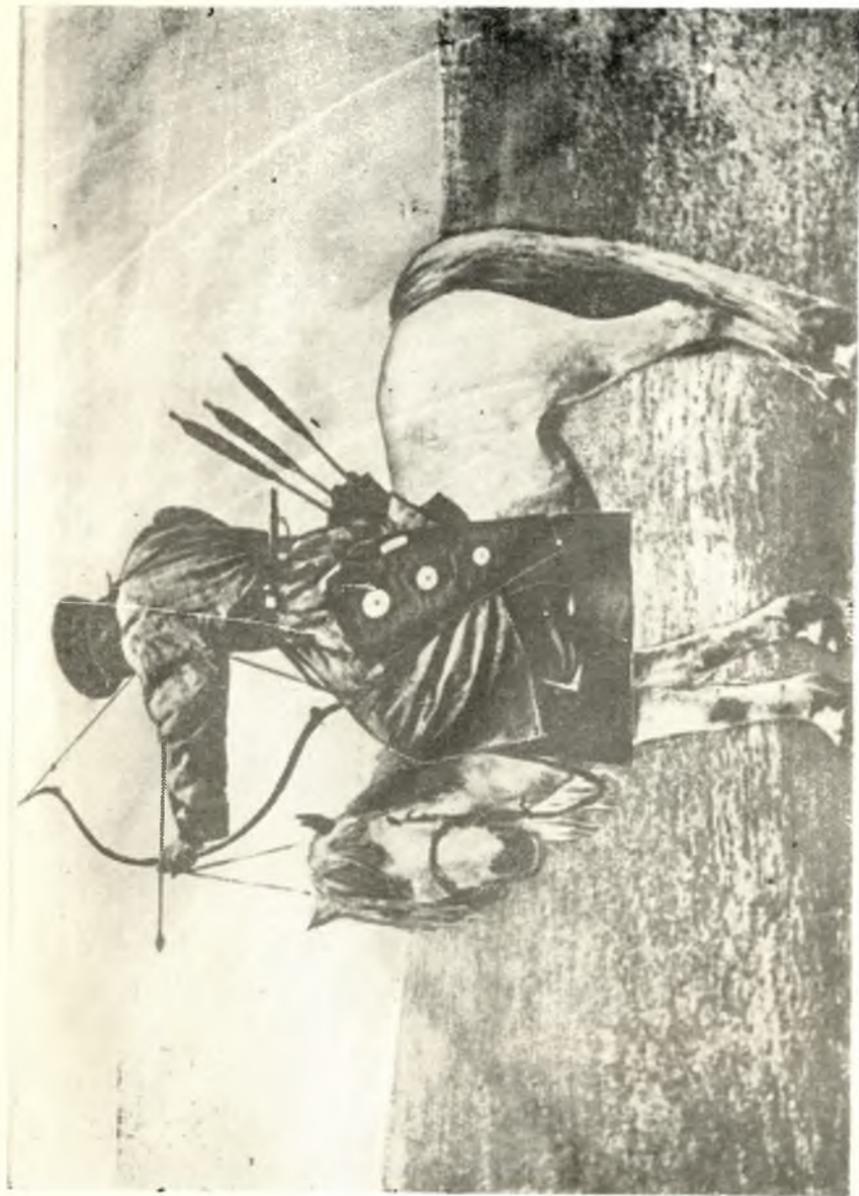

Фото 2. Охотник в традиционном костюме с луком и налучником, кожаном со стрелами. Забайкалье, хоришские бураты. Начало XX в. БГОИА-Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ПЗФ 4867—5.

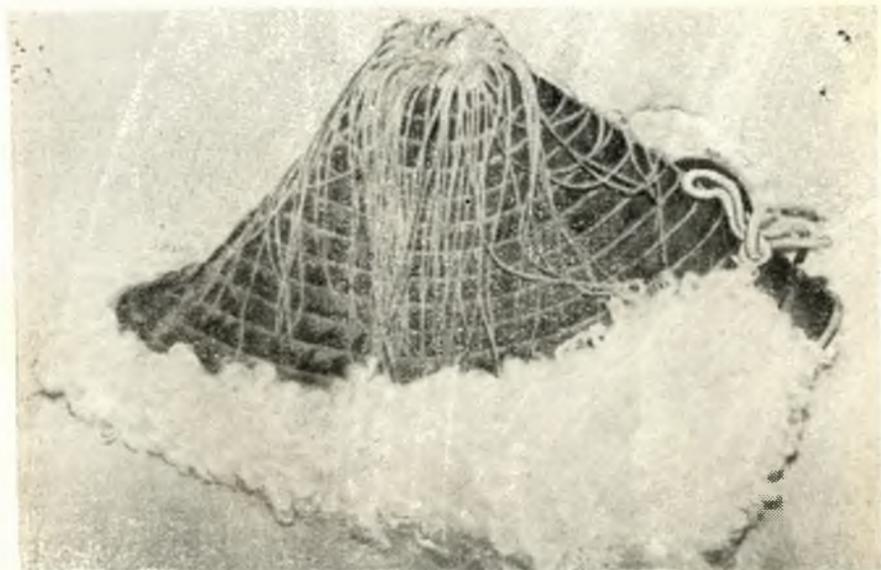

Фото 3. Зимний головной убор с наушниками (хасабштай малгай). Забайкалье, хоринские буряты. Конец XIX — начало XX в. БГОИА—X музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ОФ 1560.

Фото 4. Зимний головной убор с наушниками (хасабштай малгай). Забайкалье, хоринские буряты. Конец XIX — начало XX в. БГОИА—X музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ОФ 1562.

Фото 5. Охотник в зимнем промысловом costume с луком в налучнике и колчаном со стрелами, укрепленными на поясе из кожи с металлическими пластинами. Предбайкалье. Конец XIX в.

Фото 6. Девушка в традиционном наряде: халат по покрою идентичен мужскому, налобное украшение *юбун*, височно-нагрудное *сэртэбшэ*. Забайкалье, баргузинские буряты, Конец XIX — начало XX в. БГОИА—X музей, центральные фонды (Улан-Удэ), НВФ 1502.

Фото 7. Наряд замужней женщины. Забайкалье, закаменские буряты. Конец XIX — начало XX в.

Фото 8. Традиционная одежда замужней женщины. Предбайкалье, боханские буряты. Конец XIX — начало XX в.

Фото 9 (а, б). Безрукавка (дэгэлэй): а — вид спереди, б — вид сзади. Предбайкалье, верхоленские буряты. Конец XIX—начало XX в. БГОИА—Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ). ОФ 10270.

Фото 10 (а, б). Безрукавка (дэгэлэй), а — вид спереди, б — вид сзади. Предбайкалье, верхоленские буряты. Конец XIX — начало XX в. БГОИА—Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ). ОФ 10270.

Фото 13. Башмаковидная обувь с носком с мысиком (заготовка). Вышивка цветными шелковыми нитками. Орнамент криволинейный, южносибирского типа. Предбайкалье, боханские буряты. Начало XX в. БГОИА—Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ОФ 2546.

Фото 11. Башмаковидная обувь с носком с мысиком и кожаными союзками. Предбайкалье, начало XX в. БГОИА—Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ОФ 1545.

Фото 12. Башмаковидная обувь с острым носком и загнутой подошвой (эрмэг гутал). Вышивка кручеными шелковыми нитками. Орнамент центральноазиатского типа. Забайкалье, начало XX в. БГОИА—Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ОФ 571.

Фото 14. Буряты в традиционном наряде. Забайкалье, хорицкые буряты. Колл. XIX — начало XX в.

Фото 15. Традиционный костюм замужней женщины. Предбайкалье, аларские буряты. Конец XIX — начало XX в.

Фото 16. Традиционный летний наряд замужней женщины.
Предбайкалье, боханские буряты. Начало XX в.

шего у разных групп скотоводческих народов, а также связях бурят с древним населением края, к которому относятся кеты, эвенки, тюркомонголы, в частности ойраты.

В конце XIX в. буряты иногда выделывали шкуры не только для своих нужд, но и выполняли заказы русских крестьян. М. Н. Хангалов отмечает, что в конце XIX в. нижеудинские буряты еще не оставили охоты и рыболовства, продолжавших составлять основу их хозяйственно-экономической жизни¹¹, а это обуславливало не только сохранение, но и развитие этого ремесла у них. То же самое наблюдалось у обусинских, боханских и кахинских бурят Иркутской губернии.

Выделка шкуры диких зверей. Кроме овчины, для шитья одежды буряты использовали шкуры диких зверей, в особенности те, которые населяли лесные районы Предбайкалья — унгинские, осинские, кахинские, а также горнотаежные районы Забайкалья — баргузинские, тункинские, окинские.

Другие группы бурят, занятые земледелием и скотоводством, шкуры зверей использовали для изготовления промысловой одежды. Выделкой шкур зверей занимались, как и обработкой овчины, женщины. Орудия и способы обработки шкур диких зверей и домашних животных сходны. Отметим лишь, что шкуры медведя, волка, рыси трудно поддавались обработке. Их смачивали, пропитывали молочнокислыми смесями, скоблили, заправляли в кожемялку и размичали в течение 2—3 дней. Процесс часто приходилось повторять. Правда, шкуры медведя и рыси достаточно было смазать только один раз, так как они содержали немало жира. В кожемялке весь остаток жира выходил, и кожа становилась мягкой и рыхлой. Шкуру рыси обрабатывали на ножной кожемялке, затем на крюке и дополнительно мяли руками, соскабливая мездру. Только после длительной обработки шкура получалась мягкой и пригодной для дальнейшего использования.

Шкурки выдры, соболя, белки, лисы, а также зайца обрабатывали, в основном, руками. Шкурки соболя, горноста, колонка снимали, начиная с головы, беличьи шкурки — с хвоста. Сушили их в особых колодках, которые делались из досок. Старались расправить не только основную часть шкурки, но и лапки, даже хвост, так как мех пушных зверей ценился высоко. Беличьи шкурки сушили, развесив на веревках. Затем их смачивали молоком или же квашеной (забродившей) смесью из молока и муки. После такой размягчающей пропитки шкурку мяли руками, одновременно соскабливая мездру. Ценная пушнина использовалась для шитья шапок, воротников, отделки манжетов и костюма; беличьи шкурки шли на подкладку шуб, шапок.

Для шитья одежды ценились осенние и зимние звериные шкуры, шерсть которых в это время бывает густая и крепкая. У летних шкур шерсть короткая и слабая, а значит, и низкая по каче-

ству. Поэтому летние шкуры шли на изготовление легкой будничной одежды; шкуры диких коз — на охотничьи куртки, штаны, чулки; шкуры медведя, волка — на дохи.

Выделка кожи. В бурятской одежде XIX — начала XX в. широко примененные находила кожа. Выделку скотской кожи начинали со снятия волосяного покрова. Для этого шкуру держали в воде несколько суток, давали ей подгнить, после чего волосяной покров легко сходил (салзаха). Его снимали руками, а неподдающиеся участки соскабливали скребком. После этого кожу подсушивали, мазали костным жиром, закладывали в кожемялку (эрьюлгэ) и мяли. *Эрьюлгэ* — деревянная кожемялка, состоящая из столба и рамок, вращающихся на двух плахах, насаженных на столб параллельно друг другу (см. рис. 1(5)). Вращали рамку при помощи длинной палки — рычага. Когда закладывали много кож сразу, то люди вынуждены были использовать конную тягу, и тогда кожемялка называлась *морин эрьюлгэ*. Существовали у бурят и другие виды кожемялок: ручная (гар талхи) и ножная (хул талхи). Ручная кожемялка состояла из колоды с зазубренными внутренними стенками и деревянного рычага (см. рис. 1(6)). Кожу помещали между колодой и рычагом и разминали, сильно надавливая на нее рычагом. Время от времени кожу передвигали, переворачивали. Так же обрабатывали кожу и монголы. По форме и принципу работы бурятская кожемялка *талхи* была близка к тувинской *далгыг* и хакасской *талсы*. По принципу работы эти кожемялки напоминали станок для обработки конопля¹². Русское население Забайкалья пользовалось кожемялкой *эрьюлгэ*, бытовавшей у бурят и других монголоязычных народов, а также у тувинцев, алтайцев и хакасов.

В Забайкалье сохранился и существовал до недавнего времени другой вид кожемялки — ножной (хул талхи). Она состояла из двух деревянных дощечек с затесанными верхними краями, вертикально укрепленных на брус (см. рис. 1(7)). Женщина, разложив на дощечки кожу и придерживая ее концы руками, надавливала на нее коленом. Этой кожемялкой чаще пользовались при выделке овчин.

Конскую кожу, снятую зимой (лошадей забивали после наступления холодов), сушили до весны в сравнительно теплом помещении. Выделку начинали с размягчения молочно-мучной смесью, затем мяли на кожемялке, снимали мездру. Потом мазали кашницей из муки и животного жира. Затем снова счищали мездровую часть, после чего вновь «питали» кожу мучной кашницей. Через некоторое время окончательно счищали (иногда смывали) засохшую смесь и сушили.

Кожу иногда дубили. К примеру, бычьую кожу, которая шла на подошву, головку или союзку производственных и будничных ун-

тоз, дубили в черный цвет. Дубили корой осины, которая окрашивала кожу в желтовато-коричневый цвет; чтобы получить черный цвет, дополнительно обрабатывали ее раствором купороса.

Обработка шерсти. В домашнем производстве бурят широкое применение имела шерсть животных, в первую очередь овец. Стригли овец в начале лета. Весенняя длинная шерсть шла на разные нужды, а осенняя короткая (со второй стрижки взрослых овец и первой стрижки ягнят) в основном шла на изготовление войлока.

Шерсть очищали от земли, растений и прочего сора. Очистка производилась одновременно с взбиванием шерсти с помощью двух палочек (хабаа). Шерсть раскладывали на подстилке — куске кожи или плотной мешковине — и били этими палочками до получения своеобразного шерстяного пуха. Очищенную и взбитую шерсть сортировали, в зависимости от ее дальнейшего использования: для войлока и валяных изделий, для прядения и т. д. Сортировали шерсть и по цвету, так как овцы, разводимые бурятами, были различных мастей — белой, рыжей, черной, серой, пестрой.

В прошлом шерсть частично шла на распространенные у бурят Забайкалья чулки из войлока надеваемые под унты. Технологию изготовления валяных чулок буряты не помнят, и в литературе, к сожалению, сведения о ней не встречаются. В конце XIX — начале XX в. были известны выкройные чулки из ткани и вязаные из шерсти.

Изготовление нитей на веретене. Кроме валяния, буряты обычно овечью, верблюжью и козью шерсть пряли. Прядение осуществлялось с помощью веретена *эзул*, *ээрсэг*, основными частями которого являлись деревянные стержень *гол* и пряслице *толгой* (см. рис. 1(1)). Стержень бурятского веретена представлял тонкую палку с заостренными верхним и нижним концами. Пряслице насаживалось у самого нижнего конца стержня на имеющееся утолщение. Такое же веретено было у забайкальских обуряченных эвенков, хакасов, тувинцев, кетов, а у хантов, шорцев веретена были с пряслицами и без них¹³.

Процесс прядения у бурят был таков: клочок шерсти расправляли в нить нужной толщины, поддерживали ее на весу левой рукой, а правой вращали веретено большим и указательным пальцами. Когда шерсть была скручена, мастерица навивала ее на стержень веретена. Когда веретено с навитой на него пряжей достигало определенного веса, мастерица давала ему возможность крутиться по инерции. При этом она держала только крутящуюся нить, понемногу вытягивая шерсть, разглаживая и расправляя возможно ровнее. Полученную нить снимали с веретена, наматывая на большой палец и мизинец левой руки, оставляя свобод-

ными концы. Далее полученную нить сучили. Два конца нити закрепляли на веретене и сдвоенную нить ссучивали вращением веретена.

Такой способ прядения (прядево — клочок взбитой шерсти — ни к чему не привязывали, веретено вращалось свободно), очевидно, наиболее старинный, бытовавший у скотоводов в кочевых условиях жизни. Отличаясь примитивностью и предельной простотой, он сохранился у бурят повсеместно до сегодняшнего дня.

У народов Сибири различаются три простейших способа работы на веретенах: 1) прядущая женщина катала веретено на бедре (шорцы, алтайцы); 2) прядущая крутила веретено, держа его на весу за верхний конец (буряты); 3) прядущая ставила веретено нижним концом на пол или на бедро и вращала за верхний конец (хакасы)¹⁴. Все эти способы прядения совершались без применения прялки.

Но, кроме того, у бурят в начале XX в. существовал способ прядения на прялке и самопрялке, заимствованный у русских и распространенный в XIX—XX вв. в основном среди иркутских бурят. Бурятская прялка состояла из донца и стержня — деревянной дощечки лопатообразной формы длиной 60 см (см. рис. 1(2)), которая вертикально вставлялась в донец. Пряха садилась на донец, а кусок прядева привязывала к прялке и понемногу вытягивала из него и скручивала шерсть. Прядение с помощью прялки давало возможность получить более ровную нить. Еще более ровную и тонкую нить высокой крутки получали, используя русскую самопрялку. Устройство и принцип ее работы были у бурят такими же, как и у русских. Однако следует отметить, что у бурят были прялки со стержнем, в виде шеста с отверстием на верхнем конце, и шнуром для завязывания шерсти¹⁵. Эта своеобразная деталь бурятской прялки находит аналогии с прялками кетов, вогулов и остяков¹⁶.

Внедрение новых способов прядения стало возможным лишь с переходом бурят к оседлой жизни и большим проникновением в их быт новых черт более развитой земледельческой культуры русского населения Сибири.

Сучение. Кроме прядения, буряты изготавливали нити сучением из сухожилий животных. Сучение как способ изготовления нитей считается самым древним и восходит к очень ранним этапам культуры¹⁷.

Буряты использовали для выделки нитей спинные и ножные сухожилия коров и лошадей, сухожилия диких зверей — лосей, изюбрей; в северных районах (соседних с оленеводческими группами эвенков) употребляли оленье сухожилия. Из оленьих сухожилий получали более тонкие нити. Особенно эластичные нити получались из спинных сухожилий. В зависимости от назначения

нити делали различной толщины. Снимали сухожилие максимальной длины и хорошо его высушивали.

Разбив сухожилие на волокна, мастерица слегка увлажняла его, удаляла неровности; расщепленные волокна считались готовыми к сучению. Иногда, если волокна оказывались слишком короткими, их свивали, соединяя концами, затем ссучивали нить. Для шитья обуви изготавливали специальные нити из сухожилий и волос гривы коня. Считалось, что такие нити более крепки и менее подвержены разложению от сырости. По свидетельству А. А. Попова, употребление волоса в качестве ниток для шитья было известно только бурятам, и такие нити использовались ими исключительно для шитья обуви. Однако волосяные нити применялись при изготовлении не только обуви, верхней одежды, но даже и нижней. Нити изготавливали из шейных волос верблюда (длиной 25—30 см). Длинный и тонкий волос хорошо поддавался кручению, благодаря мягкости, и широко использовался бурятами агинских и ононских степей Забайкалья, где разводили верблюдов¹⁸. Следует отметить, что способ сучения большим и указательным пальцами правой руки из всех народов Сибири был известен только бурятам и бытовал у них повсеместно.

Вязание. Вязали бурятки крючком (дэгээ) из кости или меди, своеобразной иглой (зуун) — тонкой пластинкой с заостренными концами и отверстием посередине (см. рис. 1(3)). Ими обычно вязали рабочие вареги, ноговицы, старинные цельноформовые чулки и носки из толстых шерстяных нитей слабой крутки. На изготовление нарядных изделий шла более тонкая пряжа и тонкие металлические иглы (5 шт.). В этом случае можно было вязать пятку чулка, и получалось довольно изящное изделие. Кроме того, буряты Предбайкалья из конских и козьих волос вязали производственную обувь *баамхи*, а зипуны вязали из овечьей шерсти. Ткань для зипунов отдавали валять русским или же, в редких случаях, валяли сами. Способ валяния ткани зипунов отличался от традиционного бурятского, применяемого при изготовлении войлока¹⁹.

Кручение, плетение. Шерсть и волос, а позже фабричные нити бурятки подвергали кручению (томохо). Способы кручения были разнообразны — по две, три и большего количества нитей разной толщины и разной крутки. Из этих скрученных нитей плели тесьму, пояса, веревки, делали их толстыми или же тонкими, круглыми или плоскими, в зависимости от их назначения. Плетеные пояса применяли для поддержания штанов, подвязки унтов, чулок. Плетеные шелковые нити разного цвета и крутки использовали в отделке верхней одежды — шуб, халатов, женских и мужских головных уборов, обуви. Выкладывали их по линии шва, иногда в виде узора (буряты Забайкалья).

Ткачество. В условиях оседлой и полuosедлой жизни бурят получило развитие ткачество. Ив. Молодых в конце XIX в. отмечал, что, кроме валяния войлока, буряты Иркутской губернии делают *тар* — шерстяной ковер, который ткют «на общеупотребительном ткацком станке (кросна) лишь с более узкими и толстыми бердами»²⁰ (шириной 25—30 см). В Забайкалье на подобном же станке изготовляли пояса из шерсти. Ткацкий станок отличался простотой устройства. Он состоял из одного основоразделителя (берда), шириной 7—10 см — деревянной рамы с зубцами из пластинок с отверстиями посередине. В эти отверстия пропускались четные нити основы, а между зубьями — нечетные. Для образования зева нитеразделитель поднимался и опускался. Основу одним концом привязывали к крюку, вбитому в стену, вторым концом — к перекладине рамы. Уток наматывали на деревянную планку или «иглу» — слегка изогнутую палочку с отверстием для продевания утка. Попеременно поднимая и опуская четные и нечетные нити, образовывая зев, прокидывали нити утка. Для уплотнения нити прибавали деревянной стесанной палочкой. Для пояса выработывали узкую (5—7 см) и длинную (2—3 м) тканую полосу, которую шивали затем до нужной ширины (10—14 см). Для ковров ткали полосы шириной 20 см, длиной до 3—4 м, потом их сшивали.

Также выработывали здесь декоративные широкие (с утком из тканевых жгутов) и узкие тесемки из шелковых нитей радужной расцветки, широко используемые для отделки женской верхней одежды.

Приспособления для ткачества у бурят (хэб) — бердечко, нитчанки, примитивные формы — свидетельствуют о древности этого ремесла. Эти приспособления относятся к горизонтальным типам и отличаются от подобных, но технически более усовершенствованных ткацких станков, известных у русских и многих других народов. Отдельные названия берда (хэб, нэхуур) и процесса ткачества (хэблэхэ, нэхэхэ — формовать, уплотнять) также могут указывать на самостоятельность способов ткачества у бурят.

Ткани. Во второй половине XIX в. в Сибири значительно оживляется торговля, обусловленная прежде всего развитием капитализма в России. Постепенно снижается, а в конце XIX в. падает значение кяхтинской торговли²¹. Это было вызвано ограниченным ввозом китайских тканей. Распространение получают русские товары — хлопчатобумажные и льняные ткани, сукно.

Большую роль в торговле до конца XIX в. продолжали играть ярмарки. Они проходили в Иркутске, Киренске, Верхоленске, а в Забайкальской области — в Верхнеудинске и Нерчинске. Кроме того, в Иркутской губернии и Забайкальской области организовывались ярмарки местного значения. Ведущую роль играли Ир-

кутская и Верхнеудинская ярмарки, снабжавшие всю Восточную Сибирь необходимыми товарами. Купцы имели тесную деловую связь с представителями фирм и фабрик²².

Из России в Сибирь привозили, главным образом, красную и черную юфть, замшу. Товары поступали из Москвы, Ярославля, Вологды, Устюга, Казани. Также привозили на продажу готовые сапоги, башмаки, туфли и ичиги, т. е. чулки сафьяновые²³, наблюдался большой спрос на шелковые ткани. Первое место в обороте ярмарок занимали бумажные мануфактурные товары²⁴.

Местные жители, русские и бурятские крестьяне, привозили на ярмарку продукты земледелия и скотоводства: хлеб, мясо, жиры, выделанные кожи. В обмен или на вырученные деньги они покупали хлопчатобумажные ткани: ситец, крашенину, кидяк, а также шелк, сукно. Ткани русского производства получили большое распространение в Предбайкалье, где интенсивно шло внедрение русской городской одежды.

В Забайкалье же сохранилось использование китайских тканей, наряду с тканями русского производства. В 1899 г. в Агинской ведомости насчитывалось 26 лавок, из которых 17 принадлежали торговцам-бурятам. Кулаки-купцы из бурят имели связи с Монголией и Китаем. Они ездили в Пекин, Долон-ног, Ургу и другие города. Там они обменивали рогатый скот (гуртами) лошадями (табунами), верблюдов, скотские и конские кожи, лисьи и волчьи шкуры, мерлушки и, иногда, тюки разных российских товаров²⁵.

Среди купечества и всякого рода служилых людей наблюдался большой спрос на шелковые ткани. Состоятельные буряты Забайкалья в конце XIX в. старались приобрести шелковую ткань с изображениями дракона, шитыми золотыми нитками. Ткань, по сообщениям информаторов, была толстая, крепкая. Буряты называли ее *азаа магнал*. Этой тканью покрывали шубу, рукавицы, использовали ее на отделку менее нарядной верхней одежды. Шелковая ткань сине-голубого цвета с изображением (вышивка), напоминающим горные вершины, и характерными косо расположенными полосами представляла другую разновидность шелковой ткани, называлась *магнал* и часто была без изображения дракона. Вышивка располагалась по низу подола халатов и шуб. Старые жители помнят еще третий вид этой ткани — с орнаментом из круга и изображением, напоминающим жабу (баха). Ее называли в народе *хурьга магнал*.

На женские халаты шла шелковая ткань с тканями или вышитыми кругами — *саран хээтэй*, т. е. с лунным орнаментом.

Характерным явлением в конце XIX — начале XX в. была замена китайских тканей русскими. Вместо дабы употреблялась пестрядь, полубумажная ткань. Сукно, грубое и тонкое, использовалось на шитье верхней одежды, а также шло на ее отделку.

Китайку заменили льняными тканями, крашеной²⁶, а также хлопчатобумажными тканями. Буряты в основном использовали ситец²⁷.

Рассмотрение материала бурятской одежды и технологии его изготовления во второй половине XIX — начале XX в. показывает, что бурятами использовалось самое разнообразное сырье, которое давало им основное хозяйство, и те товары, которые они покупали или обменивали. Специфика хозяйства отдельных районов, бесспорно, сказывалась на использовании тех или иных материалов. Вместе с тем наблюдается в этот период значительное расширение торговых связей бурят. Достаточно ясно обрисовываются и социальные различия в бурятском обществе. Социальная верхушка (тайши, шуленги) имела больше возможностей для приобретения дорогих тканей (шелка, сукна, бархата, плиса), шире использовала готовые фабричные изделия, в то время как малоимущая часть довольствовалась дешевыми тканями и продукцией домашнего производства.

Технология обработки материала у бурят имеет немало сходства с таковой у других монголоязычных народов, народов Севера и Сибири. Достаточно четко обозначаются взаимовлияния бурят и русских: отдельные виды орудий прядения и ткачества развивались под влиянием русских. Однако и русские восприняли от бурят многое в способах и технологии обработки овчины, кожи, использовании вертящейся кожемялки, дымления.

Картографирование способов обработки материалов дает возможность четко осветить особенности культуры отдельных групп бурят (карта 1).

2. Мужская одежда, головные уборы, украшения

Мужской костюм состоял из нательной и верхней одежды, головных уборов, обуви. Дополняли костюм пояс, нож, огниво и другие предметы. Своеобразие покроя, способ ношения отдельных элементов костюма, их назначение, детали дополнения, терминология строго отличали мужской костюм скотовода или охотника. Различался он и по сезону: зимний, летний; по назначению: производственный, будничной, нарядный. В костюме отразилась территориальная и социальная, а в некоторых группах — и ранговая принадлежность носителя.

Рубаха и штаны — обязательные части мужского и женского костюма конца XIX — начала XX в. *Самса* — наиболее распространенный термин для обозначения как мужской, так и женской рубахи. В традиционном бытовом и нарядном костюме рубаха и штаны всегда были прикрыты верхней длиннополой одеждой.

По наиболее старым источникам (XVIII — начало XIX в.), буряты не носили рубах. По свидетельству И. Георги, буряты под

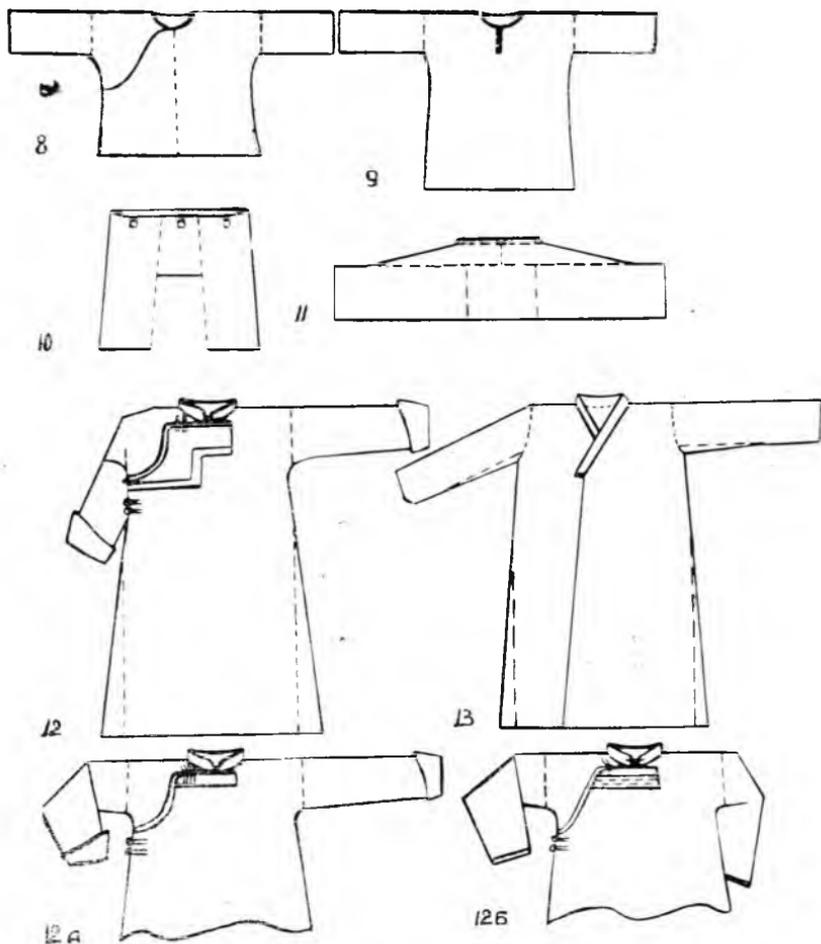

Рис. 2. 8. Распашная рубаша (морин самса). 9. Глухая рубаша (самса, армаахи). 10. Штаны с широким шагом (умдэн) — I вид. 11. Штаны с широким шагом (умдэн, монгол умдэн) — II вид. 12. Верхняя цельнокроенная одежда с запахом левой полы на правую (эрэ дэгэл, тэрлиг) с воротником стойкой — I тип. 13. Верхняя цельнокроенная одежда с прямым разрезом спереди с неглубоким запахом, воротником шалью (эрэ дэгэл) — II тип.

верхней одеждой (кафтано́м) носили полукафтано́е. Но во второй половине XIX в. частично внедрились рубахи, а в конце XIX в. распространяются рубахи из ткани. По описаниям А. В. Потаниной, они были широкие и длинные.

Музейные материалы и полевые записи автора позволяют выделить два типа, рубах, различных по покрою²⁸.

К первому типу относим рубаху, которую буряты называют *морин самса* — буквально «рубаха-лошадь», или рубаха, приспособленная для езды верхом (рис. 2(8); карта 2). По покрою рубаха была такой же, как и верхний халат: распашная, с запахом левой полы на правую; воротником стойкой и рукавами, выкроенными из основного полотнища стана. Рукава иногда надставлялись куском ткани, сужались к концам или оставались прямыми, бока рубахи внизу не зашивались. Края обшивали тканью. Этот тип наиболее старый. По-видимому, это и есть то самое полукафтанье, о котором упоминал И. Георги. В старину кафтан и полукафтанье делали из однородного материала — из замши, овчины, мерлушки. И лишь позже, в конце XVIII—XIX вв., полукафтанье стали шить из ткани. О происходивших изменениях в костюме бурят отмечено в литературе. «Буряты на голое тело надевали узкую и короткую куртку, которую называли «самса» Теперь этим именем называют рубаху»²⁹, — писала А. В. Потанина. П. Е. Кулаков отмечал (конец XIX в.), что рубаха в сравнительно недавнее время была заимствована бурятами у русских, что доказывает ее само название «рубаха». Автор далее говорит, что, кроме этой, была у бурят Предбайкальях зимняя рубашка, которую называли *куваньхи*. Если рубаху шили в основном из ситца и надевали в качестве «нижней, которую буряты не всегда и не везде носят»³⁰, то *куваньхи* шили из бумазеи. Н. И. Удимова, исследовавшая в начале XX в. быт русского населения Тункинского края, писала, что русские заимствовали у бурят (среди прочих видов одежды) короткую куртку *тэрлиг*. Тэрлиг обычно шьется из синей дакембы и слегка простегивается шерстью³¹. По описанию автора, это и есть морин самса, или полукафтанье.

Ко второму типу можно отнести глухую, с прямым разрезом у горловины рубаху (самса), близкую к русской (см. рис. 2(9); карта 2). В основе этого типа рубахи лежит перегнутое полотнище ткани, из которого традиционно выкраивали основания рукавов. Ворот (заха) делали прямым и низким, разрез оформляли планкой, делали с застежкой на одну пуговицу или с завязкой у горловины³². Но чаще рубахи вместо воротника имели только обшивку. Рубахи стали более свободными и широкими. Это изменение связано с появлением сравнительно дешевых хлопчатобумажных тканей русского производства.

Анализ полевых записей показал значительную роль привозных тканей и некоторую региональность их распространения. Агинские буряты в этот период (конец XIX — начало XX в.), кроме русских тканей, использовали ткани восточного происхождения. Буряты, населяющие нынешние Селенгинский и Кяхтинский районы, шили рубахи из китайского и русского белого сатина, а так-

же из белой хлопчатобумажной ткани, называемой бурятами *соембу*. Таким образом, у бурят существовали два типа рубах: распашная и глухая. Распашная рубаха бытовала в Забайкалье, сочетаясь с рубахой глухого типа, вытеснившей первую к началу XX в., а в Предбайкалье носили рубаху глухого покроя. Глухая рубаха — в большей степени принадлежность культуры тех народов, которые вели оседлый образ жизни и, в основном, занимались земледелием. Появление рубахи второго типа у бурят относится к концу XIX — началу XX в. и рассматривается как результат влияния русской культуры. Распашная рубаха (так же, как и все виды одежды) характерна для одежды кочевых скотоводческих народов. Распашные рубахи были распространены у монголов, народов Приморья. Существование распашной одежды, в том числе рубах у народов Амура, исследователи рассматривают как влияние на них культуры кочевых народов, которое началось за несколько столетий до образования Монгольского государства.

Штаны (умдэн). В конце XIX — начале XX в. буряты зимой носили штаны из овчины, а в более теплое время — из замши или ткани. Известны два вида бурятских штанов с широким шагом, которые различались своеобразием покроя.

Первый вид. Штаны с прямоугольными штанинами (тури) и цельнокроенной мотней — ала (см. рис. 2(10); карта 2). На штанину брали овчину крупного размера и складывали по длине. Для удобства ходьбы вставляли небольшие клинья (шаантаг). В верхней части между штанинами вшивали мотню — овчину, сложенную поперек. Мотня могла быть широкой или суживающейся сверху. В зависимости от размера овчины штаны доходили до колен, середины икр. Мужские штаны надставлялись, были длинными. Мужчины носили штаны на талии на ремешке (хирмэ). Штанины заправляли в вязаные чулки, высокие голенища унтов подвязывали ремешками, завязочками. На шитье штанов использовали обычно короткошерстную летнюю или осеннюю овчину *нямһалхан*. Производственные штаны делали из выделанных шкур крупного скота — коровы, теленка. Буряты степных районов шили штаны еще из тарбаганьих шкур. Если штаны были недлинные, то натягивали наколенники (үбдэгшэ) из тарбаганьего меха. Буряты охотники, а также обураченные эвенки предпочтенье отдавали штанам из шкуры косули (гурөөһэн) или лося (хандагай). Кожу иногда выдывали под замшу или использовали старую вытертую шкуру. При сильном загрязнении штаны можно было стирать, и тогда замша становилась мягкой и белой, как ткань. Штаны того же покроя стали делать из ткани, на поясочке, с разрезом спереди. Швы делали мягкими для удобства езды верхом³³.

Ко второму виду относятся штаны (умдэн) из широкого длинного куска ткани, сложенного по длине, образующей одно-

временно штанину и шаг³⁴ (см. рис. 2(11); карта 2). Верхнюю часть штанов составляли вставки трапециевидной формы, которые выкраивались целиком или из двух частей со швом спереди и сзади. К верхнему краю пришивался пояс. Штаны носили на вздержке, продетой в петельки на поясе или в загнутый верхний край. Штаны шили из мягко выделанной овчины, выбирая шкуру молодой, но крупной овцы с короткой шерстью. Одна такая шкура шла на нижнюю часть, а верх выкраивали из другой. Штанины надевали и носили подвязанными.

Первый вид штанов бытовал повсеместно на территории нынешних Иркутской области, Тункинского, Баргузинского, Кижингинского районов Бурятской АССР, Петровск-Забайкальского, Хилокского районов Читинской области; второй вид — Окинского, Селенгинского, Бичурского районов Бурятии, Агинского автономного округа Читинской области. В некоторых районах, например, в Селенгинском, штаны второго вида называли монгольскими (монгол умдэн). Также известен термин *буряад умдэн* для штанов с широким шагом, в отличие от узких портов русского и брюк европейского костюма XIX — начала XX в. Штаны с нешироким шагом впервые появляются у бурят, состоявших на службе в казачьих отрядах.

Верхняя одежда. Традиционная верхняя мужская одежда была прямоспинной, т. е. не отрезной по талии, с длинными расширяющимися книзу полами. Носили ее подпоясанной. Кушак, пояс были обязательной принадлежностью мужского костюма. Мужская одежда имела название *эрэ дэгэл*.

Однако известно бытование разного покроя мужской верхней одежды, распространенной на территориях Забайкалья и Предбайкалья. В историко-этнографическом атласе Сибири³⁵ она подразделяется на два самостоятельных типа. В данном рассмотрении они дополнены локальными признаками.

Первый тип. Характерная для скотоводов-кочевников распашная одежда с запахом левой полы на правую, с цельнокроенными рукавами и расширяющимися к низу полами — в Атласе этот тип назван восточноазиатским³⁶ (см. рис. 2(12)). Это по покрою сугубо мужское платье имело название *эрэ дэгэл* (мужская одежда). Для зимнего периода его шили из овчин, а для теплого времени — из ткани, и оно называлось *тэрлиг*. Дэгэл из дымленных овчин с длинной и густой шерстью (*хурбэтхэ*), шкур косули являлся зимней рабочей одеждой. Осеннюю и летнюю производственную одежду шили из специально обработанной шкуры (*нарьһан*)³⁷. Демисезонной становилась облезшая зимняя одежда из шкур косули. Иногда дэгэл покрывали тканью: для повседневной работы — хлопчатобумажной (преимущественно далембой), для наряда — шелком (*торгон*), парчой (*азаа магнал*), полупарчой

(магнал), чесучой (шэршуу), бархатом, плисом (хилэн). Эти же ткани использовались на шитье нарядного тэрлига. Его шили на подкладе из ситца, коленкора, миткаля. Грудную часть верхней полы (энгэр) украшали. Подобные тэрлиги, или эрэ дэгэлы, с кушаком носили дети обоих полов, а девушки — до периода зрелости.

Данный тип мужской одежды был распространен повсеместно в Забайкалье. Однако существовали в ней и элементы территориально-родовых различий. Наиболее ярким из них являлся *энгэр* — грудная часть верхней полы мужской одежды. Способ оформления *энгэра* был разным, но строго соблюдался и сохранился в памяти старожилов до сегодняшнего дня. Широкий ступенчатый *энгэр*, состоявший из последовательно расположенных полос бархата, шелка, обычно светлых тонов, узорчатого шелка темного цвета и с отдельным названием *сагаалса*, был типичен для одежды бурят хоринских родов, проживавших в агинских степях³⁸. Название *сагаалса*, очевидно, произошло от светлого тона средней полоски (*сагаан*, *сагаабтар*). *Энгэр* из узенькой полоски парчи, шелка яркого цвета, часто красного, отличал одежду хори бурят от представителей других районов Забайкалья³⁹ (см. рис. 2(12а).

Другой вид *энгэра* из узких полос ткани темного цвета — шелка, бархата, иногда меха и строченой рельефной полоски с прокладкой из шерсти, был свойственен халату бурят цонгольских родов, проживавших на юге Забайкалья⁴⁰ (см. рис. 2(12б).

Весьма любопытна терминология верхней одежды: *хубсаган* — название собственно одежды, *дэгэл* — зимней верхней одежды, а *тэрлиг* — более легкой, для теплого времени года. Существовали термины, соответствовавшие половозрастной принадлежности одежды: *эрэ дэгэл* — мужская одежда, *басаган дэгэл* — шуба взрослой девушки. Мужская и детская одежда называлась *номон дэгэл*, буквально «шуба-пуля». очевидно, имелись в виду простота покроя и удобство одежды.

Второй тип. Прямо спинная верхняя одежда с прямым разрезом спереди (южносибирский тип)⁴¹. Стан делался из перегнутого пополам полотнища. Полы расширялись вставками из клиньев и свободно запахивались (см. рис. 2(13); карта 7). Ворот прямой и длинный, напоминающий ворот шалью. Застежка на одну пуговицу у ворота. К почти прямо срезанному стану пришивали сужающиеся к низу рукава. Конец рукавов и ворот обшивали бархатом, мехом. Покрой считался самими бурятами старинным⁴². Этот тип одежды: *эрэ дэгэл* — мужская одежда, *басаган дэгэл* — шуба но с выкройными проймами, шили зипуны (*ебху*) из тонкого войлока. Носили их также подпоясанными.

Интересно, что халаты и шубы, подобные бурятской мужской верхней одежде второго типа, встречаются у тувинцев⁴³, хакасов⁴⁴ и народов Средней Азии⁴⁴, т. е. характерны для ряда тюркоязычных народов.

К концу XIX в., и особенно к началу XX в., в качестве мужской верхней одежды появились покупные и самодельные пальто европейского покроя. Известно, что буряты Иркутской области шили и носили прямоспинную одежду с прямым разрезом спереди и с глубоким запахом, застегивающимся на пуговицы (баймга дэгэл). Ворот отложной, рукава с головкой, собранной в редкие складки, сужающиеся книзу. *Баймга дэгэл* шили из дымленной овчины, шкур козули, сукна. Нарядный образец обшивали по краю верхней полы, ворота и обшлагов выдрой или бархатом. Она была распространена более всего у бурят Предбайкалья, у имущей части населения Забайкалья, старавшейся одеваться по-европейски.

Название верхней зимней одежды бурят *дэгэл* имеет аналогию у эвенков. У них в старину была зимняя шуба из пичьих шкур и называлась *дэкэлик*. В эвенкийско-русском словаре название *дэкэлик* объясняется как производное от слова *дэкэли* — утка⁴⁶. У монголов и бурят название шубы *дэль*, *дэваль* (монг.) и *дэгэл* (бур.) не объясняется. Возможно, это название шубы у монголов, бурят и эвенков имело общие истоки, восходящие к более раннему периоду их истории.

Поверх шубы зимой в дорогу обычно надевали одежду из шкур домашней козы, овчины (даха). Ее покроем отличался от одежды дэгэл. *Даха* имела прямой разрез спереди, вшивные рукава, широкий воротник, закрывающий шею и голову. Ее покроем у всех групп бурят был одинаков.

Прическа и головные уборы. В середине — конце XIX в. как мужчины, так и мальчики носили косу. Достижение мальчиком пяти лет у бурят считалось важным моментом в его жизни и отмечалось особым обрядом. Обряд назывался *үһэнэй хара* (месяц волос) и заключался в торжественной стрижке волос, после которой мальчик считался полноправным членом семьи (признавалось право на жизнь, право принадлежать к семье людей вообще)⁴⁷. Причем, если мальчику, смотря по способностям, предназначено было быть «простым человеком» (*хара хун*), то ему обривали волосы, оставляя пучок волос на темени, который заплетали в косу (*гээзэгэ*).

Волосы сбрасывали без остатка в том случае, если мальчик должен был стать ламой, т. е. духовным лицом. Со дня проведения обряда *үһэнэй хара* мальчик занимал уже привилегированное положение в семье по сравнению с девочками, как бы отступавшими на второй план.

Косу всячески украшали: приплетом, крупным кораллом, круглой пластиной или обрамленной монетой. Так, Н. Астырев, путешествуя по Тункинскому краю, встретил всадника, у которого «от макушки по спине шел чуб, заплетенный в косу и удлиненный, из щегольства, черными шелковыми нитями»⁴⁸. По словам

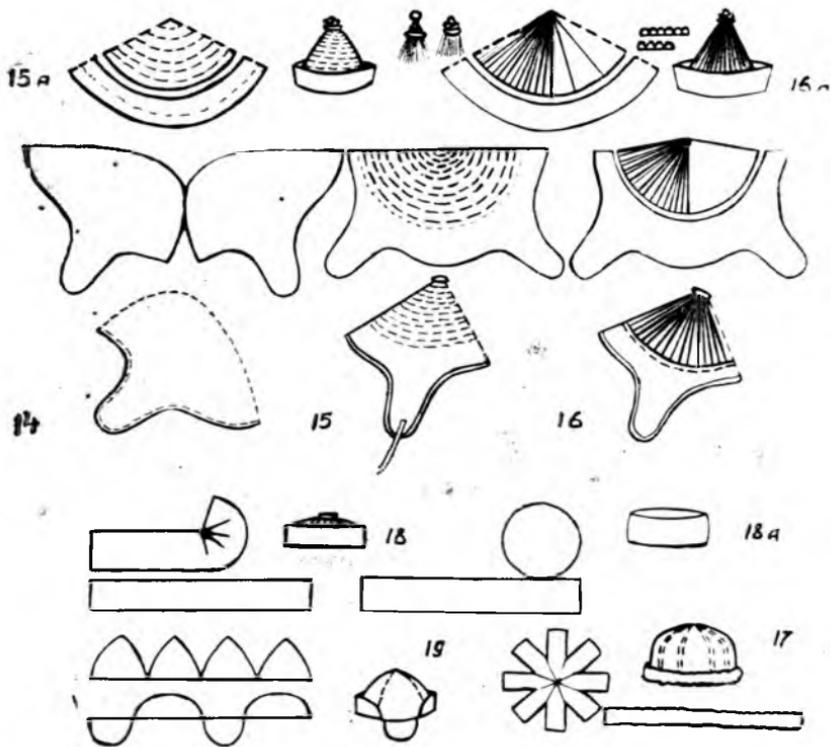

Рис. 3. 14. Шапка-капюшон (юдэн) — I тип. 15. Традиционный островерхий головной убор с наушниками (хасабшатай малгай) и горизонтальной строчкой тульи — II тип. 15а. Летний вариант островерхой шапки с горизонтальной строчкой тульи (тойробши малгай). Забайкалье, хоринские буряты. Конец XIX — начало XX в. 16. Традиционный островерхий головной убор с наушниками (хасабшатай малгай) и вертикальной строчкой тульи — III тип. 16а. Летний вариант островерхой шапки с вертикальной строчкой тульи (шобогор малгай). Забайкалье, селенгинские, тункинские буряты. Конец XIX — начало XX в. 17. Шапка с круглым верхом и узкой меховой оторочкой по краю (тагар малгай). Предбайкалье, конец XIX — начало XX в. 18, 18а. Традиционный женский головной убор *бортого*, *биизга* с круглым верхом и низкой тульей. Предбайкалье, конец XIX — начало XX в. 19. Женский головной убор *гоорсог* с верхом из четырех клиньев, короткими наушниками и козырьком спереди и сзади. Забайкалье, тункинские буряты, конец XIX — начало XX в.

старых жителей, косу жениха к свадьбе украшали круглой пластиной, кистями на конце, коралловыми бусами. Но подобную роскошь могли позволить себе только состоятельные буряты. В самом конце XIX в. — к началу XX в. косы носили лишь немногие мужчины; более распространенной становится короткая стрижка

по образцу русских. Казаки-буряты, несшие пограничную службу, были обязаны сбривать волосы наголо⁴⁹.

Головные уборы. Головные уборы в конце XIX — начале XX в. были разнообразными, наряду с традиционными, самодельными, носили и покупные. Полевой и литературный материал, коллекционные собрания музеев послужили базой для изучения головных уборов, рассмотрены их конструктивные особенности, покррой, функции, и сделана попытка определения признаков локальной принадлежности. Анализ покроя головных уборов позволяет выделить несколько типов.

Первый тип. Наиболее старинный, цельнокроенный одношовный головной убор *юдэн* с наушниками и полукруглым выступом, закрывающим шею⁵⁰ (рис. 3(14)). Шапка состояла из двух половин. Правая и левая половины цельнокроенные: верх выкраивался вместе с наушниками и мысниками, узким в налобной и широким в затылочной части. Такая шапка хорошо защищала лицо, шею. Буряты шили ее из сукна черного или синего цвета, как и *субу*⁵¹ — накидку, надеваемую в непогоду. Данная сезонная одежда (*суба* и *юдэн*) чаще всего встречалась у бурят степных районов Агинского округа Читинской области, у закаменских и джидинских бурят. У монголов бытовала подобная шапка, она называлась *юбан*, у казахов — *башлык*, у тувинцев — *будзэлгэ*. У всех названных народов она бытовала как сезонная, производственная шапка (карта 5).

Второй тип. Традиционный цельнокроенный зимний головной убор с высокой тульей и наушниками — *хасабиштагай малгай* (см. рис. 3(15); фото 3, 4)⁵². Верх шапки и наушники выкраивались из одного куска ткани. Перед шапки был неразрезным, шов проходил по затылочной части. На лицевой и затылочной сторонам оставляли небольшие выступы, которые в теплую погоду заворачивались наверх вместе с наушниками. При этом мех рыси, выдры, мерлушки, которыми обычно подбивали шапку, был виден на головном уборе и дополнял декор костюма. В мороз и ветренную погоду наушники носили спущенными.

Летний вариант состоял из тульи и околыша, выкроенных отдельно. Характерная особенность уборов второго типа — горизонтальная строчка тульи (*тойробши малгай*). Острове́рхая шапка с горизонтальной строчкой — отличительный признак костюма бурят хоринских родов (см. рис. 3(15а)). В Монголии (где родовая принадлежность ярче выражена в costume) по головному убору с горизонтальной строчкой тульи отличали бурят-баргу⁵³.

Третий тип. Традиционный зимний головной убор с острове́рхой тульей и наушниками, выкроенными отдельно. Тулья выкраивалась из одного куска ткани и была одношовной. Наушники с выступами делали из цельного куска, пришивали к тулье. Шапку

подбивали мехом. Летний вариант состоял из высокой тульи и околыша (см. рис. 3(16, 16а); карта 5). Отличительная особенность головных уборов третьего типа — вертикальная строчка тульи. Верх шапки выкраивали и готовили отдельно. Для получения жесткого конуса тульи с рельефной строчкой делали прокладку между строчками из ваты, шерсти, войлока. Иногда тулью делали на клею, чтобы придать ей жесткость и получить четкие рельефные грани.

Шапку с вертикальной строчкой тульи выделяли, считая ее головным убором монголов, лам и принявших обет святости старушек (шабанса). Такая шапка была обязательной для мальчика с пятилетнего возраста, если его собирались отдавать в дацан. Подобные шапки встречались у бурят Селенгинского, Джидинского и Кяхтинского районов Забайкалья, где были расселены в основном цонголы, сартулы и другие выходцы из Монголии. Они были распространены также у тюркоязычных народов Саяно-Алтая — тувинцев, алтайцев.

Шапки второго и третьего типов — летние и зимние, носили как мужчины, так и женщины, и дети. В изучаемый период они чаще всего были праздничными, нарядными. Шили их преимущественно из шелковых тканей сине-голубых тонов. Околыш летней шапки покрывали плисом, бархатом, мехом выдры, мерлушкой. Зимние оторачивали мехом рыси, предпочитая его за исключительную красоту и тепло. Иногда тулью шапки, особенно производственной, утепляли войлочной прокладкой или мерлушкой, подкладкой из беличьего или заячьего меха. Обязательным украшением островерхих шапок были кисточки из красных шелковых ниток *залаа*, узел *жинче*, сплетенный из красного шелкового шнура, металлическое навершие *дэнзэ*.

Головные уборы мужчин были не только знаком их принадлежности к определенному роду, но и символом служебного ранга. Определенную роль в этом играли навершия *дэнзэ* со вставками из разноцветных камней⁵⁴.

К четвертому типу головных уборов можно отнести шапку, которая имела форму колпака из камусов и узкую меховую оторочку по краю. Часто нарядную шапку делали из лисьих камусов, а оторочку — из меха рыси (карта 5; рис. 3(17)).

Этот тип головного убора больше сохранился у бурят Иркутской области. Местные жители сохранили название этой шапки — *татар малгай*, т. е. «татарская шапка»⁵⁵, указывающее, очевидно, на заимствование бурятами головного убора у татар. Подобного покроя шапка бытовала у многих народов.

Разновидность головного убора четвертого типа составляла шапка, которая состояла из колпака и пришитых наушников. В Закаменском районе бытовала нарядная шапка с навершием из тканевого жгута, иногда обшитого бисером. Навершие завязыва-

лось узлом *улзы* — символом вечного счастья. Распространена была и будничная шапка. Ее шили главным образом из выделанной шкурки белки, мехом наружу, подкладку — из меха брюшной части шкуры козы. Такие шапки в изучаемый период более всего носили буряты Предбайкалья, особенно бедняки. Образцы имеются в центральных фондах музея БГОИА-Х и фондах Этнографического музея (Улан-Удэ).

Беличью будничную шапку подобного покроя носили в Баргузинском крае. Верх такой шапки делали из спинной части шкурок, а брюшная часть (особенно грудка из белого цвета) шла на подкладку. Число полосок (клиньев верха шапки) зависело от размера шкурок. Иногда шапку шили из шкурок ягненка⁵⁶.

Пятый тип. Нарядная шапка из выдры (халю малгай). Невысокая тулья (цилиндрической формы) делалась из выдры, а круглый верх из флиса, бархата. Тулья из твердого материала хорошо держала форму, а верх был мягкий. Шили шапку на подкладке. Носили *малгай* с праздничной одеждой. Такая шапка бытовала в Предбайкалье повсеместно.

Кроме названных типов шапок, в конце XIX — начале XX в. среди бурят Предбайкалья были широко распространены шапки фабричного изготовления — типа кубанки. Они считались нарядными. Иногда по их образцу из меха выдры или из хвостов шкурок изготавливали шапку сами. Она называлась *вых малгай*⁵⁷.

К сожалению, не сохранилась (по крайней мере нам не удалось найти) шапка *обуза*, которая, по описаниям людей преклонного возраста Боханского и Усть-Ордынского районов Иркутской области, была мужской зимней шапкой с ушами⁵⁸. Но на западе Монголии долгое время бытовал подобный головной убор *лоовуз*. Отвороты делали из меха выдры, лисы, подкладку — из шкурки ягненка⁵⁹. Возможно, она была завезена к бурятам — выходцами из Монголии еще в XVII в.

Головные уборы бурят различались территориально, особенно это заметно при сравнительном изучении шапок бурят Забайкалья и Предбайкалья.

Со второй половины XIX в. и начала XX в. у бурят Забайкалья бытовала шапка с высокой тульей (она была двух типов), распространение которой связывалось с родовой принадлежностью бурят. Причем шапки бурят хоринских родов имели общие черты с таковыми бурят, узумчин Восточной Монголии, в то время как у сартулов и цонголов заметна общность с монголами центральной части (халха, в основном). Цвет шапок также был определенным. Их делали из тканей синих тонов, так как халхасцы считали себя «синими монголами», в то время как красный цвет составлял племенное отличие дербетов. Шапки лам были желтого цвета.

Как мы уже отмечали, шапки с горизонтальной строчкой встречались только среди бурят хоринских родов, у других наро-

дов их не было. В отличие от них шапки с вертикальной строчкой были распространены гораздо шире. Они встречались не только среди монголоязычных народов, а также среди народов Приморья, Саяно-Алтайского нагорья.

В головных уборах бурят Предбайкалья просматриваются черты, характерные для шапок монголов Западной Монголии — дербетов, олетов, торгутов, а также для головных уборов тюркских народов Сибири и Средней Азии.

В изучаемый период, особенно с начала XX в., среди бурят стали распространяться покупные, фабричного изготовления шапки-ушанки, кепки, шляпы, хотя в XIX в. они были в обиходе лишь среди состоятельных бурят.

Пояса и подвески к нему. Пояса у бурят были разнообразны по назначению, способу ношения, материалу, технике изготовления и размеру — праздничные, рабочие. Известную роль пояс играл в обрядах.

У бурят, как и других монголоязычных народов, наблюдалось особое отношение к поясу мужчины, как и к их головному убору. Пояс существовал как знак мужского достоинства. Это отражено в «Сокровенном сказании» монголов: Чингисхан так наказывает своего непослушного брата — снимает с его головы шапку и оставляет его без пояса, тем самым лишая его знаков мужского достоинства⁶⁰. Роль пояса в мужском costume, обозначающая не только достоинство носителя, но и положение в служебной иерархии, отражена в древнетюркской письменности. В одном из памятников говорится: «Моя геройская доблесть. Мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками-украшениями»⁶¹.

Пояс для бурят был не только знаком достоинства носителя, но порой становился выражением отношений между людьми. Пояс преподносили родителям невесты, закрепляя брачный договор. Поясами обменивались родители маловозрастных детей, имея в виду их будущий брак. У бурят понятие «женщина» обозначалось словом *бэһэ үгы* (беспоясная), а «мужчина» — *бэһэтэй хун* (человек с поясом).

Пояс служил для подвязывания верхней одежды и был обязательной принадлежностью мужского костюма, нательная одежда бурят не подпоясывалась.

В прошлом широкие и длинные пояса ткали из овечьей шерсти темных цветов. К началу XX в. такие пояса уже не делали. Тканый пояс был найден у хоринских бурят в с. Кижинга Бурятской АССР⁶². Его ширина была 27 см, длина обычно достигала 2—4 м.

В широком употреблении в конце XIX — начале XX в. были полшелковые и шелковые (фабричные) кушаки (карта 3). В начале XIX в. и раньше буряты покупали их у китайских торговцев в Маймачене, а с конца XIX в. такие пояса стали привозить

русские купцы и продавать их на ярмарках в Иркутске, Верхнеудинске и других местах. Более всего они распространились в Забайкалье. Носили их, обертывая по талии спереди назад, закладывая концы сбоку. В настоящее время можно встретить иногда пояса у старых жителей.

В памяти бурят — старожиллов Иркутской области, Баргузинского и Тункинского районов Бурятской АССР, а также бурят Агинского автономного округа Читинской области и в фондах музеев сохранились мужские пояса из кожи с пряжками и металлическими пластинами (75—90 см длиной, 5—10 см шириной). Старые фотографии воспроизводят охотника в таком поясе с подвешенными колчаном и налучником (см. фото 2, 5); на отдельных фотографиях конца XIX в. встречаются изображения богатых людей в верхней одежде из шелковой ткани, подпоясанной поясами с декоративной отделкой.

Интерес представляют как сами пояса, так и пластины на них. Наиболее старинные из них сделаны на кожаной основе с подкладкой из березовой коры (очевидно, специально обработанной) для закрепления металлических пластин. Узоры на них большей частью геометрические. Известны были пояса с продольговатыми полыми цилиндриками. Один образец такого пояса есть в Кяхтинском музее краеведения, по форме и рисункам пластины он похож на киргизский пояс *кемер* из Кулаканского района Киргизии⁶³. Принцип закрепления пластин на кожаной основе при помощи бересты, практиковавшийся у бурят, встречается у киргизов, башкир и др.

В XIX в. к наборному поясу буряты прикрепляли колечки, фигурные пластины, к которым подвешивали нож, огниво с богато орнаментированными пластинами. Такие пояса сохранялись до конца XIX в. Орнаментировка пластин более старинных экземпляров — круги, треугольники, зигзаги и различные их комбинации — относится к древнесибирскому геометрическому типу орнамента, а орнамент более поздних времен — изображения драконов, рыбок, лотоса, замкнутого узла — к центральноазиатскому⁶⁴.

К кожаному поясу подвешивали колчан и налучник со стрелами и луком, предметами вооружения. Богато убранный серебром и кораллами пояс, колчан и налучник, как и добрый конь, составляли предмет особой гордости бурята. Это отразилось в народном эпосе. Герой одного из улигеров Аламжи-мэргэн, отправляясь в поход, «...опоясался поясом из витого серебра.., справа (налучник) лунно-серебряный, шириной с долину он! И к себе привесил тот колчан, колчан серебряный, длиной с долину он!»⁶⁵. Другой батор Гарьюлай-мэргэн, собираясь на охоту, призывает своего коня, выносит из дворца серебряную узду, таким же седлом седлает коня, подпоясывает чистый серебряный колчан со стрела-

ми и луком и уезжает охотиться на возвышенное место — Алтай⁶⁶. Все, чем пользовались герои-батыры, что окружало их, определены эпитетами *золотой, серебряный, чистый*. Возможно, это связано с существованием культа благородных металлов, обусловленного их практическими достоинствами и свойствами сиять «живым» светом. Это также определялось мировоззрением создателей сказаний, почитавших небесные светила. Поэтому основным орнаментальным мотивом являлся круг. Он же составлял основу орнаментики различных предметов с древнейших времен до недавней поры. Орнамент в форме кружков выражал, очевидно, солнце и луну, которые у шаманистов играли роль высших божеств — тэнгриев⁶⁷.

Другой мотив — рога барана (хусын эбэр) — также встречался на старинных украшениях костюма, предметах вооружения, пластинках поясов, колчанов, свадебных венках невест и других свадебных ритуальных предметах. Мотив использовался в различных вариантах: отдельным узором, в сочетании с крестом, на вертикальном стержне, напоминая дерево с ветвями, и др. Этот мотив довольно широко был распространен у скотоводческих народов и имел название, ассоциируемое с рогами барана. Однако существовало и другое объяснение фигуры: киргизы понимали узор как изображение человека с поднятыми руками.

Это антропоморфное древообразное изображение могло быть связано с верой бурят в происхождение человеческого рода от дерева и являлось изображением матери-дерева и отца-дерева, олицетворяющих, по представлениям бурят-шаманистов, животворную царицу огня Ут (судя по тексту-заклинанию, обращенному к «хозяину» очага). Вера в существование прародителя-дерева отражена в обряде посвящения бурятского шамана. У бурят также почиталась шаманская сосна, где, согласно поверьям, обитала душа шамана⁶⁸, и, наверное, не случайно появление сосновой жерди или березы у родового огня шаманистов.

Узор на металлических пластинках мог быть изображением дерева или человеческой фигуры и был связан с обрядовым, по-видимому, назначением пояса.

Традиция, по которой пояс был обязателен для мужчин у бурят, восходит еще к древнему охотничьему быту. Пояс с зубом марала, когтями добытого зверя был призван помогать охотнику в его трудном ремесле. Подобные пояса сохранились и отмечены исследователями у эвенков тайги. Пояс, который носили дети поверх одежды, возможно, когда-то также был связан с древним обычаем и должен был, по представлениям бурят, охранять детей от «злых духов». Жизнь детей у бурят с самого рождения была обставлена предохранительными мерами в виде магических церемоний, обрядов с целью сохранения их жизни, здоровья⁶⁹.

В конце XIX — начале XX в. наборные пояса почти не изготовлялись, хотя их все еще носили. Традиция ношения кожаного пояса с наборными металлическими пластинами в XX в. сохранялась у монголов, тувинцев, казахов, киргизов, башкир.

Этнографические работы последних лет показали, что такие пояса были широко распространены в Центральной Азии в VIII—X вв. Пояса, украшенные пластинами, были известны кочевникам Алтая, существовали у племен Саяно-Алтая в гунно-сарматское время⁷⁰. Они есть на изображениях на каменных изваяниях в Туве, у р. Шеми. Из археологических раскопок на территории Центральной Тувы известны два таких пояса, относящиеся к VII—VIII вв.⁷¹ Судя по археологическим раскопкам памятников второй половины I тыс., близкие по форме наборные пояса имели более широкое распространение. Они встречались на территории Восточной Азии и Восточной Европы, причем не только у кочевников, но и соседних земледельцев, испытавших их влияние, как, например, было в Согде и других районах Средней Азии⁷².

Таким образом, материалы свидетельствуют о большой древности наборных поясов у бурят и широком распространении их у монголо-тюркоязычных кочевых в прошлом народов. Орнаментика этих поясов являлась глубоко традиционной, отражала мировоззрение ее творцов. Многие орнаментальные мотивы сходны с орнаментикой других народов Южной Сибири.

Украшение. В обычае у бурят мужчин было носить массивные кольца, перстни из золота, серебра или просто из какого-либо сплава, по цвету близкого к серебряным. Богатые мужчины носили их по несколько штук на пальце. Их заказывали часто мастерам-чеканщикам. Были литые, чеканные, с гравированным или рельефным узором. Рельефный узор пластины перстня, отлитый вместе с обручем, дорабатывали затем чеканкой, гравировкой, добиваясь большей выразительности. Орнаментика перстней, особенно старинных, представляет значительный интерес. На одном из них⁷³ рельефно выступающее изображение фигуры лягушки (мэлхы, баха), на другом⁷⁴ — графический, схематический силуэт какого-либо пресмыкающегося — все это олицетворение земного мира на шаманских бубнах бурят и других народов Сибири⁷⁵.

Подобные схемы можно встретить на петроглифах в бухте Ая на берегу Байкала. А. П. Окладников, изучавший петроглифы Байкала, относит их к бронзовому веку и древней таежной культуре, которая претерпела влияние новых элементов, связанных с появлением первых тюрко-монгольских племен на этой территории⁷⁶. Следовательно, орнамент перстней имеет глубокие местные корни.

Перстни, изготовленные в конце XIX — начале XX в., имеют несколько иной вид. Они более изящны по форме, тщательно об-

работаны, отличаются применением более усовершенствованной технологии изготовления, вставками различных камней, эмали, стекла. Особенности этих перстней носят следы влияния орнамента Центральной Азии, Тибета, Индии, Китая. Такие перстни были более распространены в Забайкалье, нежели в Предбайкалье. В коллекциях художественного музея в г. Улан-Удэ сохранены и такого типа перстни; некоторые из них сделаны в виде цветка — лотоса, в форме завитков, замкнутого узла *узлы*. Узор на пластинке перстня чеканщики старались делать выразительным, и изделия отличались друг от друга неповторимым своеобразием, хотя форма, техника исполнения и орнамент были часто одинаковыми. Отдельные перстни, хранящиеся в фондах музеев, представляют собой сочетание более старинной формы литых перстней и декоративного решения, требовавшего большого технического мастерства. Перстни подобного рода чаще всего встречались у бурят Предбайкалья.

Бурятские перстни и их орнамент сохраняли свою специфику на протяжении многих десятилетий. Сходство орнаментальных мотивов этих украшений с культурой народов Азии указывает на прошлую связь бурят с монголами, а через них и с тибетцами.

3. Женская одежда, головные уборы, прическа

Женский костюм состоял из нательной и верхней одежды, головных уборов, обуви. Разнообразные украшения дополняли его. Женский костюм более, чем мужской, сохранил традиционные территориально-локальные признаки, возрастные и семейные нормы. Женская одежда выделялась сложностью покроя, своеобразием силуэта и соответствовала положению женщины в обществе, семье. Женский костюм был костюмом хранительницы очага, основной производительницы домашней продукции.

Нательная одежда. Женские рубахи были того же покроя и относились к распашному и глухому типу, как и мужские рубахи. В прошлом они были короткими, едва доходили до верха штанов. В конце XIX — начале XX в. женщины носили удлиненную до колен рубаху. В этом виде она играла роль нательной одежды, а летом — одновременно и домашней одежды — платья. Такая удлиненная рубаха прикрывала короткие женские штаны. Поверх нее надевали безрукавку или платок, заменявший безрукавку в Предбайкалье. Шили рубахи из сатина, далембы синего или белого цвета. Дольше всего удлиненная рубаха сохранялась в женской одежде забайкальских бурят, ее носили женщины преклонного возраста и дети. В военное и послевоенное время (в 1946—1950 гг.) наблюдался возврат к удлиненной рубахе глухого типа.

Женские штаны (умдэн) по покрою не отличались от мужских, были двух видов и относились к штанам с широким шагом (см. рис. 10—11). Женские штаны были лишь короче мужских, они доходили до колен (алгабша), носили их на бедрах на завязках. Штаны из ровдуги⁷⁷ к концу XIX—началу XX в. были редки. Летние шили из фабричных тканей. Постепенно с появлением платьев легкие штаны из ткани (ситца, сатина, далембы) у женщин Забайкалья к началу XX в., у буряток Предбайкалья к концу XIX в. стали, главным образом, нижней одеждой. Материалом для зимних штанов оставалась овчина. Женские штаны, в отличие от мужских, дольше сохраняли традиционный покрой. Выработанные в среде кочевого быта, они были необходимы при езде верхом, удобны в юрте с земляным полом в условиях сурового климата⁷⁸. Надо отметить, что штаны с широким шагом были широко распространены у всех народов Сибири и в Поволжье⁷⁹.

Платье. Одним из заметных явлений, имевших место в изучаемый период, нужно считать широкое распространение платья у буряток, особенно у жительниц Иркутской области, где к концу XIX в. сравнительно высокого уровня достигли товарно-денежные отношения (переход от натурального хозяйства к товарному) и были тесные хозяйственно-бытовые связи с русскими крестьянами. Немалую роль в этом сыграла христианизация. В качестве поощрения за принятие христианской веры новокрещенным бурятам давали рубахи, костюмы европейского покроя, а женщинам дарили сарафаны⁸⁰.

Однако здесь бурятки шили и носили платье и прежде. Это было старинное домашнее платье (халадай) на кокетке без плечевого шва, к которой пришивали в складку прямоугольные полотнища ткани, сшитые по бокам. Прямые неширокие рукава пришивали к прямой кокетке. Основания рукавов собирали в складки. Воротник делали стойку. Спереди разрез шел на кокетке. Низ юбки обшивали полоской ткани. В конце XIX в. бытовал другой вариант платья — распашной (рис. 4(20)). Первый вариант, по-видимому, был старинный и встречался более чаще среди верхоленских бурят.

Булууза — платье на кокетке, с подолом, собранным в редкие и мягкие сборки, подкройными проймами, отложным воротником, заменившим стойку. Бытовало как будничное платье у боханских бурят⁸¹. Платья *халадай* и *булууза* были аналогичны, в их основе лежал туникообразный покрой, выполненный из перегнутого посередине куска ткани.

Постепенно платья *халадай* и *булууза* с безрукавкой, сшитые из шелковых тканей и богато отделанные, стали летней выходной одеждой буряток Предбайкалья, а платья из простых хлопчатобумажных тканей оставались будничной одеждой. Вместо безру-

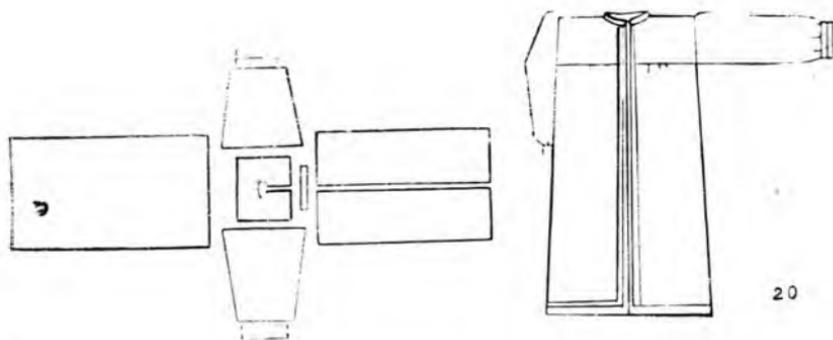

Рис. 4. 20. Платье (булууза). Предбайкалье, конец XIX—начало XX в.

кавки во время домашней работы накидывали на плечи и спину платок. С платьями носили традиционные украшения *хоолобшо*, *хабхаг* и др.

Небезынтересно отметить, что близки по покрою и способу ношения к бурятскому платью *халадай* женские платья качинцев, якутов в XIX— начале XX в. Назывались они также *халадай*⁸².

В начале XX в. у молодых женщин и девушек было распространено платье с оборками, называвшееся *сарпаан*. Это было прямое или расширяющееся к низу платье, с выкройными проймами и вшивными рукавами. Широкие у основания рукава сужались к запястью. Низ подола и концы рукавов украшались оборками, иногда такие оборки нашивались и на воротник.

Эти платья украшали вдоль переднего разреза одежды, низа подола и рукавов, т. е. в обычае было располагать узор по конструктивным линиям. Наиболее старым способом была окантовка полоской ткани другой фактуры, цвета дорогим мехом (чаще выдры), узорной тесьмой. В конце XIX в. распространилась отделка позументом, приобретенным у русских купцов.

В Забайкалье роль платьев выполняли удлиненные глухие или распашные рубахи. Рубахи-платья были туникообразного покроя, не отрезные по талии. Они предназначались больше для работы по дому. Выходной одеждой здесь считались легкие распашные халаты и безрукавки из шелка с отделкой из бархата, парчи или узорчатого (более декоративного) шелка.

Платья и халаты носили поверх рубахи или рубахи-платья. С появлением и распространением платья рубаха так же, как и штаны, в начале XX в. повсеместно превращается в нательную одежду.

Верхняя одежда строго соответствовала возрасту женщин менялась с переходом их из одного возрастного периода в другой, а также с изменением общественного положения. Так, одежда девушек до замужества сохраняла покрой мужской одежды (фото

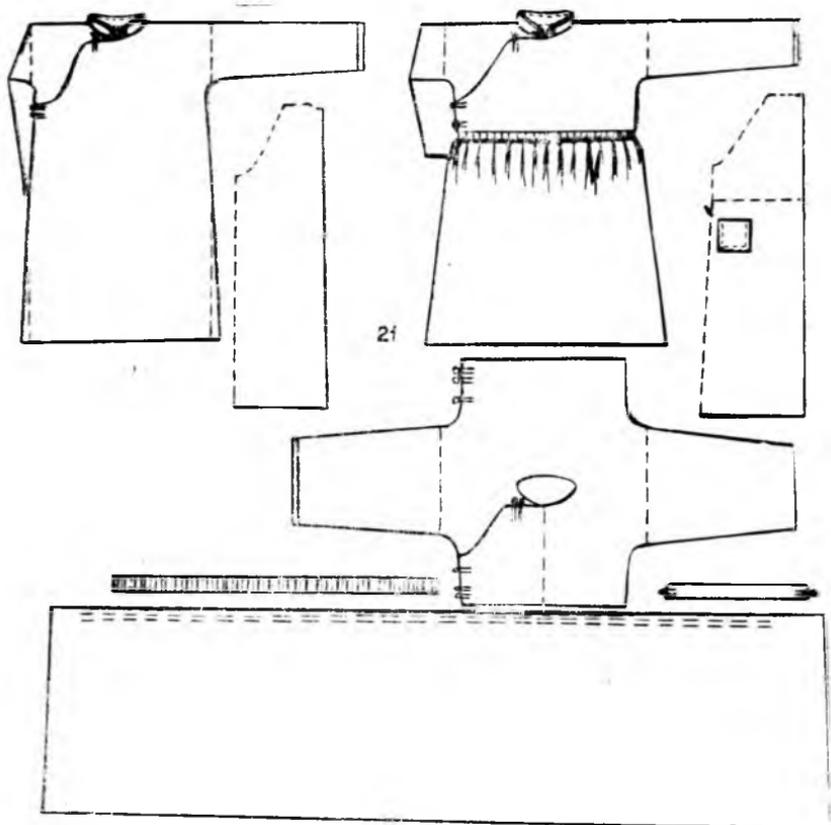

Рис. 5. 21. Верхняя одежда девушек. Забайкалье, конец XIX — начало XX в.

6) — была туникообразной, с цельнокроенными рукавами, не отрезной по талии, с декоративной *энгэр* на грудной части верхней полы. К концу XIX — началу XX в. наблюдаются изменения в покрое одежды взрослой девушки: *дэгэл*, особенно *тэрлиг*, стали делать отрезными по талии, сохраняя прежний покрой рукавов (рис. 5(21)). Характерной чертой одежды незамужних девушек была декоративная нашивка, которая шла спереди и сзади по линии талии, в то время как у замужних она располагалась только спереди (вероятно, потому, что спина была закрыта безрукавкой). Одежда девушек в комплексе с прической и украшениями, о которых будет сказано ниже, заметно отличалась от одежды замужних женщин.

Верхняя одежда замужних женщин была туникообразной

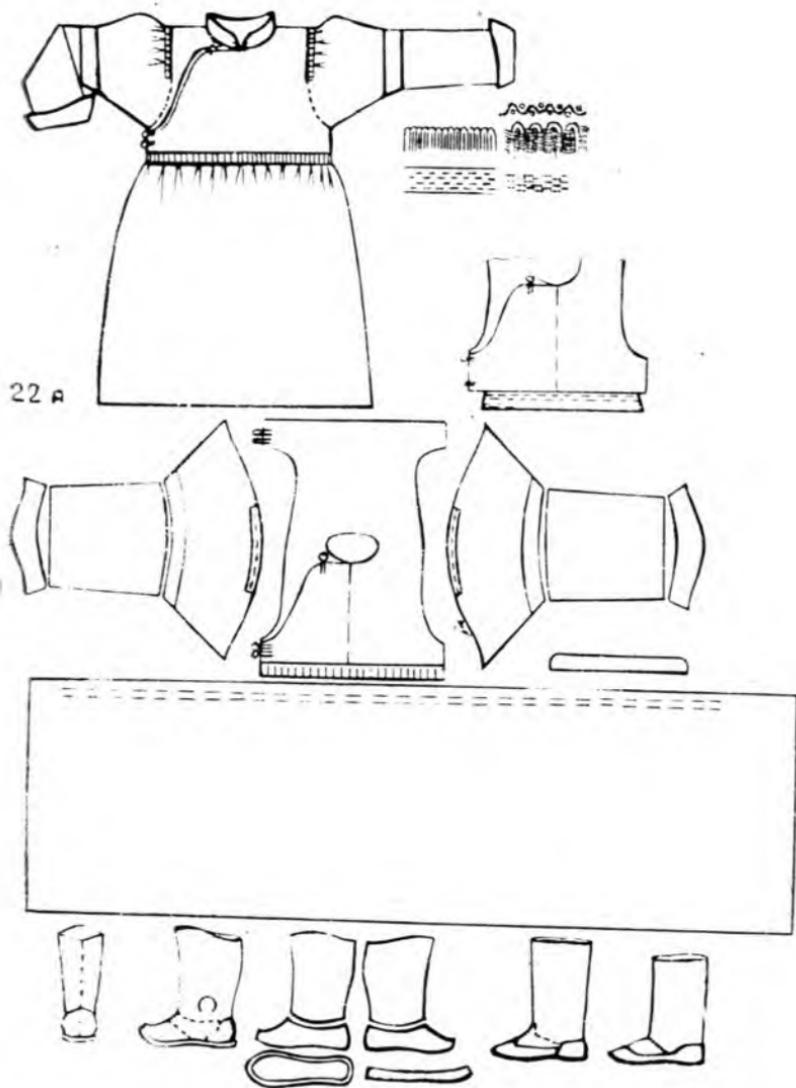

Рис. 6. 22а. Верхняя одежда замужней женщины. Забайкалье, хоринские буряты. Конец XIX—начало XX в.

основе, с запахом левой полы на правую, отрезной по талии, с вшивными широкими у основания рукавами. Различалась одежда по сезону и назначению. Зимнюю одежду *дэгэл* шили из дымле-

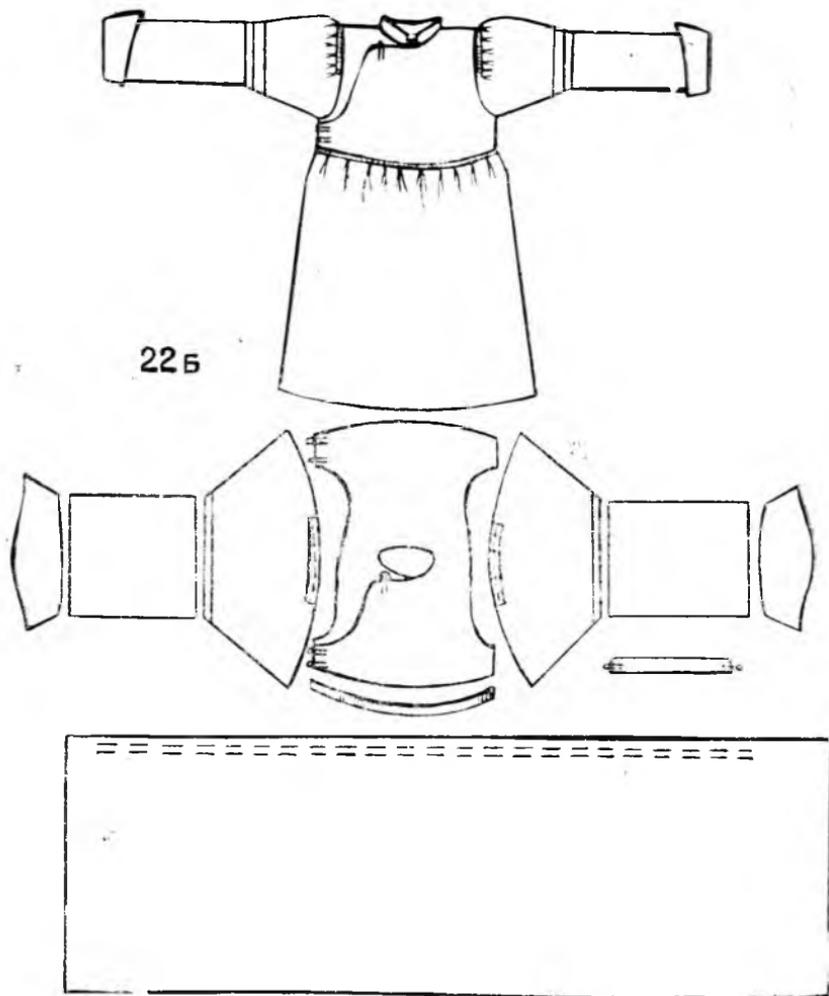

Рис. 7. 22б. Верхняя одежда замужней женщины. Забайкалье, селенгинские буряты. Конец XIX — начало XX в.

ных овчин (осенних или зимних), иногда покрывали ее хлопчатобумажной тканью (будничную) или тонким сукном, бархатом (нарядную). Осеннюю одежду *сэжээ дэгэл* готовили из различных хлопчатобумажных тканей или бархата, чесучи, шелка (нарядную), на мерлушковом подкладе (лиф—сээжэ), с подолом на вате или на подкладке из бязи, коленкора. Летнюю одежду *тэрлиг*, шили из дабы, чесучи, узорчатого или парчового шелка на

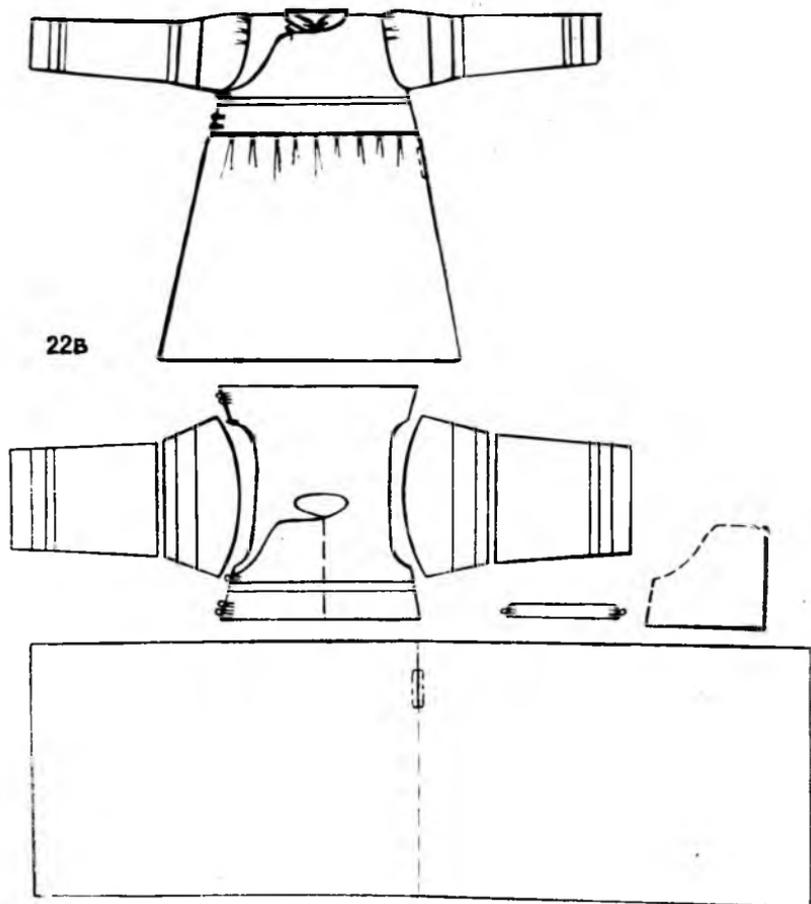

Рис. 8. 22в. Верхняя одежда замужних женщин. Забайкалье, закаменские буряты. Конец XIX — начало XX в.

подкладке из бязи, полотна, ситца. Верх и подкладку стана и рукавов скрепляли вертикальными швами. На рукавах при носке они выглядели горизонтальными.

В старину женская одежда имела низко спущенный лиф, длина которого доходила до середины бедер (до тазобедренного сустава), удлиненные с обшлагами рукава (на ладонь — другую длиннее рук), очень широкие до талии проймы и основания рукавов. Такая одежда не стесняла движений рук, торс был защищен станом одежды, широкий и длинный подол был подвижен, свободно обволакивал ноги при сидении в юрте и в седле. В быту

три необходимости угол верхней полы откидывался, превращался в кошелку для переноски кизяка, прутьев или другого топлива, сена для телят и ягнят.

При общей основе одежды замужних женщин некоторые детали покроя и декора выделяли ее локальные своеобразия (фото 7, 8), которые особенно четко проявляются при сравнительном изучении одежды разных групп бурят⁸³. Так, лиф (сээжэ) одежды хоринских буряток был прямой до талии, с глубокими проймами, широкими у основания рукавами (рис. 6(22а)). Таким же был лиф в одежде буряток Иркутской области, но проймы и основания рукавов были намного сужены. В одежде жительниц Кяхтинского района лиф был также прямой, но его низ спереди и на спине выкраивался мысиком (рис. 7(22б)). В Закаменском, Тункинском районах лиф одежды к низу раскашивался.

Рукава (хамсы) одежды хоринских буряток были составные. Широкие основания в наплечной части стягивались в густую сборку, образующую буфы. К локтям они сужались, здесь пришивали нижнюю часть рукавов, называемую *тохоног*, буквально «локоть». Ее шили из ткани другого цвета или узорной парчи. Составными с буфами были рукава в одежде женщин Кяхтинского и Селенгинского районов, но их верхняя часть была намного короче и уже, чем у хоринских буряток. Рукава верхней одежды буряток других районов также были составными, но делали их без буф, а пришивали, заложив в складки (рис. 8(22в)). Рукава одежды женщин Иркутской области были цельными, т. е. несоставными (карта 4).

Рукава заканчивались обшлагами (туруу). Обшлага будничной одежды делали из ткани стана, выделяя их лишь строчкой или обшивкой из ткани контрастного, более яркого цвета. Для нарядной одежды *туруу* делали из плиса, бархата (обычно глубокого цвета), оформляли мехом выдры или узорной тканью, специально выработанной для обшлагов. Изготовление обшлагов требовало мастерства, делались они на натуральном клею, твердыми. Узкая сторона должна была соответствовать ширине концов рукавов, обхватывать их и жесткой расширяющейся кверху формой завершать оформление рукавов, подчиняясь в то же время общей композиции костюма. Такие обшлага бытовали повсеместно в Забайкалье лишь с небольшими градациями ширины, а в Предбайкалье обшлага были опущены вниз. Концы рукавов перед обшлагами стягивались в сборки и оформлялись полосками цветных тканей, бархатом (рис. 9(23)).

Название *туруу* старожилы связывают с конструкцией обшлагов, которая повторяла форму копыта (туруу) лошади. Существовало и другое название — *нюдарга* «кулак». Термин *нюдарга* мог быть связан с утилитарной стороной, когда меховые обшлага не

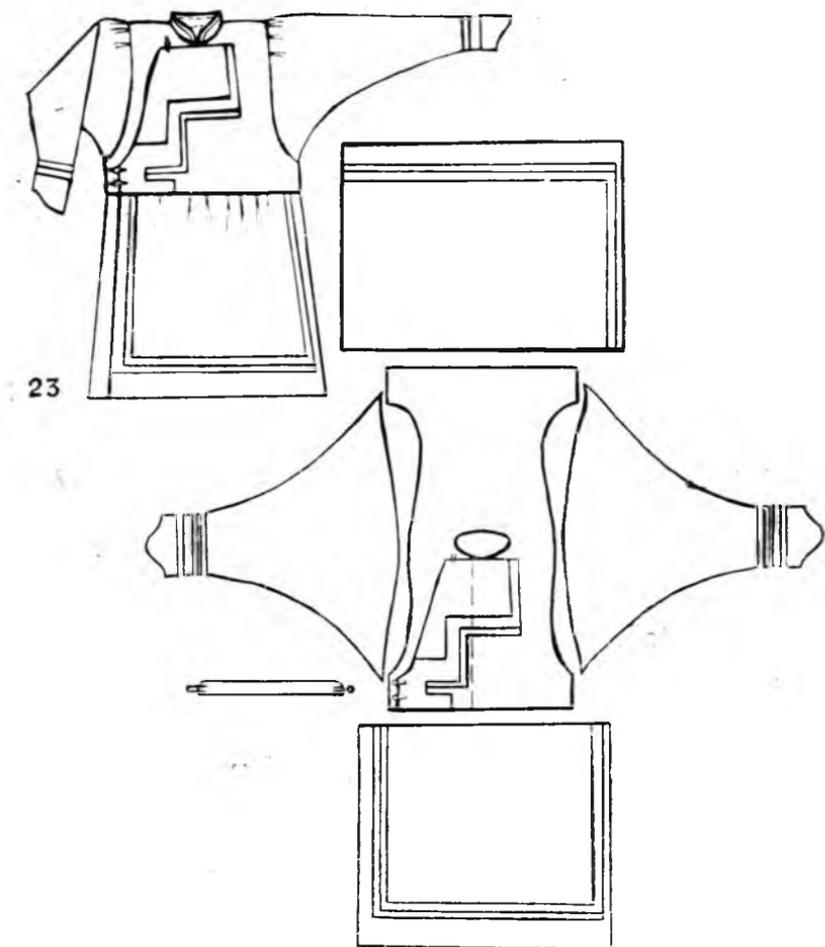

Рис. 9. 23. Верхняя одежда замужних женщин. Предбайкалье. Конец XIX — начало XX в.

заворачивали наверх, а носили спущенными вниз. Выступ меховых обшлагов защищал кисти рук. В мороз и ветреную погоду концы рукавов захватывали в кулак (нюдарга), что не давало холоду проникать внутрь одежды. Данный обычай сохранился в памяти старожиллов. И в литературе отмечается, что рукавицы буряты ни в какие морозы не носили⁸⁴. Шубы с подобными обшлагами, очевидно, являются более старой формой. Они были у алтайцев, хакасов, конных эвенков⁸⁵.

Подол (хормой) был длинный и широкий. Шили его из пря-

мых полотен, количество которых зависело от ширины ткани. Верхний край стягивался в густую сборку. Таким был подол одежды женщин в Кяхтинском и Тункинском районах. В Джидинском и Закаменском районах, в Иркутской области подол женской одежды еще укладывали в складки. В Джидинском и Закаменском районах подол был более значительной ширины.

Декор одежды хоринских буряток приходился на воротник, рукава, подол, а лиф обшивался узкой бейкой по краю. Воротник украшали узорчатой декоративной тканью, парчой или шелком красного цвета, черным бархатом, мехом выдры или мерлушкой белого цвета. Так же оформляли ворот в других группах бурят. Данные приемы декора сохранились и на отложном воротнике (20-е гг. XX в.). Широкая декоративная нашивка на лифе известна более в одежде женщин Иркутской области. Она занимала всю верхнюю часть груди, была видна в треугольный разрез дэглэ и расходящиеся полы расклевшенного хубайси. Здесь шов, соединявший верх и подол, не украшали, а в Забайкалье он был оформлен широкой декоративной полосой, тканой или шитой шелковыми нитками красного и желтого цвета. Такое наблюдалось у хоринских буряток, а также у жительниц Кяхтинского и Тункинских районов. Полоса была короткой и располагалась только спереди, подшивалась к лифу, а затем пришивалась сверху на подол. Сборки спереди делались ниже (на ширину декора), чем на боках и спине, где подол стягивался по верхнему краю. В Джидинском и Закаменском районах она выполнялась из строчечной цветной ткани, орнаментированной тесемками, и располагалась на лифе выше шва по талии, что визуально укорачивало верх одежды. Верхняя пола и низ подола обшивались бархатом черного или темно-синего цвета (внешняя полоса), узорным декоративным шелком. Такое оформление подола было распространено повсеместно, а в Предбайкалье к этому добавляли полосу из выдры, а бархат могли использовать цветной — преимущественно бордового цвета. В менее нарядной, будничной, одежде использовались сукно, хлопчатобумажная ткань зеленого, черного цветов.

Безрукавка была обязательной частью одежды замужних женщин как праздничной, так и домашней, будничной (в XIX — начале XX в.). В народе считалось, что женщина не должна показывать волосы, одинаково и спину небу — поэтому голова женщины всегда была покрыта шапочкой, а спина — безрукавкой. Безрукавку в верхней выходной одежде надевали поверх шубы, халата, а в домашней обстановке — поверх рубахи и штанов или платья.

Рассмотренный полевой, музейный материал и другие источники позволяют выделить два основных типа бурятских безрукавок.

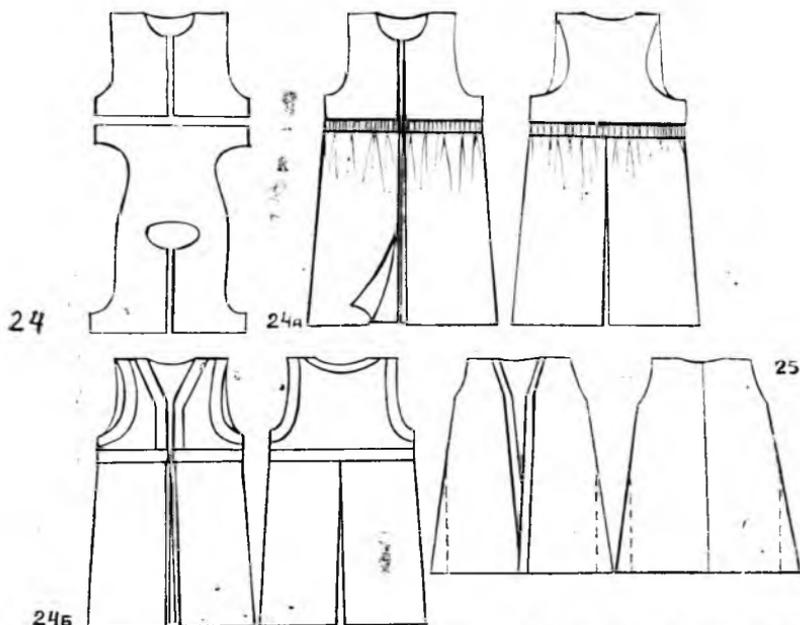

Рис. 10. 24. Короткая безрукавка (уужа). Забайкалье. Конец XIX — начало XX в. 24а. Длиннополая безрукавка (морин уужа). Забайкалье, хоринские, тункинские буряты. Конец XIX — начало XX в. 24б. Длиннополая безрукавка *дэгэлэй*. Забайкалье, баргузинские буряты; Предбайкалье, верхоленские буряты. Конец XIX — начало XX в. 25. Расклешенная безрукавка *хубайси*. Предбайкалье, боханские, аларские буряты. Конец XIX — начало XX в.

Первый тип безрукавок. Короткая безрукавка (уужа) с глубоко вырезанными проймами, узенькой спинкой, с прямым разрезом спереди, со сходящимися поликами (рис. 10(24); карта 4). *Уужа* сохранялась у буряток Забайкалья до последнего времени. К этому же типу относится длиннополая безрукавка (морин уужа), которая у хоринских буряток представляла собой ту же короткую безрукавку и пришитую к ней в сборку юбку. Юбку делали из двух полотнищ, оставляя разрезы сзади и спереди (для удобства при верховой езде)⁸⁶ (рис. 10(24а)).

По такому же принципу шились безрукавки (дэглээ) бурятками Качугского и Ольхонского районов Иркутской области, Баргузинского района Бурятской АССР (рис. 10(24б); фото 9а, б; 10а, б). Материалом служил шелк или хлопчатобумажная ткань. Наиболее старинные экземпляры, хранящиеся в коллекции музеев, изготовлены из тонкого сукна, а лиф — из замши. Места соединения верха и низа безрукавки украшали. Подобные по по-

крою длиннополые безрукавки буряток Забайкалья и Предбайкалья отличались декоративной отделкой.

По краю проймы, по вырезу ворота и груди безрукавка, виденная в районах Иркутской области, была обшита полосками тонкого черного сукна, с нашитыми на них перламутровыми пуговицами (ээрзин тобшо). По линии соединения лифа и подола также нашивались полоски черного сукна, спереди — узкие, на спине — широкие. На спинную часть сверху прикрепляли украшение *оноо*, состоявшее из кожаной основы, обшитой тонким красного цвета сукном с закрепленными на ней прямоугольной формы металлическими пластинами. К ним прикрепляли подвесные пластины ромбовидной формы.

Слева спереди подвешивали сумочку для денег (утаһан худэһэн), а больше для украшения; на правом боку носили такую же сумочку и нож для разрезания мяса⁸⁷.

Короткая безрукавка, надеваемая девушками и молодыми женщинами, возможно, была необходима как лиф для стягивания груди и была обязательной принадлежностью женской одежды, как и штаны для верховой езды у кочевых народов. Небезынтересно другое название короткой безрукавки — *сээжэбнэ*, т. е. нагрудник. У киргизов девушки носили затягивающий грудь лиф, называемый кокузбек⁸⁸. По предположению С. М. Абрамова, этот термин относится к древнетюркскому и происходит от слова *кокуз* в значении «грудь»⁸⁹. Грудь (молочная железа) бурятски называется *хухэн*. Существовало и другое название безрукавки *кокюрекче* (кирг.), созвучное бурятскому *хухэорешо*, т. е. заворачивающая грудь. В рисунках И. Георги есть изображение бурятской женщины в безрукавке — очень короткой, даже не доходящей до талии, с глубокими проймами, с узкой спинкой и широким передом — в ширину груди и с полукруглым разрезом⁹⁰. Судя по изображению, И. Георги удалось зарисовать безрукавку-лиф, бытовавшую у бурят в XVIII в. Возможно, подол из двух полотнищ стал пришиваться к лифу позже. Известно, что у бурят существовали «наподники» (М. Татаринов) или «хормойкши» (Д. Банзаров), представлявшие собой два куска ровдуги (позже — ткани), собранные на поясе, спереди и сзади закрывавшие подол.

Подобная распашная набедренная одежда замужних женщин *бельдемчи* бытовала у казахов и киргизов⁹¹. Характерно, что длиннополые безрукавки до начала XX в. были специфической одеждой замужних женщин алтайцев (чегедек), хакасов (сегедек)⁹², калмыков (цегдек), монголов (цегедек).

Второй тип безрукавок. *Хубайси* — неотрезная цельнокроенная безрукавка, расклешенная, с разрезом спереди. Изредка встречался вариант с очень широким подолом, полы которого в

нижней части накладывались друг на друга (см. рис. 10(25)). Была распространена у аларских, унгинских и боханских бурят. Шили ее из хлопчатобумажных, а нарядную — из шелковых тканей, плиса. Подол ее в расправленном виде являл полукруг, куда в зависимости от ширины вставляли треугольные клинья. Безрукавка *хубайси* имела плечевой и боковой швы. Спину иногда (при узкой ткани) делали из двух половинок. Борта переда отделявали тесьмой (позументом) или планкой из сукна, сатина преимущественно черного цвета. Нарядную безрукавку украшали спереди вдоль разреза серебряными монетами (хадалга) или пуговицами из перламутра (эржэн).

В этнографической литературе существует мнение, что безрукавка являлась принадлежностью одежды только замужних женщин. Изученный материал показывает, что безрукавка использовалась как лиф в costume незамужних взрослых девушек, выполняя чисто утилитарную функцию. Была известна безрукавка как часть нарядной одежды, а в costume замужней женщины она служила еще и знаком ее семейного положения.

Прическа и головные уборы. Прическа буряток была разнообразной. Прическа и украшения кос строго соответствовали возрасту и социальному положению женщины. Изменение убранства волос происходило с изменением ее общественного положения; переход в другую возрастную группу сопровождался соответствующим обрядом.

Девочкам заплетали одну косу на макушке, остальные волосы сбривали. С достижением 13—14 лет девушка отпускала волосы и вокруг головы заплетала несколько косичек (иногда до 12—20). Обязательным было наличие одной косы на макушке (сааж), двух — на висках, одной или трех — на затылочной части (гээзгэ). Косички, заплетаемые на висках, назывались *шанха* и обозначали, по понятию бурят, переход девочки в следующую возрастную ступень и были первым знаком, отличавшим ее от мальчиков. Обычно с достижением 15—16 лет девушки на косу, спущенную по спине, надевали украшение *сааж*. А на темени укрепляли пластиночку своеобразной формы *юун*. Эти украшения обозначали наступление периода зрелости девушек и их можно было сватать⁹³.

На свадьбе невеста меняла девичью прическу на прическу замужней женщины и заплетала две косы. Обряд назывался *yhэ зайаха* — переплетение волос⁹⁴. Для исполнения этого обряда в отдельной юрте собирались близкие родственники жениха, подружки невесты. Они расплетали косы, снимали украшения. Украшения отдавали матери невесты. Волосы расчесывали гребнем матери жениха. Забайкальских замужних хоринских буряток отличало еще украшение (туйба), короткий конец которого завершался

золотым или серебряным шариком или имел вид декоративной пластины, а его длинный конец прикрепляли к основанию кос. Подобные украшения, называемые еще *хонтул*, были у буряток Закаменского, Джидинского районов. Своеобразным отличием прически замужних женщин рода цонгол были наконски — чехлы (шэбэргэл) из черного бархата с нашитыми на них кораллами, металлическими пластинами. Женщины преклонного возраста сохраняли две косы, только украшения оставляли более простые: в виде серебряной круглой пластины или коралловой бусины в металлической оправе.

Особым обрядом сопровождалось одно небольшое, но своеобразное изменение в прическе женщины 45—50 лет, имевшей крепкую и многочисленную семью, здоровье, выше среднего достаток (бутэн булээн, халаа хандараа үгы, ухи хубуутэй). Волосы женщины распускали и заплетали в три пряди, но чуть ниже подбородка (расстояние измерялось шириной ладони), одну из прядей обертывали вокруг и только затем плели косу далее. С этих пор женщина должна была заплетать косы только таким способом⁹⁵. Обряд переводил женщину в статус благополучной.

Положение благополучной женщины имели немногие, их было мало. Буряты относились к ним весьма почитательно, они имели гораздо более широкие права в обществе, могли участвовать в важных моментах родовых празднеств в отличие от остальных женщин.

Надо отметить два способа ношения кос замужними женщинами: первый — спущенными по спине и второй — по груди. Преобладающим было ношение кос, спущенных на грудь. Их концы обычно убирала за безрукавку, а украшения оставляли поверх нее. Молодые замужние женщины, не обремененные семьей, продолжали носить косы, спущенные по спине, сохраняя при этом наспинно-накосное украшение *сааж*, как и до замужества. Бурятки цонгольских родов носили косы в наконсиках *шэбэргэл* из ткани с нашивками коралла. Ношение бурятскими женщинами кос на груди, возможно, старинный обычай и связан с обычаями древнемонгольских племен, у которых прическа, наряду с элементами костюма, являлась знаком этнического различия.

Второй способ ношения кос — по спине; кроме бурят, отмечен у котонов Западной Монголии, в Киргиз-Норе⁹⁶, у киргизов и всех других народов Средней Азии⁹⁷. Такой способ, вероятно, связан с культурой тюркоязычных народов. У бурят он мог появиться в V—VII вв., когда они были в политической зависимости от тюркоязычных племен и народностей и усвоили многое от тюрков в быту, обычаях и в течение какого-то времени были двуязычными⁹⁸.

Украшение кос буряток (девушек и молодых замужних женщин) *сааж* также имеет близкие аналогии у киргизов (чач-кап),

башкир (аркалык)⁹⁹. Если в прическе и украшениях волос подчеркивалась разница между костюмом девушек и замужних женщин, то головные уборы отражали это в меньшей степени. Шапки обладали, в известной мере, родовыми отличиями. Например, одинакового покроя шапки носили мужчины и женщины хоринских родов (Хоринский, Кижингинский районы Бурятской АССР, Хилокский, Петровск-Забайкальский районы Читинской области и др.), цонголы (Кяхтинский, Селенгинский районы Бурятской АССР). В головных уборах бурят Иркутской области признаки родовой принадлежности сохранены в меньшей степени.

Основным головным убором бурятских женщин второй половины XIX — начала XX в. были шапки. Шапки носили с детского возраста, по покрою они ничем не отличались от шапок взрослых. Женщины снимали головные уборы только тогда, когда ложились спать. Традиционные головные уборы бурятки шили сами по сезону и назначению: зимние, летние, будничные, нарядные. Покрой, конструктивные особенности позволяют выделить несколько типов женских головных уборов как общих с мужскими, так и отличных от них.

I тип. Традиционный зимний головной убор (хасабшатай малгай) с высокой тульей и наушниками (см. рис. 3(15)). Шапка была цельнокроенная, одношовная: тулья и наушники выкраивались из одного куска ткани. Шов проходил на затылочной части. Встречался и другой вариант, состоящий из двух половинок (правой и левой), но каждая половина была цельнокроенная: верхняя часть выкраивалась вместе с наушниками. Тулья обычно была с горизонтальными строчками. Будничные шапки шили из дешевых тканей, а нарядные — из шелковых. Тулью утепляли мерлушкой, брюшной частью меха рыси и другими недорогими мехами, войлоком, а наушники и выступы спереди и в затылочной части подбивали мехом рыси или выдры. В качестве летних у хоринских буряток были шапки (тойробшо малгай) с невысокой островерхой тульей и околышем 6—7 см (см. рис. 3(15а)). Околыш нарядных шапок обшивали плисом, мехом выдры, что в степных районах могли позволить себе только богатые женщины, так как меха были привозными, их было мало и стоили они дорого.

II тип. У женщин Селенгинского, Кяхтинского, Джидинского и других районов юга Бурятии (цонголов, сартулов и др.) зимние шапки были также с наушниками, но отрезными: островерхая тулья и наушники выкраивались отдельно (шобогор малгай; см. рис. 3(16)). Тулья имела вертикальные строчки, между которыми образовывался рельеф из клочков волоса или шерсти, проталкиваемых внутрь между верхом и подкладкой. Иногда тулью проклеивали, формовали и получали рельеф с гранями. Летняя нарядная шапка делалась с высоким околышем (18—20 см), ото-

рачивалась мехом, плюсом (см. рис. 3(16a)). Украшением шапок (I—II типа) служили *залаа* — кисти из красных шелковых ниток и *дэнзээ* — навершние из серебра и коралла.

III тип. Старинная вязаная шапочка в виде колпачка — шар, шаровка. К концу XIX в. почти исчезла. Сохранился ее поздний вариант из сукна: она имела небольшой околыш. Эта шапка была заменена покупным головным убором типа кубанки. Более легкий ее вариант делался из фетра (елбогой). Шаровка была распространена в Предбайкалье.

IV тип. Летняя шапочка (бортого) девушек и молодых замужних женщин Иркутской области. Невысокая (10—12 см) шапка из прямого куска ткани с круглым плоским верхом (см. рис. 3(18a)). Меховую шапку *бортого* носили и зимой с выходным костюмом. Убор сохранялся до недавнего времени в качестве повседневного у пожилых женщин¹⁰⁰. Аналогичные шапки бытовали также у калмычек и монголов¹⁰¹.

Биизга малгай — вторая разновидность летних шапочек (см. рис. 3(18)). Эта шапочка была прямая, невысокая с круглым верхом, делалась из узкой (шириной 6—8 см) полоски ткани. Верх убора выполняли также из прямого куска ткани, но собирали в складки в центре шапки. Здесь пришивали цветную ткань на картонной основе, монету или красивую пуговицу. Тулью обшивали позументом или прикрепляли самодельные бумажные или тканевые цветы. Шапка *биизга* встречалась преимущественно в Боханском районе Иркутской области и была больше нарядным, свадебным головным убором.

V тип. *Тоорсог* — женская шапочка, распространенная у буряток Тункинского района, в селах, пограничных с Монголией (см. рис. 3(19)). По покрою она выделяется среди традиционных бурятских шапок Забайкалья. Она состоит из верха, составленного из клиньев (обычно четырех), коротких наушников и козырьков (спереди и сзади шапки). Такая шапка бытовала у торгутов, отличая их от всех других племен Монголии¹⁰².

Дополнением к шапкам у буряток Забайкалья были повязки *даруулга*, *татуурга*. Их надевали на голову с нарядной шапкой, обычно в теплое время года, на свадьбу, гулянье. Это украшение в Селенгинском районе (цонголы) имело вид короны (с выступом на лицевой части). В отличие от нее повязка *даруулга* хоринских буряток, особенно агинских и ононско-борзинских, была прямой и неширокой. В обоих случаях украшение шили из шелка, плюса или бархата, как правило, синего цвета, на твердой основе (береста, картон). Сверху на ткань нашивали бусы, большей частью кораллы, с редкими вставками бирюзы, малахита. Янтарь вводили почти наравне с кораллом. Повязка девушек отличалась височными подвесками из связок бус, составленных пучками. Каж-

дое звено заканчивалось кистями ярко-красных ниток, пластинами или же монетами из серебра. Длина звеньев порой достигала до 70—80 см. Замужние женщины носили повязку без подвесок из коралла. У хоринских бурят можно отметить еще одну деталь, подчеркивающую возрастную принадлежность женщины: у замужних женщин повязка имела ленточку, идущую от лобной части к затылку, а у девушек она соединяла височные стороны.

Головное украшение *татуурга*, *даруулга* буряток Забайкалья в виде повязки с перекрещивающимися натеменными лентами (хоринских буряток, в частности) очевидно, старинное, оно близко к венцу — головному убору шамана. Появившись когда-то в гражданском costume, оно могло сохраняться в шаманском (в этом случае к ней добавляли перья филина, рога марала, лося, имевших определенную семантику). Известно, что лишь только с появлением определенного лица, наделенного особыми религиозными функциями, общество отмечает его особым costume¹⁰³. Подобное головное украшение — повязка с нашитым в налобной части посеребренным диском — найдено в старинных бурятских погребениях (предположительно, шаманок) на о. Ольхон¹⁰⁴. По монетам, обнаруженным в них, погребения датируются XVIII в. По материалам археологических раскопок захоронений эпохи неолита и бронзового века в Прибайкалье А. П. Окладниковым восстановлен головной убор¹⁰⁵, напоминающий бурятские женские повязки — они сходны по конструкции. Диски из нефрита, симметрично расположенные на лбу, затылке и висках, сближают его с головным украшением из погребений о. Ольхон.

4. Женские украшения

Многочисленные украшения являлись характерной чертой женского costume бурят. В XIX — начале XX в. их особенность состояла в богато оформленных ювелирных изделиях из серебра со вставками из кораллов и коралловых снизок.

Украшения буряток подразделяются на несколько групп: 1) головные; 2) накосные; 3) ушные, височные, височно-нагрудные; 4) нагрудные, наплечные; 5) боковые, поясные; 6) украшения для рук. Среди них были повседневные, которые не снимали даже при выполнении домашней работы. Это различного рода кольца, браслеты, амулеты. Были и нарядные, которые надевали только с праздничным costume.

Основным материалом для поделок служило серебро. Вставками, обогатившими поверхность украшения, служили кораллы (маржаан), янтарь (хуба), малахит (номин) и бирюза (ою). Они были широко распространены в Забайкалье. В Предбайкалье использовали кораллы и перламутр (эржин, эрзин), обработанные как круглые пластины и пуговицы.

Изделия, изготовленные в более раннее время (XVII—XVIII вв.), характерны применением более простых технических приемов ковки, литья, штамповки, ажурной резьбы, профилировки. Изделия, относящиеся к XIX в. и началу XX в., отличаются ажурной и накладной филигранью, зернью, золочением, сложностью орнамента. Чернь, по объяснению бурятских чеканщиков, не была характерна для серебряных изделий бурят¹⁰⁶.

Среди основных видов женских украшений имеется много разновидностей, бытование которых связано с определенной территорией.

Из украшений головы наиболее своеобразным является *юбун* — налобное украшение из серебра или посеребренной пластины лопатообразной, несколько вытянутой формы (карта 6). Носили его взрослые девушки на выданье в возрасте 15—16 лет. После замужества молодая женщина могла носить это украшение до рождения первого ребенка. Став матерью, она меняла прическу и украшения. Украшение *юбун* носили, прикрепляя к косичкам, которые заплетали на висках (ханшаг) и на макушке (сааж). Встречалось оно у бурят Предбайкалья, в частности в Кудинских степях¹⁰⁷, а в Баргузинский край было занесено верхоленскими бурятами в XVII—XVIII вв. Об этом украшении помнят старые бурятки¹⁰⁸.

Накосные украшения характеризовали возраст женщины и определялись прической, которая была различна у девушек, молодых замужних женщин и женщин преклонного возраста.

С достижением периода зрелости (15—16 лет) девушкам изготавливали украшения (сааж), которые носили, прикрепив к косе, спущенной по спине. Бытовали они в старину у всех групп бурят. К концу XIX — началу XX в. украшение сохранилось лишь в Баргузинском, Тункинском районах Бурятской АССР, помнят о нем в Ольхонском районе Иркутской области.

Сааж — наспинно-накосное украшение. Его носили девушки на выданье с нарядным костюмом, оно украшало и свадебный наряд. Украшение могли носить молодые женщины до рождения детей.

Украшение *сааж* было трех видов. *Шураг сааж* — составленное из коралловых бус; *тумэр сааж* — из серебряных пластинок с закрепленными на них редкими бусинками; *уһэн сааж* (карта 6) — из шелковых нитей черного цвета. Основу этого украшения составляли проклеенная в несколько слоев ткань или кусок кожи, обтянутые красным тонким сукном. На такую твердую основу пришивали коралловые бусы с металлическим ободочком в пять рядов (шураг сааж). Богатые носили вместе украшения *шураг сааж* и *уһэн сааж*. Последнее было уже и длиннее первого, с густо укрепленными и нашитыми кручеными шелковыми

нитками черного цвета. Верхний конец украшения *сааж* венчался продолговатой посеребренной пластиной, а нижний — пучками кистей из этих же шелковых ниток. Некоторые носили украшения *уһэн сааж* в два-три ряда. Самое массивное и тяжелое по весу — *түмэр сааж* — было составлено из металлических посеребренных пластинок. Основу для него делали из твердой, почти не выделанной кожи. Пластинки с коралловыми бусинками держались на заклепках. Такое украшение приходилось не только пристегивать, но и завязывать за приделанные кожаные ремешки на плечах.

Подобные накосные украшения были и у киргизов. В прошлом девушки-киргизки носили украшение *чач-кап* из черного бархата с нашитыми металлическими пластинами, прикрепив его к свободно спускавшимся по спине косам¹⁰⁹. По типу и способу ношения бурятское украшение *сааж* и киргизское *чач-кап* весьма близки. Они были принадлежностью костюма девушек. У башкир такое украшение кос называлось *аркалык*¹¹⁰, как и пластина, украшавшая киргизское украшение *чач-кап*.

Распространение подобного украшения у бурят, монголов, тибетцев, бытование таких же предметов у башкир, киргизов и отсутствие его у других народов Средней Азии и Сибири наводят на путь поисков общих этнических компонентов или же заставляют говорить о совместно проживавших племенах древности, сыгравших ту или иную роль в формировании культуры названных народов.

К накосным украшениям молодых замужних женщин относились также искусственные косы, сплетенные из черных шелковых ниток и прикрепляемые к основанию натуральных кос. Их украшали монетами или специально отделанными пластинами с чеканным узором, кораллами. Такие косы встречены нами в Тункинском районе Бурятской АССР¹¹¹. К концу их подвешивались пластины четырехугольной формы, с рельефным узором, с шестью коралловыми вставками. Снизу прикреплялись бусы, обрамленные в характерные конусообразные колпачки. Заканчивалось украшение искусственной косы свободно свисающими серебряными цепочками.

Основания искусственных кос бурятки Закаменского района (основной район расселения сартулов) оформляли пластинами *хонтуул* и *боолто*¹¹².

Своеобразным украшением замужних женщин Селенгинского района были футляры для кос *шэбэргэл*, иногда их носили с украшением *туйба*. *Туйба* представляет из себя Г-образное металлическое украшение, длинный конец которого (стержень) вставляли в волосы у основания кос и обертывали сверху тесьмой. Видимый короткий конец украшали серебряным, иногда золотым шариком. В некоторых случаях он имел вид богато орнаментированной рез-

ной пластины¹¹³. Украшение *туйба* бытовало только у забайкальских бурят. В отличие от других украшений *шэбэргэл* с *туйбой* или только одно украшение *туйба* носили до преклонного возраста. Если у женщины сохранялись хорошие косы, то носили на-косное украшение *даралга*, представлявшее собой две крупные коралловые бусинки — *томо шураг*, закреплявшиеся ниже уровня плеч на косах.

Височное украшение *боолто* составляло одно из характерных черт костюма буряток цонгольского рода, расселенного в основном в Кяхтинском, Селенгинском районах Бурятской АССР¹¹⁴. Буряты других родов такого украшения не знали. Неизвестно оно также и другим монголоязычным народам. *Боолто* делали из коралловых бус, нашитых в два или три ряда на твердую основу, обшитую бархатом. К нижнему ряду подвешивали бусы, обрамленные серебром. Украшение пристегивали к косам на уровне ушей и закрепляли цепочкой у висков, пристегивая к украшению *даралга*. Иногда вместе с *боолто* носили украшение *туйба*, также закрепляемое у основания кос.

Височно-нагрудное украшение (пара) в виде колец с подвесками, прикрепляемое к головному убору или украшению *даралга*, обрамляло лицо, опускалось на грудь. Полевые материалы, собранные в районах Бурятии, Иркутской и Читинской областей, показали бытование различных вариантов этого украшения, распространенных строго локально (карта 6). У бурят хоринских родов Бурятской АССР, Агинского, Ононского районов Читинской области¹¹⁵ оно известно под названием *хиухэ*. Массивное литое кольцо *ээмэг* (диаметр сечения 10—12 мм) составляет основу украшения. Верхнее кольцо (диаметр 10—12 см) заканчивается стержнем с крупной коралловой бусиной посередине и кольцом меньшего размера (диаметр 2,5—3 см). Длина этой части *хиухэ* составляет 20—22 см (табл. 1, 1). Множество цепочек, сизок бус, соединяющих верхнюю часть украшения, удлиняло украшение до 70—75 см. Таким образом весь перед одежды был нарядно убран. Данный вид можно отнести к височно-нагрудным украшениям I варианта.

Вторая разновидность украшения *хиухэ-хонхо* встречается в Кяхтинском, Селенгинском, Закаменском, Джидинском районах Бурятской АССР¹¹⁶. Основа его также состояла из кольца (диаметр 8 см), но более легкого (диаметр сечения 3—5 мм), внутреннее пространство которого заполнено ажуром завитков, напоминающих растительный орнамент. К нему припаивали пластину с фигурными краями, накладной филигранью, вставками коралла, эмали, малахита. Стержень подвески второй разновидности представлял тонкую серебряную проволочку, на которую насаживали кораллы и ажурные металлические бусины (см. табл. 1, 2 и 3). Если украшения I варианта были соединены длинными

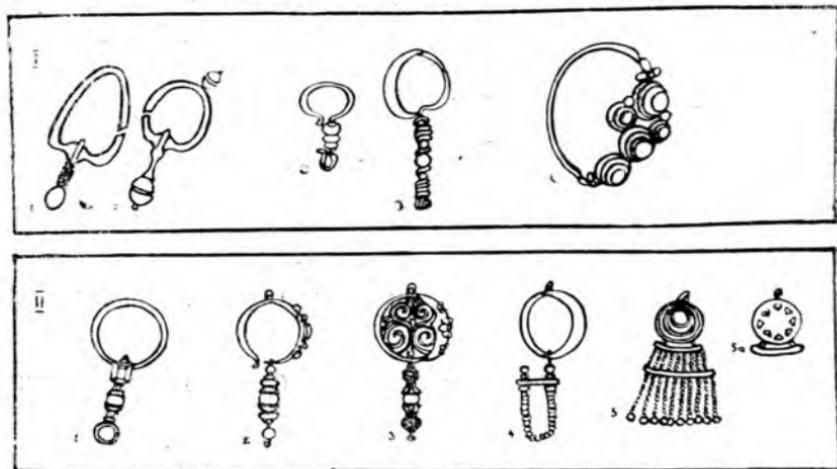

Таблица. Височно-нагрудные украшения (сравнительная таблица).

цепочками и коралловыми снизками, то II разновидность отличало своеобразное ожерелье с колокольчиками — *хонхо*, также удлинявшее *хиухэ*.

Хонхо состояло обычно из трех пластин, две из них небольших размеров соединялись цепочками с третьей, крупной. На коротких цепочках к ним подвешивались колокольчики. Сами пластины часто делали ажурными с изображениями рыбок, цветков или просто криволинейных мотивов, четко вырисовывая композицию введением зерни, эмали красного, зеленого цветов.

Третья разновидность украшения — *хиухэ-мөөр* встречена нами в Иркутской области¹¹⁷. Основу украшения составляла круглая пластина (диаметр 5—6 см) с резным орнаментом, представляющая сердцевидную фигуру. А в других случаях основу составляли тонкие серебряные колечки разного диаметра, соединенные между собой в двух-трех местах. От них шли свободно спускающиеся коралловые снизки (9—10 шт.), перехваченные одной или двумя металлическими (или из кожи) перемычками.

Разновидность височно-нагрудного украшения *сэртэбшэ* бытовала только у баргузинских бурят¹¹⁸. Она состояла также из кольца (диаметр 8 см), но с уплощенной боковой (лицевой) частью, которая покрывалась чеканным узором. Металлический стержень с нанизанными на него кораллами образовывал петлю: один конец стержня припаивали к кольцу с нижней стороны, а второй конец — к короткой горизонтальной пластине, соединяющей его с основой (первым концом) стержня (см. табл. 1, 4). Украшение *сэртэбшэ* узкой и длинной замкнутой снизкой кораллов опуска-

лось чуть ниже уровня плеч на грудь (длина 22—24 см). Это украшение (IV разновидность) исчезло к концу XIX в.

К группе височно-нагрудных украшений относится *хабига* — длинная (50 см) подвеска, составленная из пучка мелких коралловых бусин, закрепляемая к основаниям височных кос девушек или к головному убору (V вариант). Мелкие монеты заканчивали снизу. Это название было одинаковым у всех бурят, оно близко к бурятскому слову *хабига*, монгольскому *чавага*¹¹⁹, тувинскому *чавага*¹²⁰.

Украшение *боолто* нигде, кроме как у бурят Селенгинского района (цонголы), не встречалось: ни у бурят других районов, ни у соседних народов, чем еще раз подчеркивается отмеченное нами своеобразие женского костюма селенгинских бурят.

Массивные, литые *хиухэ* хоринских бурят по конструкции почти точно повторяют украшения, найденные в Джаргалантайском кургане близ монастыря Эрдэни-Дзу в МНР¹²¹. Близки к ним серьги из Чербинского и Ак-Туругского могильников Тувы¹²². Аналогичная серьга имеется и в материалах Минусинской котловины. IX в. датирована подобная серьга, найденная при раскопках на Северном Кавказе¹²³.

Таким образом, указанные серьги бурят хоринских родов, отмеченные характерной простотой декоративного и технического решения, имели и более близкие аналогии среди древностей кочевнического мира VIII—IX вв., имевшего границы от Южной Сибири до Дуная.

Украшения бурят Джидинских, Закаменских районов (сартулы) представляют вариант более усовершенствованной конструкции, они нарядны и сложны по техническим приемам. Эту разновидность серег отличает уплощенная боковая (лицевая) часть кольца или наклепная пластина. Подобные им серьги бытовали у аборигенов Внутренней Монголии, у тангутов из местности Сань-Чуань в конце XIX в.¹²⁴

Оригинальность украшения *хиухэ-мөөр* бурят Качугского района Иркутской области (III вариант) подтверждает упомянутый нами сердцевидный узор пластины, отмеченный А. П. Окладниковым как древний, характерный мотив тюркоязычных племен Южной Сибири — предков якутов, алтайцев¹²⁵. В начале XX в. этот мотив встречался весьма редко.

К *нагрудным украшениям* относилась коробочка из серебра, которую носили пожилые женщины (гуу или урлэй гэр)¹²⁶. Гуу, относящееся к более позднему времени по исполнению (конец XIX в.), из ладонки-амулета (XVIII в.) превратилось в изящное нагрудное украшение, даже дополнилось двумя-тремя ажурными пластинами из серебра. В старину подвешивали *гуу* на ленте, сделанной из *хадака* — шелкового платочка, привозившегося из

Монголии. Затем их стали подвешивать на полоске из ткани с нашитыми в два-три ряда кораллами (Окинский и Тункинский районы Бурятской АССР). Последнее как тип нагрудного украшения издавна существовало у бурят. Такое украшение описано Б. Э. Петри и названо *хоолопши*. Оно было обязательным нагрудным украшением женщины, сопровождавшей невесту во время свадебного обряда.

Наплечные украшения. В комплексе украшений девушек и молодых женщин (бурят только хоринских родов) было наплечное украшение *мурэнэй гуу* (карта 6). Его пришивали на халат (девушки) или на безрукавку (женщины). *Гуу* состояло из серебряной основы квадратной или круглой формы и коралловой бусины, насаженной на середину пластины. Бытовали *гуу* и более нарядного оформления: от основы свисали по три ряда двойных коралловых снизок с шелковыми кистями на концах.

Боковые украшения. Молодым женщинам и девушкам на выданье можно было носить боковые подвески (*ханжуурга*). Это украшение состояло из круглой пластины (*бэһын хантарга*, *бэлэ*). Оно закреплялось на уровне пояса. К пластине на плетеной шелковой ленте или же на серебряной цепочке подвешивались щипцы для выдергивания волос, бороды (*шэмхуур*), ухвертка (*хультибша*), зубочистка (*шуднэй шэгшуур*). Эти три предмета висели на одном боку, а на другом — маленький замочек, связка ключей, коралловые бусинки. Вся подвеска заканчивалась пышными кистями из шелковых нитей ярко-красного, зеленого и желтого цветов. У богатых женщин подвески были увешаны специально сделанными миниатюрным ножом (*хутага*) и огнивом (*хэтэ*), оформленными серебром с чеканным узором со вставками камней и позолотой. Этот вид украшения был распространен и встречался в конце XIX в. во всех районах Забайкалья. В Селенгинском, Кяхтинском районах в качестве украшения подвешивали сбоку шелковые платки небольшого размера (*ахалга*). Их привозили купцы, очевидно, из Ирана, Средней Азии. Они были ярких расцветок, с цветочным орнаментом. Девушки, в отличие от женщин, боковые украшения носили, застегнув на поясе.

Поясные украшения. У бурятков Иркутской области к XX в. сохранился обычай ношения на поясе утилитарных предметов, которые украшали костюм: расшитый кисет для табака (*хаптарга*, *хабтаһан*), ножичек в кожаном футляре. Среди таких украшений у бурятков Забайкалья известны игольники (*зуунэй гэр*), полые цилиндрики, соединенные ажуром филиграни или же в виде удлиненной фигурной коробочки. Орнамент на них был, в основном, растительного характера с редкими изображениями дракона. У некоторых экземпляров крышки коробочек были подвижные. Игольники могли входить в комплект бокового украшения *хан-*

жуурга. Они бытовали у многих народов с древних времен. Наиболее древние их экземпляры представляют полые птичьи косточки. Наиболее архаичные виды игольников встречаются у эскимосов Америки¹²⁷. С. В. Ивановым приведены различные виды игольников народов Сибири¹²⁸, хотя и автор отмечает, что у бурят их не было. Древние виды игольников буряты действительно не сохранили, но еще в начале XX в. у них были украшения из серебра, называемые игольниками. По сведениям старожилов, одну сторону коробочки-игольника делали подвижной. Возможно, в давние времена их использовали по прямому назначению.

Украшения для рук. Серебряные браслеты (бугааг, угаабар) иногда со вставками заказывали мастерам (дарханам) и носили их с нарядной одеждой, а в быту носили медные. Медный браслет, как считали, помогал при вывихах, растяжении жил или мышц. Перстни (бультуру) и кольца (бэһэлиг) женщины (а также и мужчины) носили почти на всех пальцах. Только в отдельных районах у замужней женщины должен был оставаться свободным большой (средний) палец: на него никогда не надевали ни кольца, ни перстни¹²⁹.

5. Типы мужской и женской обуви

Обувь составляет существенную часть бурятского костюма. Она менее изучена, чем одежда. Наша задача — определить типологию бурятской обуви в период XVIII — начала XX в., выявить ареалы распространения разных ее типов, рассмотреть в плане изучения историко-культурных связей бурят. При выявлении типов обуви бурят была использована классификация Г. М. Василевич, разработанная применительно к обуви народов Сибири¹³⁰. Материалы наших полевых исследований 1972—1973 гг., а также изучение музейных коллекций и публикаций позволяют внести ряд дополнений и уточнений в типологию и распространение отдельных типов обуви у бурят. Обзор материала дает основание выделить как общие, широко распространенные, так и локальные типы обуви (карта 7).

Все разнообразие бурятской обуви можно свести к двум основным типам, различающимся характером покроя: 1) поршневидный и 2) башмаковидный (карта 7). К первому типу относится обувь, основу которой составлял поршень (олообши) — кусок кожи овальной формы, стянутый в носочной и пяточной частях, образующий подошву и формирующий головку обуви. Голенище соединялось с поршнем через союзку или без нее. У бурят до недавнего времени (а местами даже и сейчас) существовал поршень в своем первичном виде, представляя кусок кожи с прорезанными дырочками, в которые продевали ремешок или же волосяной шнур и собирали его вокруг ноги¹³¹ (см. рис. 11 (26а)). Поршень —

обувь покосная. Считалось, что лучший поршень получался из камуса рогатого скота, представляющего готовую форму обуви с головкой. Такой поршень имел более или менее высоко загнутые края, стянутые спереди в сборки. Носили его волосом наружу, подстилку делали из травы и надевали на чулок из ткани (оймон) (см. рис. 11(26б)). Покрой чулка был весьма своеобразен. Он состоял из трех частей: голенища, носка и подошвы. Голенище высотой до колена делали из одного куска ткани со швом сзади, пятка была срезана, закруглена. Носок — треугольной формы с острым верхним углом, закрывающим подъем ноги; вшивался носок спереди в прорезь, сделанную в голенище. Подошва выкройная: перед ее закруглялся по форме ступни, а к пятке она сужалась и пришивалась к овально срезанному голенищу. Таким образом, пятка чулка была приподнята кверху. Чулки подвязывали под коленом с помощью завязок, пришитых к голенищу. Подобного покроя обувь из кожи — с голенищем из одного куска со швом сзади, с носком, вшитым в прорезь его передней части, делали эвенки в бассейне Подкаменной Тунгуски. Так же шили обувь из кожи якуты, тофалары, качинцы, кеты.

Помимо собственно поршня с чулком, у бурят существовала обувь, генетически связанная с поршнем (дээгуур улата гутал)¹³².

Известны несколько ее видов:

1) поршень и голенище соединены без союзок; к поршню (сзади и спереди, собранному в сборки, рис. 11(26в)) пришивалась надпоршневая часть в виде чулка, образуя низкое голенище из одного куска кожи, сшитое только в подъеме. Таковую обувь (духты) носили поверх обычной в непогоду. Ее шили для зимы из меха, камусов. Прямое голенище, завязываемое на лодыжке, постепенно при ношении принимало форму ноги¹³³;

2) поршень соединялся с прямым (коротким) голенищем через союзку. Между союзкой и поршнем вставлялась прокладка из полоски кожи; завязки пришивались на уровне лодыжек (рис. 11(26г))¹³⁴;

3) обувь для ношения в сырую погоду — *шудыршэ*, буквальный перевод этого слова «росник», или *ноохон годохон* — «шерстяная обувь» (рис. 11(26д)). Надпоршневую часть вязали из овечьей или козьей шерсти, ссученной с конским волосом. Союзку делали также из конского волоса, обычно выбирая волос темного цвета¹³⁵. По сведениям старожилков, такая обувь была крепкой и носилась долго. В старину она была обязательным видом рабочей обуви (кроме нарядной) и входила в приданое невесты. Впоследствии (к XX в.) ее перестали изготавливать;

4) *олод гутахан* — обувь, состоящая из поршня, собранного спереди в сборки, образующие тупой приподнятый носок с надпоршневой частью, состоящей из голенища и носка с мысиком,

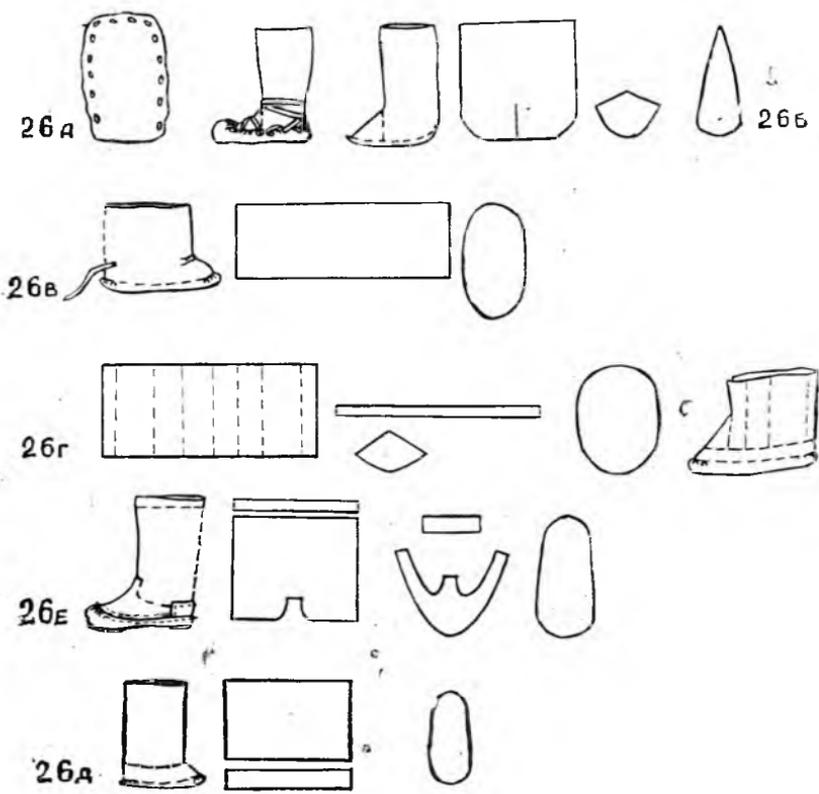

Рис. 11. 26 а. Поршень — кусок кожи, собранный на волосяной шнурок и укрепленный на ноге. 26б. Чулок и раскрой чулка из ткани. Забайкалье, хоринские буряты. Начало XX в. 26в. Поршневидная обувь из прямоугольного куска кожи (голенище) и куска кожи овальной формы (подошва). Предбайкалье, верхоленские буряты. 26г. Поршневидная обувь из камусов (голенище) и овальной формы подошвы. Предбайкалье, конец XIX — начало XX в. 26д. Поршневидная обувь из овечьей шерсти и конского волоса (голенище) и овального куска кожи (подошва). Предбайкалье, конец XIX — начало XX в. 26е. Поршневидная обувь из овчины (носок и голенище) и овальной формы куска кожи (подошва). Предбайкалье, конец XIX — начало XX в.

сделанных из овчины мехом внутрь (рис. 11(26 е)). Обувь шивалась нитками из сухожилий. К пяточной и носочной частям пришивали подковки из кожи¹³⁶.

К поршневидной, очевидно, нужно отнести обувь (для малолетних детей) из шкурок мехом внутрь. Она имела круглое выкройное дно, которое пришивалось в сборку к прямому голенищу, сшитому из одного куска (шов делали сзади). Завязывалась обувь под коленом¹³⁷.

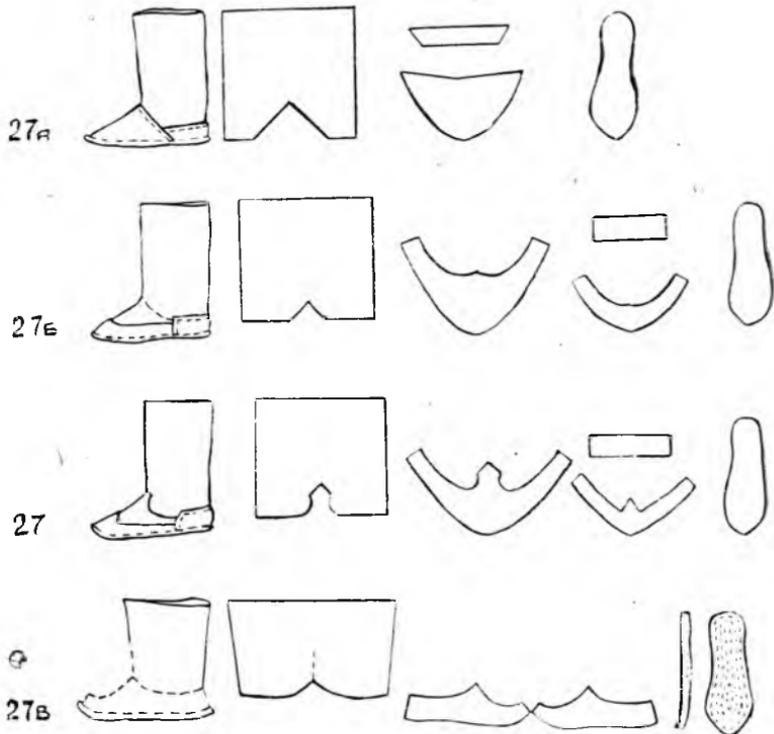

Рис. 12. 27. Башмаковидная обувь из ткани (голеншице и носок), юфти (союзки) и подошвы по форме ступни. Забайкалье, Предбайкалье. Конец XIX — начало XX в. 27а. Башмаковидная обувь из сукна (голеншице), юфти (носок и пятка) и кожи по форме ступни (подошва). Забайкалье, хоринские буряты. Конец XIX — начало XX в. 27б. Башмаковидная обувь из овчины (голеншице и носок), юфти (союзки) и кожи по форме ступни (подошва). Забайкалье, конец XIX — начало XX в. Предбайкалье, конец XIX — начало XX в. 27в. Башмаковидная обувь из кожи (голеншице и головка из двух половин), войлока (подошва). Забайкалье, конец XIX — начало XX в.

Обувь поршневидного типа долгое время сохранялась в шаманском костюме XVIII в. На одном из рисунков¹³⁸ в известной работе И. Георги изображена бурятская шаманка в облачении. Обувь ее поршневидного типа. Поршень высокий, закрывает половину взема ноги; спереди он собран в сборки. На другом рисунке И. Георги представил тунгусского шамана с Аргуни. Обувь на нем того же поршневидного типа. Наличие этой обуви у шаманов представляется не случайным. Ритуальная роль может указывать на древность ее происхождения.

Судя по собранным полевым материалам, поршневидная обувь из кожи сохранялась у бурят Иркутской области до XX в. О ней помнят так же жители Тункинского, Баргузинского районов Бурятской республики. Поршневидная обувь, близкая к бурятской, была у забайкальских эвенков: баргузинских, читинских, нерчинских, верхнеамурских. У некоторых забайкальских и среднеамурских эвенков голенище обуви (олочей) пришивалось, подобно бурятской, без промежуточных частей¹³⁹. Бурятская обувь *олод гуталан* (см. рис. 11(26е)) аналогична по покрою, материалу телу-тской поршневидной обуви¹⁴⁰ (интересно отметить, что других аналогий пока не обнаружено).

Ко второму — башмаковидному типу — относится обувь с выкройной подошвой по форме ступни, голенищем и головкой или голенищем и носком с союзками.

Обувь с выкройной подошвой, носком с мысиком и прямым голенищем — *гутал* (рис. 12(27); фото 11). Решение мысика носка, переходящего на голенище, было разным: острым (треугольником), прямосрезанным или закругленным. Голенище и носок изготовляли из ткани, простеганной на вате, или из сукна для теплого времени года; нарядные шили из бархата. Зимние шили из овчины, мужские — из шкуры косули. По низу носка и на пяточной части пришивались кожаные союзки. Передняя союзка делалась узкой, иногда с острым мысиком посередине. К пяточной части могла расширяться и плавно соединяться с задней союзкой, более широкой. Но зачастую пяточная часть углом выступала над передней.

В конце XIX — начале XX в. у бурят бытовала другая разновидность этой обуви — *бойтог* (рис. 12(27а)). Косо срезанный носок без мысика, сделанный из другого материала — из юфти, в отличие от суконного верха, составлял ее своеобразие. Носок срезался сверху спереди назад к пяточной части. *Бойтог* относится, по всей видимости, к одному из древних видов обуви бурят. Возможно, этот тип унтов восходит в своей основе к обуви типа *черок*, состоявшей из носка и подошвы. Обувь такого же покроя, но из ткани, овчины, с кожаными союзками была широко распространена и называлась *буряд гутал* — бурятская обувь (рис. 12(27б)). К XX в. подобная обувь сохранялась, кроме бурят, у ряда народов Сибири. У монголов бытовала охотничья обувь *бойтог* из оленьей или лосиной кожи¹⁴¹, у тьяншанских киргизов под названием *бойто* были известны кожаные чувяки¹⁴².

Обувь с выкройной подошвой по форме ступни и надподошвенной частью, состоящей из головки и голенища (эрмэг гутал). Головка выкраивалась из двух половинок с шишечкой на носке и плавным по форме стопы срезом верхнего края (рис. 12(27в); фото 12). Голенище до колена было широкое, с косым срезом вер-

ха. Иногда верхний край голенища специально выкраивался — высокая передняя и низкая задняя половины голенища защищали голень и не натирали подколенную часть ноги. Подошва — толстая, из стеганого войлока, подшивалась еще кожей. Шили обувь *эрмэг гутал* из дымленной овчины, шкур косули, кожи. Такого типа обувь была характерна не только для бурят, монголов, но также для тувинцев, хакасов, встречалась у алтайцев и забайкальских эвенков. Монгольский вариант обуви, особенно нарядной, имел острый носок и высоко поднятую подошву.

Появление обуви с острым носком, вероятно, связано с обувью поршневидного типа, носок которой собирался шишечкой. Такая обувь была необходима охотникам, особенно в горнотаежных районах. Носок задерживал лыжи, не давал им соскальзывать. Обувь могла получить дальнейшее развитие у скотоводов-кочевников¹⁴³, и постепенно поршень с шишечкой в носочной части был заменен кожаной головкой с выкройной шишечкой, образующей острый носок, и подформованной подошвой. Обращает на себя внимание то, что головка была устроена из двух половин по формообразующему принципу: обхватывала и закрывала стопу. Толстая подошва — характерная черта обуви и, как считают исследователи, была обусловлена верховой ездой и связана с появлением стремени¹⁴⁴. Толстая, жестко простеганная войлочная подошва была малоэластичной. Поэтому для удобства ходьбы подошву могли делать загнутой, специально подкраивая для этого носочную часть головки. Так, возможно, мягкая поршневидная обувь была заменена башмаковидной из плотной кожи и толстого войлока, предохраняющей голень от стирания о ремень стремени и обеспечивающей удобство ступне.

Г. М. Василевич, рассматривая обувь народов Сибири, возникновение этого покроя связывает с древним населением охотников-рыболовов Верхнего Приобья и Верхнего Приенисейя (хантов, манси, кетов, селькупов). Распространение данного вида обуви объясняется этногенетическими связями этих народов с другими этническими группами Южной Сибири. Сохранение обуви с шишечкой у народов Сибири было связано с хозяйственной деятельностью: у одних — с охотой на лыжах, у других — с постоянной ездой верхом. В XVIII в. в Южной Сибири у охотников-промысловиков все еще бытовала такая обувь, у которой были носки «крючками... перед и подошвы у них из одной кожи»¹⁴⁵. У эвенков Забайкалья до сегодняшнего дня сохранилась поршневидная обувь с шишечкой, где закреплялся кожаный ремешок для привязывания лыж. Обувь с кожаной надподошвенной частью, состоящей из головки с острым носком, голенищем и толстой, загибающейся кверху подошвой, названа исследователями обувью монгольских народов.

Женская обувь по покрою и назначению не отличалась от мужской. Она делалась лишь несколько изящней, легче. Обувь состоятельных людей выделялась богатством отделки и материала. У бурят Иркутской области был распространен обычай вышивать носок нарядной обуви из плиса или тонкого сукна черного цвета. Узоры выполняли по контуру одинарным или двойным швом тамбура, либо гладью, а в позднее время — крестом. Так расшит носок унта (фото 13) из фондов Республиканского краеведческого музея: по черному плису чередованием красного, оранжевого и голубого цветов ниток выложен орнамент, занимающий всю поверхность носка. Им же покрыт шов, соединяющий носок с голенищем. Союзки сделаны из юфти. Орнамент вышивок на унтах бурят Предбайкалья имеет довольно близкие аналогии с орнаментом унтов качинцев. Исследователями этот вид орнамента характеризуется как сложнокриволинейный; характерен он для якутов, качинцев, алтайцев и других тюркоязычных народов Южной Сибири. В Усть-Ордынском краеведческом музее Иркутской области среди экспонатов хранятся унты с «лирообразным» узором. Этот мотив часто встречался у якутов и реже — у других народов Сибири.

Особый интерес представляют унты из юфти (фонды краеведческого музея Агинского автономного округа Читинской области)¹⁴⁶. В нижней части голенища унтов техникой аппликации из кожи выполнено изображение, напоминающее хищную птицу, очевидно, орла, что представляется не случайным. Это может быть трансформацией традиционного узора населения о. Ольхон. Ведь, по предположениям историков и этнографов, буряты хоринских родов до XIX в. населяли территорию вокруг Байкала, жили и на о. Ольхон, где, как известно, орел (ехэ шубуун) считался хозяином острова и духом-покровителем его населения. Лишь позднее хоринские буряты заняли земли в Забайкалье по Онону, Борзе, Хилку и Ингоде.

Орнаментированная обувь с загнутым носком была распространена среди бурят Забайкалья и была заимствована у бурят группой конных эвенков этого района. Распространение данного типа обуви среди бурятского населения старожилы связывают с появлением ламаизма в конце XVII—XVIII вв. Сохранилось название обуви *лама гутал* (ламская обувь), определяющее ее как часть костюма лам. В XIX в. она встречалась уже как обувь знатных людей и только мужской половины бурятского населения. Богатые буряты привозили украшенные унты из Монголии, когда ездили туда с обозом товаров. А в конце XIX — начале XX в. унты, но более упрощенной формы (с тупым носком) и без орнамента, изготовляли сами бурятки и носили их в будни зимой и даже летом.

Орнамент на унтах с приподнятой вверх подошвой и острым носком, распространенный только в Забайкалье, относится к центральноазиатскому типу орнамента: характерные узоры в виде завитков и замкнутого узла (улзы), свастический орнамент (фото 12). А орнаментика обуви бурят Предбайкалья в основном была общеюжносибирского типа.

Кроме основной обуви, буряты носили ноговицы и наколенники. Ноговицы служили в качестве производственной части обуви, например, при ловле рыбы. Их делали из камусов, снятых с ног бычка (при забое на мясо). При недостаточной ширине нижний конец зашивали (мешком) или же подшивали куском кожи, образующей подошву и головку. Камусы надставляли, ноговицы делали высокими, выше колен. Завязочками, прикрепленными к верхнему краю, подвязывали их к поясу штанов. Внизу перевязывали у лодыжек. Судя по полевым материалам, ноговицы бытовали к началу XX в. у баргузинских, а также кударинских и верхоленских бурят.

Ареал распространения определялся хозяйственным занятием — рыболовством бурят, расселенных по берегам рек как в Предбайкалье, так и в Забайкалье. С другой стороны, рыболовство послужило причиной сохранения этой ранней формы обуви. Поверх ноговиц надевали поршни или же обувь из ровдуги.

Ноговицы бытовали в XX в. у бурят и у всех групп эвенков¹⁴⁷. У забайкальских эвенков они были в основном частью промысловой обуви, как и у бурят. В отличие от бурятских эвенкийские ноговицы представляли отдельные штанины, выкроенные в виде расширяющихся к верхнему краю полос, сшитых сзади. Внизу они закрывали лодыжки, где перевязывали их ремешками. Бурятские ноговицы из камусов, подшитые на манер поршней, близки по своей функции к поршням с чулками.

Наколенники (убдэгшэ) в виде куска кожи, утепленного войлоком, были в употреблении к началу XX в. у охотников за нерпой на Байкале (у бурят, русских, эвенков, проживавших на берегах оз. Байкал). Они были необходимы охотникам для передвижения на коленях по льду. Наколенники из кожи входили также в состав костюма таежного охотника. В более древние времена наколенники были принадлежностью бурятского воина. В Усть-Ордынском музее краеведения хранится наколенник воина-охотника времен облавных охот. Он сделан на кожаной основе (повторяющей форму ноги, длина которой 53 см, ширина — 14 см, с расширением в верхней части до 24 см), покрывавшей переднюю часть голени всадника. На кожу нашито красное сукно. Сверху наколенник покрыт металлическими бляхами. По краям расположены небольшие бляхи, а центральная линия выделена крупными (защитными) бляхами. Причем на месте коленного сустава при-

креплена крупная пластина сложного контура. К нижнему краю две стальные пластины уменьшаются в размере. Они сделаны выпуклыми, очевидно, для плотного прилегания к ноге. Заканчиваются наколенники крупной пластиной, по всей видимости, пришитой уже в позднее время к основной части. Наколенники, надеваемые бурятами в вооруженных столкновениях, отмечены в литературе XVIII в. Были они также в воинских доспехах монголов XII—XV вв. Наколенники подобного рода бытовали у воинов-киргизов в VI в. Они четко видны на бронзовых рельефах, найденных при раскопках могильников у с. Копены Боградского района Хакасии¹⁴⁸. Упоминаются наколенники и в китайских источниках¹⁴⁹. Следовательно, наколенники бурят имеют древние истоки. По всей видимости, они бытовали у народов, населявших Южную Сибирь, как часть костюма воина. Известные с VI в. у киргизов, они просуществовали у бурят до XVIII в., сохраняясь к началу XX в. уже в новом качестве — промысловом.

Если ноговицы и наколенники отмечены как производственная обувь (преимущественно мужская) или как часть старинного снаряжения воина, то чулки у бурят (XVIII — начало XX в.) бытовали повсеместно и были обыденными у мужчин и женщин. Чулки были войлочные, сшитые из ткани и вязаные. Весьма архаичную форму представляли детские чулки бурят, вязанные из овечьей шерсти, надеваемые с кожаной обувью. Их вязали крючком в форме мешка с овальным нижним краем. Возможно, в давние времена чулки были не вязаными, а валяными. По всей видимости, такой же формы были чулки взрослых, кроенные из войлока.

По сведениям старожилов, выкройные носок и подошва войлочных чулок вошли в обычай только в позднее время — в конце XIX в. Существовали они и в начале XX в. Позднее их уже не изготовляли. Покрой войлочных чулок бурят сохранился только в воспоминаниях старых людей: по покрою они были такие же, как и чулки из ткани для покоса. Основной частью их также были носок, голенище и подошва, сужающаяся к пяточной части. Сшивали их наружным швом нитками из овечьей шерсти, края частей плотно притягивая друг к другу. В процессе носки швы укреплялись валяными нитками. Бытование войлочных чулок у монголов в XX в. отмечено К. В. Вяткиной. К сожалению, автор ограничивается только их иллюстрацией¹⁵⁰. Другой исследователь материальной культуры монголов Н. В. Кочешков касается лишь декоративного оформления подобных чулок, также не затрагивая вопроса покроя и района их распространения¹⁵¹.

Чулки из войлока были известны среди тюрко-монголоязычных народов древности и как специфичные части костюма кочевников-скотоводов отражены в исторических источниках. Бытование их

в недавнем прошлом у современных бурят, монголов, калмыков — монголоязычных народов, у хакасов, тувинцев — тюркоязычных Алтая, а также народов Средней Азии, видимо, нужно рассматривать как сохранение особенности костюма древних скотоводов-кочевников.

У бурят в XIX—XX вв. были повсеместно распространены вязанные (на спицах, крючком) из овечьей шерсти чулки разной длины — высокие, достигающие колен, и короткие. Иногда верхняя часть чулка была с рисунком: черные узоры на белом фоне. Редко, но встречался узор желтовато-оранжевого цвета на белом фоне. Орнамент чулок, в основном, был геометрический и представлял собой чередование полос из кубиков, прямоугольных столбиков различного размера. Иногда узор напоминал птицу (многими объясняемый как изображение орла — *ехэ шубуун*), а порой — цветок или дерево. Чулки с узором из прямоугольных столбиков встречены нами на о. Ольхон в с. Маломорес. Возможно, чулки с узором были в прошлом распространены у бурят гораздо шире, но этнографическая литература начала XX в. отмечает их бытование только на о. Ольхон. Видимо, некоторая изолированность населения острова способствовала сохранению вязаных узорных чулок.

Рассмотренный выше материал позволяет сделать некоторые выводы. Разнообразие хозяйственной деятельности бурят к концу XIX — началу XX в. послужило причиной сохранения наиболее древних форм обуви и формирования поздних — более сложного покроя. Хозяйственные условия в свою очередь определяли материал обуви. У бурят была не только башмаковидная обувь (которую отметили исследователи Г. М. Василевич, К. В. Вяткина, И. Е. Тугутов и др.), но и поршневидная. Последняя сохранялась у бурят Предбайкалья в качестве производственной, а в Забайкалье — только как детская. Идентичность покроя и терминологии поршневидной обуви у бурят и эвенков можно рассматривать как результат историко-культурных связей этих народов, соседствовавших на протяжении многих веков. Поршень и поршневидную обувь буряты называли *олообши*, *олод гутаһан*, *шудэршэ* (буквально «росник»), эвенки — *олоч*, *олот*, *олоочин* (буквально «бродни»). Весьма примечательно распространение этого названия среди всех групп эвенков, живших к востоку от Лены и Байкала. С другой стороны, поршневидный тип обуви был у ряда народов Сибири, в том числе и у тюркоязычных. Возможно, это объясняется общими истоками. Г. М. Василевич предполагает, что «указанная традиция появилась у предков некоторых забайкальских эвенков в период древних связей с тюрками, которые в то время были в Забайкалье»¹⁵².

Башмаковидная обувь, надподошвенная часть которой состо-

ит из носка и голенища, была распространена повсеместно у бурят, а также у тюркоязычных народов Сибири — телеутов, качинцев, сагайцев. Сходство терминологии бурятской обуви с названиями монгольской охотничьей обуви и киргизской подтверждает не только историко-культурные связи этих народов, но и их этногенетическую близость.

Обувь с головкой из двух половин была известна лишь в Забайкалье, что объясняется историческими связями бурят этого района с монголами центральной и восточной части Центральной Азии. Эта обувь также имеет древние истоки, связанные с тюрко-монгольским миром.

Обувь у бурят определялась их хозяйственной и социальной жизнью, вместе с тем являясь частью прикладного искусства, что подчеркивало ее национальное своеобразие. Кроме традиционной обуви, наиболее характерной для бурят, в XVIII в. и более широко в конце XIX — начале XX в. к бурятам проникают покупные сапоги из хрома, ичиги — мягкие выворотные сапоги из юфти и др. Женщины из зажиточных семей в начале XX в. (особенно молодые) стали носить разного рода ботинки с каблуками, сапожки, туфли. Покупную русскую фабричную обувь более всего носили жители городов, а также зажиточная часть населения и представители сельской интеллигенции.

Взаимопроникновения культур приводили к появлению новых типов обуви. Так, эвенки стали носить бурятскую обувь *эрмэгтэй гутал* — обувь с острым носком и загнутой подошвой, а русское население восприняло бурятские башмаковидные унты.

Детальный анализ типов бурятской обуви и их распространения в XIX—XX вв. в сопоставлении с обувью других народов Сибири позволяет выявить картину культурно-исторических связей бурят. Рассмотрение изменения типов обуви в историческом аспекте с привлечением полевых, музейных и литературных материалов дает возможность проследить некоторые этнокультурные связи бурят с другими народами на протяжении столетий.

6. Комплексы костюма

Рассмотренные во II главе части мужской и женской одежды, обувь, головные уборы составляют комплексы костюма (карта 8). Под комплексом, или типом костюма, имеется в виду сочетание различных его частей, более или менее устойчиво бытовавших вместе. Одежда бурят, как упоминалось, в значительной мере единообразна.

При всем единообразии одежды ряд деталей в покрое, особенностях головных уборов, обуви и украшениях выделяет одежду отдельных локальных групп бурят. На основе этих признаков сделана попытка выделить комплексы, специфичные для населения

разных бурятских районов. Выделение локальных комплексов было осуществлено методом картографирования. Наложение одной карты на другую выявило специфику отдельных районов.

В бурятском мужском традиционном костюме выделяются два комплекса. Для первого комплекса были характерны распахнутая рубашка *морин самса* (см. карту 6), штаны с широким шагом двух типов (см. карту 2), обувь башмаковидная с приподнятой подошвой у носка *эрмэг гутал*, островерхая шапка, верхняя одежда с воротником стойкой, с запахом левой полы на правую (см. карты 3—5), значительное применение восточных шелковых тканей. Данный комплекс мужской одежды был широко распространен у бурят Забайкалья, но имелись некоторые различия по районам. Так, у бурят хоринских родов Агинского национального округа мужскую верхнюю одежду отличала широкая декоративная нашивка на груди (*энгэр*) из трех слоев со специальным названием *сагаалса*. Нашивка *энгэр* из узкой полоски ткани была характерна для бурят этого же рода, проживающих в других районах Забайкалья; закругленная у ворота нашивка *энгэр* с рельефной полоской *хушэлтэ* была свойственна одежде цонголов и сартулов. Головной убор с горизонтальной строчкой отличал хоринца, с вертикальной — цонголов, сартулов. Навершие *дэнзэ* было характерно для всех бурят Забайкалья.

В одежде бурят Забайкалья использовались шелковые ткани с восточным орнаментом, тарбаганья шкура, мех степных лисиц, верблюжья шерсть и волос яка.

Второй комплекс мужской одежды свойственен бурятам Предбайкалья. Для него характерны глухая нательная рубашка (армахи), близкая к русской, штаны с широким шагом первого вида (умдэн), верхняя длиннополая одежда с прямым разрезом спереди и воротником шалью. Носили ее с кушаком. Зимним головным убором служила шапка *татар малгай*. Позже она была заменена шапкой типа кубанки. Характерен поршневидный тип обуви, разновидность башмаковидного, основу которого составлял черок.

Своеобразие также составлял используемый материал: конский и козий волос в обуви, вязанный, а затем свалянный материал в верхней одежде (зипун). Здесь, в отличие от бурят Забайкалья, использовали преимущественно ткани русского производства.

Женский костюм в большей степени, чем мужской, сохранил родоплеменные и территориально-локальные особенности, характерные для той или иной группы бурят. Традиционный нарядный костюм молодой замужней женщины делится на несколько комплексов.

Первый комплекс. Нательная одежда состояла из распахнутой рубашки (*мори самса*) и рубашки глухого типа (*самса*), штанов с

широким шагом двух видов. Верхняя одежда (зимняя — *хамган дэгэл*, летняя — *тэрлиг*) была распашная, с запахом левой полы на правую, с характерным вырезом грудной части верхней полы, отрезная по талии. Лиф прямой, широкий и длинный, плотно стянут в густую сборку. Шов, соединяющий лиф и подол, оформляла рельефно сотканная цветными нитками декоративная полоска (*хуняаһан*). По бокам и низу подола шла отделка из шелковой ткани (*хяза*, ширина 7 см) и черного бархата или плиса (ширина 5 см). Составные, с буфами у основания (*булуубша*), рукава заканчивались обшлагами. Ворот стойка был декоративно отделан бархатом и красного цвета шелком. Короткую безрукавку — *уужа* (карта 4) надевали поверх дэгэла или тэрлига, а летом поверх платья. В степных районах бытовала еще длиннополая безрукавка (*ута уужа*). Головной убор (зимний — *хасабшатай малгай*, летний — *тойробшо малгай*) был островерхий с горизонтальной строчкой высокой тульи (карта 5). Коронообразная *даруулга* с нашивками коралла дополняла головной убор. Обувь башмаковидная: *буряад гутал*, *эрмэг гутал*. Разнообразны украшения из серебра и коралла: наплечные *гуу*, височно-нагрудное *һиихэ-хээ* с массивной верхней частью, боковые *бэлэ-һанжуурга*, нагрудное *гуу*, *туйба* у основания кос, наспинно-накосное *гээгээбшэ* и др. Комплекс характерен для хоринских бурят Забайкалья (Хоринский, Кпжингинский, Бичурский, Мухоршибирский районы Бурятии, Петровск-Забайкальский, Хилокский, Ононский районы и Агинский автономный округ Читинской области, карта 8; фото 14).

Второй комплекс. Распашная и глухая рубаха, штаны второго вида (монгол умдэн). Распашная верхняя одежда (зимняя — *хамган дэгэл*, летняя — *тэрлиг*) с запахом левой полы на правую, с характерным вырезом грудной части. Отрезная в талии, но не по прямой линии, а мысиком (*тухэреон*, *табтаргай*). Лиф прямой, широкий, подол стянут в густую сборку (*хунаяс*). Грудную часть и низ подола украшала полоска ткани, а бока подола — узенькая тесьма или ткань. Шов, соединяющий лиф и подол, оформлен рельефной тканой опояской или шитьем цветными нитками (ширина 3—4 см). Рукава составные, с буфами у основания, заканчивались обшлагами. Ворот стойка. Головной убор островерхий, с вертикальной строчкой тульи (зимний — *хасабч малгай*, летний — *шобхо малгай*). Украшала головной убор *татуурга* с кораллами. Обувь башмаковидная: *буряад гутал*, *эрмэг гутал*. Всевозможные украшения из серебра и коралла дополнили костюм: накосники (*шэбэргэл*), височные *боолто*, *туйба*, височно-нагрудные *сиихэ*, боковые *бэлэ* — *шэмхуур*, *ахалга* из цветных платочков, нагрудные *гуу* прямоугольной формы, *зуубшэ* из монет на ленточке. Безрукавка короткая (*уужа*). Комплекс характерен для Селенгинского, Кяхтинского районов, где были расселены цонголы, частично сартулы (см. карту 4).

Третий комплекс. Рубаха глухого типа, штаны двух видов. Верхняя одежда с запахом левой полы на правую, отрезная в талии по прямой линии. Лиф, расширяющийся книзу. Подол широкий, в верхней части заложены в складки, рукава составные, сужающиеся книзу. Свободные основания рукавов заложены в складки (в прошлом стягивались в сборки). Имелись обшлага (ню-дарга). Широкие декоративные нашивки из тесьмы, простеганной полоски ткани располагались на лифе выше талии, что визуально укорачивало лиф. Укороченная безрукавка, доходящая только до декоративных полосок, усиливала впечатление одежды с завышенной талией, меняла соотношение одежды. Головной убор — островерхая шапка, с вертикальной строчкой высокой тульи. Под нарядную шапку надевали *даруулга*, составленное из коралловых бус, нашитых на узкую (3 см) полоску ткани. Часть бус отдельными низками свисала на лоб симметрично по обе стороны от пробора. Своеобразны богато декорированные украшения *кос хонтуул* и *боолто*, височно-нагрудное *хиихэ-хонхо*, боковые *бэлэ-ханжуурга*, нагрудное *гуу*. Этот комплекс характерен для Джидинского, Закаменского районов, где большая часть населения относится к сартулам и другим выходцам из Монголии (карта 8).

Четвертый комплекс. Основу составляли глухая рубаха, хотя в прошлом была распространена короткая распашная одежда *тэрлиг*, штаны первого вида. Верхняя одежда (хамган дэгэл) с запахом левой полы на правую, с характерным вырезом. Эту одежду буряты называли монгольской (тэбхэр монгол энгэр). Лиф, расширяющийся книзу. Длинный подол в сборку (хуняаһатай). Рукава длинные, без буф у основания, с обшлагами. Ворот стойка. Декоративная отделка: *хошоо* — узкая разноцветная тесьма вдоль шва на талии, *хубөө* — полоска ткани по краю подола, *энгэр* — декор на грудной части из сукна, меха выдры. Длиннополовая безрукавка *дэглээ*. Носили короткую безрукавку (*сээжэбшэ*). Иногда делали *сээжэбшэ* с закругленными полами (хумэгэр). Головные уборы: *оройбшо* (колпачок из камусов соболя), *бортого халю малгай*, *тоорсог*. Зимняя шапка островерхая, с наушниками (хасабшатай малгай), летняя с околышем. Уборы украшались красными кистями и навершием из серебра и коралла (залаа и дэнзэ). Обувь башмаковидная с носком с мысиком и башмаковидная с острым носком, которую здесь называли *туургэ*. Украшения: наспинно-накосное *гээгээ*, нагрудное украшение *гохшоо*, *гуу-хоолобшо*, боковое *шэмхуур* (гулза), шелковые платочки *сондой*. Комплекс характерен для женского костюма Тункинского, Окинского районов Забайкалья (карта 8).

Пятый комплекс состоял из глухой рубахи, штанов первого вида. Распашная верхняя одежда с прямым лифом, подол в сборку. Рукава широкие у основания, сужающиеся книзу, с обшла-

гами (урий). Грудную часть одежды украшали нашивками из лососевой ткани, выдры (3—4 см), так же оформляли обшлага. Воротник стойка. Безрукавка была длиннополой и называлась *дэгэлэй дабхаса*, *дэгэлэй*, иногда она заменялась на короткую *уужа*, а при выполнении домашней работы — на платок. Зимняя шапка типа кубанки из выдры или соболя. Летняя нарядная *бортого* (тоорсог). *Хори малгай* (шапка хоринских бурят) — летняя с околышем и высокой тульей. Шапка *даралга*, или *дэрэбишэ*, надеваемая под нее, служила знаком замужества женщины. Обувь башмаковидная (бураяд гутал) и с острым носком (луушан или хори гутал). Из украшений здесь бытовали: височно-нагрудное *сэртэбишэ*, *туйба*, нагрудное *гуу*, наплечное *гуу*, боковое *хантарга-ханжуурга*, *ахалга*, наспинно-накосное *сааж* трех видов. Комплекс характерен для Баргузинского района, где расселены буряты хоринских и эхиритских родов, выходцев из Предбайкалья (карта 8).

Шестой комплекс состоял из рубахи глухого типа (армааси), штанов с широким шагом второго вида (умдэн). Верхняя одежда зимняя и летняя (хамган дэгэл) с запахом левой полы на правую, с характерным вырезом грудной части верхней полы, но с неглубоким запахом. Лиф прямой, подол в складках. Рукава неотрезные, сужающиеся книзу, заканчивались обшлагами *туруу*, опущенными вниз. Концы рукавов перед обшлагами стягивались декоративными нашивками. Вырез грудной части был украшен широкой, занимавшей почти всю грудь нашивкой из пластины меха выдры (ширина 18—20 см), полосок тонкого сукна и шелка (6—7 см). Такая же декоративная нашивка проходила по низу и бокам подола. Длиннополоая безрукавка *дэгэлэе*, отрезная в талии. Безрукавка по шву на талии, по краям пройм и подола украшалась нашивками полос сукна, перламутра и металлических пластин. Отдельно выделялась опояска на спине. Она имела металлические подвески и называлась *оноо*. Иногда использовали вышивку и аппликацию. Головной убор: *бортого малгай*, шаровка *малгай*, поршневидная обувь и башмаковидная с носком с широким мысиком. Костюм дополняли наспинно-накосные украшения *уһэн сааж*, *тумэр сааж*, *һиһхэ-мөөр* с сердцевидным узором в основе, нагрудные *хоолобшо*, *алтан*, височное *һабига*. Комплекс был характерен для верхоленских бурят Предбайкалья.

Седьмой комплекс составлял костюм аларских бурят Предбайкалья — хонгодоров и др. (карта 8; фото 15). Нательная одежда состояла из рубахи глухого типа (армааси), штанов первого вида (умдэн). Верхняя одежда распашная, с характерным вырезом и неглубоким запахом (хамган дэгэл). Ворот стойка, рукава, сужающиеся книзу, с обшлагами, опущенными вниз. Подол широкий, заложен в редкие складки. Декор (выдра, сукно и шелк) расположен по конструктивным линиям. Характерна расклешен-

ная безрукавка *хунаатхи*. Борта отделаны позументом или сукном черного цвета и нашивками монет, перламутра. Головной убор: *бортого*, зимний — *татар малгай*. Башмаковидная обувь, основу которой составлял черок. Украшения: нагрудные *алтан*, *шурэ*, накосные *боолто*, *мунгэ*.

Восьмой комплекс. Глухая рубаха (армааси) и штаны первого вида. Верхняя одежда распашная с нашивками из выдры, бархата, шелка в нагрудной части и по подолу. Расклешенная безрукавка *хубайси* с нашивками монет (хадалга) или перламутра (эрзин). Зимние головные уборы: *халю малгай*, *биизга малгай*. Башмаковидная обувь (гутал) с носком с узким мысиком. Носок и шов, соединяющий его с голенищем, расшивались. Украшения: накосные *боолто*, *хабига*, *мунгэ*, нагрудные *алтан*, *шурэ*. Комплекс распространен среди боханских, осинских бурят Предбайкалья — булагатов, ашебагатов (карта 8; фото 16).

В особый комплекс можно выделить мужскую и женскую одежду, сильно подвергшуюся влиянию русского городского костюма. Женский комплекс состоял из рубахи с оборками (сарпаан) и платка в качестве головного убора. В городе традиционными становились длинные платья, шляпы, ботинки на каблуках и т. д. Это явление более всего было распространено в Предбайкалье, чем в Забайкалье. В мужской комплекс входили рубахи-косоворотки, штаны с узким шагом, из верхней одежды — пальто, шубы «татарки», шляпы, картузы, шапки-ушанки.

Таким образом, картографирование комплексов выявило прежде всего территориальные различия в одежде бурят Предбайкалья и Забайкалья. Некоторые черты свидетельствуют о бывших родоплеменных делениях. Однако они незначительны, особенно в мужском костюме. Тем не менее мы видели особенность, прослеженную в одежде хоринцев различных районов и в начале XX в. Также прослеживаются некоторые различия в головных уборах хоринцев, цонголов, сартулов и др. Больше материалов бывших родоплеменных отличий дает женский костюм. Наиболее они отражены в деталях покроя верхней одежды (Забайкалье), головных уборах, обуви (Предбайкалье) и украшениях.

Отличительные особенности костюма бурят Предбайкалья и Забайкалья обусловлены и этногенетическими связями различных групп. Так, буряты Предбайкалья в изучаемый период, наряду со скотоводством, вели и охотничье хозяйство, особенно в таежных районах. Поэтому здесь сохранились некоторые части одежды, которые были характерны для охотников-звероловов тайги. Обувь пельшневидного типа и обувь, у «которой носки крючками», характерные для культуры охотников-звероловов в условиях тайги¹⁵³, долгое время сохранялись у бурят Предбайкалья.

Исследователи истории бурят¹⁵⁴ отмечают, что если формиро-

вание бурятского народа шло под сильнейшим влиянием общего экономического развития, где преобладало кочевое скотоводство, то ядро народности все же сохранило отдельные черты охотничье-звероловного уклада в быту, религии и преданиях, сближающие их с таежными охотниками: алтае-саянскими тюрками и таежными эвенками.

Данные языка (родовые имена, названия зверей и топонимика), а также совпадение сюжета мифа о налиме — отце Эхирита с эвенкийской легендой, бурятского жилища *бухэга* с юртами лесных звероловов говорят о сходстве, наметившемся в результате длительного совместного проживания этих народов.

Костюм бурят Предбайкалья имеет черты, сближающие его с тюркоязычными народами Алтая и монголами Западной Монголии. Есть аналогия в специфичной одежде — безрукавках замужних женщин, что отмечалось в этнографической литературе¹⁵⁵. Сходства встречаются также в верхней мужской одежде¹⁵⁶ — в оформлении груди распашного халата. Мужской халат с воротником шалью бытовал у бурят, тувинцев, алтайцев и монголов.

Связи западных бурят с ойратами были более тесными — известно участие ойратов в этногенезе эхирит-булагатов. В составе бурятских групп есть родоплеменные группы: икинаты, зунгар, бухут и др., входившие в прошлом в состав ойратов¹⁵⁷. На генеалогическую связь с ойратами указывают предания о происхождении бурят¹⁵⁸. О наличии общих черт бурят и ойратов говорят и некоторые данные языка. Сходные черты культуры бурят, алтайцев и ойратов объясняются общностью исторических судеб этих народов.

Ойраты были значительно поздними монгольскими группами, которые влились в среду коренных обитателей Прибайкалья во время политических событий, происходивших в XVII в. на обширной территории Центральной Азии и Восточной Сибири. Новые внедрения из Монголии (халхи) также заметно повлияли на костюм бурят (головные уборы — *обуза*, *тоорсог*, украшения — *ахалга* и др.).

Своеобразия, наблюдаемые в костюме бурят Забайкалья, объясняются связью с восточномонгольскими скотоводческими кочевыми племенами. Так, хоринских бурят отличает одежда, идентичная одежде бурят баргу Восточной Монголии (горизонтальная строчка высокой тульи шапки, верхняя мужская и женская одежда, обувь и др.). Буряты хори в прошлом также были звероловами и в числе лесных племен были покорены монгольскими завоевателями в XII—XIII вв. Часть из хори-туматов ушла далеко на восток во Внутреннюю Монголию. Бурятские хоринские летописи передают старинное предание о переселении

бурят хоринских родов из Восточной Монголии в Забайкалье в конце XVI—начале XVII в. и расселении их по Онону, Хилку, Уде. В costume этой группы населения сохранились, хотя и незначительно, детали наиболее древнего костюма — поршень и поршневидная обувь (только детская), короткая охотничья куртка из ровдуги, орнамент из аппликации на унтах (орел — ехэ шубуун).

Бурятский народный костюм обнаруживает черты сходства не только с одеждой монголоязычных народов, но и тюркоязычных — народов Южной Сибири и Средней Азии.

Наблюдаемые аналогии не ограничиваются только культурно-историческими взаимовлияниями, имевшими место в прошлом и прослеживающимися с гуннских времен. Многие черты культуры, по всей видимости, относятся к генеалогической общности и восходят к культуре одних и тех же племен, сыгравших какую-то роль в формировании народностей.

Так, общность в одежде и других чертах материальной культуры якутов и бурят восходит к культуре курыкан, влившихся в состав западных бурят и якутов¹⁵⁹. У якутов шуба *тангалай* и шапка из волчьего меха с ушками, считавшаяся нарядной, — предметы одежды пришельцев с юга Прибайкалья. При раскопках могильников XVII в. эти вещи обнаружены в Хоринском наслеге Орджоникидзенского района Якутской АССР¹⁶⁰. Очевидно, это одежда племен бурят хори, переселившихся во времена чингисхановских войн на север — в Якутию. В составе якутского народа есть род хоролор (у бурят хори).

Заметно выделяется костюм бурят южных районов Бурятии. Здесь до XVII в. жили табангуты и монголы, а также тунгусское население¹⁶¹. Большую прослойку составили собственно монголы, влившиеся в состав бурят в конце XVI—XVII вв. Поэтому своеобразие костюма жителей Селенгинского, Кяхтинского, Джидинского районов, очевидно, сказалось под влиянием одежды представителей родов цонгол, атаган, сартул, табангут.

Хонгодоры, пришедшие из Халхи также в конце XVI—XVII вв., переселялись отдельными группами в аларские, тункинские степи. В costume бурят Тункинского района прослеживаются черты, связывающие его с одеждой монголов Центральной Монголии и бурят Аларского района Иркутской области.

Традиционная одежда бурят Баргузинского края выделяется характерными чертами, связанными с историческими событиями и этническим составом населения. В летописях баргузинских бурят говорится, что древнейшим населением Баргузина были хорчид-монголы, или баргуты. Они принадлежали к числу монгольских племен и частично вошли в состав бурятского на-

рода. В XVI—XVII вв. в этот край переселились эхириты из Предбайкалья (верхоленские).

С народами Средней Азии, в частности с киргизами, очевидно, связывают бурят древнетюркские племена, жившие в I тыс. н. э. на Алтае и в соседних с ним областях, а также на пространствах Центральной Азии¹⁶². Известно также, что некоторые тюрко-монголоязычные племена в той или иной мере послужили этническим компонентом и для других народностей (узбеков, казахов, башкир, алтайцев и др.). Поэтому мы находим (II глава) значительные аналогии в одежде, головных уборах, обуви, украшениях бурят и названных народов. Эти племена несли культуру кочевников. Многие черты сходства у этих народов носят следы влияния культуры монголов XIII—XIV вв.

Заметно выражено в одежде бурят и влияние костюма эвенков, причем не только буряты заимствовали у них отдельные элементы одежды. Распашная одежда с характерным для бурят оформлением *энгэр*, головные уборы, обувь были распространены в костюме эвенков (конных эвенков Кыринского, Дульдургинского районов Читинской области, Баргузинского, Курумканского районов Бурятской АССР). Одежда бурят XIX—XX вв. обнаруживает аналогии с костюмом русского старожильческого населения Сибири. Группы так называемых карымов Тункинско-го, Селенгинского, Бичурского районов Бурятской АССР обычно сочетали в своей одежде бурятские и русские элементы.

Русское городское влияние коснулось в известной степени всех бурят, но особенно сильно оно было выражено в Предбайкалье, что отразилось на одежде. Взаимоотношения бурят с русскими благотворно влияли на обе стороны: буряты многое восприняли от русских, но и русское население Сибири заимствовало у бурят некоторые типы обуви и одежды, более удобные в местных условиях.

7. Социальные различия в одежде бурят конца XIX—начала XX в.

В одежде бурят нашло отражение социальное расслоение бурятского общества в XIX — начале XX в. Покрой одежды был в основном единым. Главное отличие в одежде разных по имущественному положению слоев населения состояло в различии материалов, используемых для одежды, и количества частей одежды. Из исторических документов известно, что уже в XVII в. бурятское население разделялось на две группы: в первую входили князцы и другие родовые начальники — зайсаны, шуленги, образующие вместе со своими родственниками, их семьями бурятскую знать (лучшие люди). Вторую, более многочисленную

группу составляли рядовые кочевники (улусные люди), зависящие от первой группы¹⁶³.

Классовое расслоение, усилившееся в конце XIX — начале XX в., особенно заметно проявлялось в имущественном положении бурят, что было отмечено исследователями. Среди бурятского населения различались «богатые», «достаточные» и «бедные»¹⁶⁴. К богатым относились крупные скотовладельцы, ко вторым — средние и мелкие, к третьим — малоимущие. Кроме большого поголовья скота, богатые буряты имели денежные средства и серебро в слитках, составлявшие у некоторых значительную для того времени сумму. Причем у бурят Забайкалья, кочевавших в непосредственной близости с феодальной Монголией, имущественная разница была выражена гораздо резче¹⁶⁵. Крупные скотовладельцы приобретали для изготовления одежды, обуви и головных уборов шелковые ткани, бархат, тонкое сукно, золотые и серебряные изделия у китайских и русских купцов.

В начале XIX в. самый богатый скотовладелец — хоринский тайша, выдавая замуж свою дочь, дал ей очень богатое приданое. Одних халатов и шуб насчитывалось около 50 штук, а безрукавок и более того. Кроме всего прочего, в качестве приданого было дано 40 ящичков, наполненных дорогими мехами¹⁶⁶. Тогда как приданое бедных буряток ограничивалось одним халатом (для теплого времени) и шубой, которые украшались декоративными нашивками и украшениями из низкопробного серебра или другого металла белого цвета (олова, кораллами). Шуба дэгэл или халат (тэрлиг) из ткани *магнал* с тонкой вышивкой были доступны только зажиточной части бурятского населения ввиду дороговизны материала и постепенно стали восприниматься населением как знак принадлежности владельца к имущей бурятской верхушке¹⁶⁷.

Обувь и головные уборы зажиточных бурят также отличались роскошью и добротностью. Головной убор бурят имел наверху или ленту, строго соответствовавших имущественному и социальному положению владельца. Как правило, только богатые буряты становились тайшами, шуленгами, казачьими агаманами, офицерами. Если в XVII—XVIII вв. родовое управление передавалось по наследству, то в XIX в., особенно к концу его, в связи с распадом патриархального уклада тайши и нойоны становятся выборными. Нередко выбор кандидатов превращался в борьбу представителей родовых группировок¹⁶⁸.

Зажиточные буряты, главным образом в Иркутской области, носили многое из городского костюма: пиджаки из сукна или чесучи, жилеты, брюки, шляпы, пальто. Наряду с этим сохраняли и традиционные виды одежды (меховые дорожные). Зимой

в дорогу надевали доху — собачью, волчью, козью, рукавицы, вязанные из шерсти или сшитые из дымленной овчины, телячьей или лосиной кожи.

У богатых бурят Забайкалья в конце XIX и начале XX в. все еще сохранялась страсть к роскоши. Н. М. Ядринцев пишет, что «монголы и буряты любят покупать китайские шелковые ткани, позументы, парчу. У буряток головные уборы делаются из серебра так же, как и серьги... Кроме того, у них развита особенная любовь к кораллам, и хотя стоимость некоторых украшений доходит до 500 и 1000 рублей, они не останавливаются перед дороговизной»¹⁶⁹. Для тайшей хоринских, селенгинских бурят, казачьих атаманов украшением и одновременно показателем высокого положения стали служить различные награды — ордена и медали, кафтаны и кортики, полученные ими от царских чиновников. Статский советник Т. Любимов, говоря о необходимости наград и специальных форм одежды для бурят казаков, указывал в своем отчете: «Буряты честолюбивы и любят внешние отличия»¹⁷⁰.

С середины XIX в. стало вводиться в жизнь «Новое постановление о жизни и обычаях», где в одном из параграфов говорилось об отличительных знаках для законного главенства над податными людьми и установлении различия в одежде¹⁷¹. С этих пор социально-имущественное различие в одежде было узаконено¹⁷². Параграфы постановления «О должностных знаках отличия и одежде начальствующих и почетных людей» убедительно свидетельствуют о сословной иерархии в бурятском обществе. Главное отличие подчеркивалось головным убором, различиями материала шапки, вида наверхия (дэнзэ). Вторым отличительным знаком, судя по предписаниям, должен был быть материал верхней мужской и женской одежды (зимней и летней) и в меньшей мере — материал обуви.

Приведем несколько параграфов этого постановления, из которых видно, с какой тщательностью было проведено разграничение: «Отличительные знаки казачьих бригадных атаманов и главных тайшей отоков — на шапке красный жинчи из маржана, подставку делать из золота и серебра. Шапку шить из соболей или из их хвостов, а летнюю — из плиса. Дэгэлы (шубы, халаты) шить из гладкого или вышитого шелка, воротник дэгэла (должен быть) с отворотами, вышитыми золотыми нитками, кушаки — из шелка, унты — из плиса или юфти. Так же должны одеваться супруги тайшей и атаманов»¹⁷³. Необходимо отметить, что знатные и богатые шили верхнюю одежду, головные уборы преимущественно из тканей синего («небесного») цвета. Интересно в связи с этим сообщение Доржи Даргаева, колхозника, 78 лет, о том, что при встрече гостя особое внимание уделялось

цвету одежды: самым почетным, внушающим даже некоторый страх хозяину юрты был гость, одетый в халат синего цвета¹⁷⁴.

Старшинам отоков, думским заседателям, детям тайшей, атаманов и обер-офицеров предписывалось иметь *жинчи* из ялпиль-лазури. «Хотя одежда (их) будет сшита из вышитого и узорчатого шелка, тонкого сукна и других (материалов), но должны узнаваться по жинчи. Так же и супруги»¹⁷⁵. В постановлении говорится и о более низших чинах, качество одежды которых резко отличалось от одежды тайшей, атаманов и членов их семей.

Простым улусным людям запрещалось носить одежду из каких-либо шелковых тканей и наверхия на головных уборах: «Всеим простым податным людям запретить носить шапки с различными жинчи, одежду шить из плиса и различной русской и китайской хлопчатобумажной ткани. Их жены должны так же поступать, как и их мужья»¹⁷⁶. По нашим материалам, у бедноты были наверхия в виде пластины со стержнем или в виде шурпа (вместо коралла или другого камня у богатых).

В этом же постановлении была введена мера наказания за несоблюдение предписаний: «Отбирать одежду и *дэнзэ* с камнем... и наказывать строго по закону»¹⁷⁷. Социальные различия в costume строго соблюдались и сохранялись до конца XIX — начала XX в. и были уничтожены лишь только после революции.

К началу XX в. процессы социально-экономического развития усиливают имевшееся раньше различие в costume разных слоев бурятского населения. В это время идет процесс развития капиталистических отношений в бурятских улусах, образование новых классов — кулаков, сосредоточивших в своих руках основные средства производства и прибегающих к наемному труду батраков, бедняков, вынужденных продавать свою рабочую силу¹⁷⁸. Эти группы бурятского населения отличались друг от друга бытом и образом жизни. Н. Астырев, посетивший улусы бурят Иркутской губернии в 1889 г., писал о бурятских кулаках, что многие из них «ходят в сюртуках и брюки имеют навыпуск, а в операциях своего хозяйства участвуют лишь в качестве наблюдателей и руководителей, читают «Русскую старину», «Восточное обозрение» и «Земледельческую газету». Дом богатого бурята, у которого он останавливался, был «по размерам своим далеко не последним домом и на хороших улицах самого Иркутска»¹⁷⁹.

Процесс внедрения европейской одежды в различных бурятских районах происходил с разной степенью интенсивности. Более заметно полукочевой образ жизни уступал место оседлому в Прибайкалье¹⁸⁰, и постепенно внешний облик бурятского улуса все меньше отличался от русской деревни, особенно крупных поселений. Построенные по русскому образцу дома обставлялись

обычной крестьянской мебелью. Все большее распространение получало европейское платье. Менее консервативными в этом отношении оказались мужчины, особенно из высших улусных слесей, воспринявшие лишь внешнее проявление русской культуры. Женщины из нойонской среды появлялись в торжественные дни во всем великолепии национального праздничного наряда, а их супруги щеголяли в сюртуках, украшенных медалями, щедры раздававшимися родовым головам и зайсанам. Некоторые виды одежды нойонов конца XIX—XX вв. имеются в центральных фондах Бурятского объединенного музея.

Если костюм имущей части бурятского населения отличался богатством материала, даже некоторой помпезностью в отделке, то у бедняка было убогое одеяние. Конец XIX — начало XX в. отмечены появлением батраков¹⁸¹. Иногда батраки, всю жизнь промаявшись в работниках (пасли скот, заготавливали сено, обрабатывали пашню), носили старую поношенную одежду своих хозяев. Часть обездоленных бурят нанималась в рабочие на частные фабрики, заводы¹⁸². И их одежда уже теряла национальные формы. Новые условия работы и жизни в фабричных поселках изменили костюм бурят. У многих бурят рабочих появляются отдельные элементы одежды, близкие к городским. Некоторая часть бедноты содержала незначительное поголовье скота и имела возможность использовать для изготовления одежды материалы домашней выделки. Большей частью использовалась овечья шерсть, шкура — в меньшей (старались сохранить имевшийся скот). При необходимости для шитья одежды добывали шкуры диких зверей. Неимущие обрабатывали нередко шкуры павших домашних животных, обычно выбрасываемых богачами. Фотографии, где запечатлены бедняки и батраки в одежде из ровдуги, сохранены в Иркутском музее краеведения¹⁸³.

Таким образом, одежда неимущей части бурятского населения представляла случайный набор. Нередко обувь оставалась поршневидной или простых видов башмаковидной обуви. Халат, особенно длиннополый, был заменен зипуном или короткой, типа охотничьей, курткой. Головной убор мог быть совершенно новой формы, отличавшейся от традиционной. Такая одежда появилась в период зарождающихся капиталистических отношений, переплетающихся с патриархально-родовыми пережитками конца XIX — начала XX в., и сочетала в себе порой самые архаичные формы обуви (поршневидного типа) с городскими европейскими костюмами конца XIX — начала XX в. Постепенно костюм перестает иметь социальное значение. Революционные преобразования, ликвидация кулачества как класса явились основной вехой ослабления социальной функции костюма.

8. Роль одежды в обрядовой жизни бурят в конце XIX—начале XX в.

Одежда многофункциональна. Она имеет утилитарную, социальную, обрядовую функции. Даже во второй половине XIX — начале XX в. различные предметы материальной культуры, в том числе костюм, были связаны с обрядовой стороной жизни. И это представляет значительный интерес для исследования этнографии бурят. В данном параграфе рассматриваются лишь отдельные части одежды и украшений, связанные с семейными обрядами (свадьбой, похоронами), а также отмечены особенности культового костюма. Интерес представляет символика этих предметов.

В бурятской этнографической литературе подробно изучена народная свадьба¹⁸⁴, выделены ее локальные особенности¹⁸⁵. Исследователи отмечают, что бурятская свадьба была важным общественным событием, она объединяла два рода, связывала их родственными узами. И поэтому самыми важными считались обряды: поклонение жениха огням и огню рода невесты, украшение жениха (туулага хадалга) в предсвадебных циклах, основной смысл которых — принятие жениха в род невесты и одновременно благословление на брак. Такие обряды, как поклонение невесты духам-покровителям, огню и старейшинам рода жениха, переодевание невесты в доме родителей жениха на самой свадьбе, где невеста принималась под покровительство рода, становилась его членом и признавалась замужней женщиной, повсеместно считались главными. Различные атрибуты свадьбы также описаны в литературе¹⁸⁶. Главным лицом события становилась невеста, поскольку именно свадьба утверждала женщину полноправной хозяйкой — хранительницей очага, давала ей право на рождение и воспитание детей, переводила ее в ранг замужней. Поэтому в костюме невесты и одинаково жениха можно найти знаки, связанные с основным смысловым содержанием обрядов. Действия невесты, отдельные элементы ее костюма вместе с другими ритуальными атрибутами связаны с глубокой семантикой народной свадьбы — важного общественного акта.

Каждая невеста должна была иметь приданое (өнжи), куда входили одежда, головные уборы, обувь, украшения и т. д. Костюм замужней женщины соответствовал локально-территориальным традициям, их придерживалась семья невесты при его изготовлении. Право надевать и носить костюм замужней женщины девушка получала лишь на свадьбе.

В XIX — начале XX в. невеста приезжала на свадьбу в девичьей одежде (ольхонские, унгинские, верхоленские и частично аларские буряты Предбайкалья; агинские, хоринские буряты

Забайкальях), и ее наряд дополнялся ритуальными предметами (ольхонские, унгинские буряты)¹⁷⁸. Невеста на свадьбе могла быть и в свадебном костюме, т. е. в праздничной одежде замужних женщин. У тункинских бурят невеста ехала на свадьбу в мужской одежде, а в свадебный костюм наряжали парня-одногодку. Данный обычай имел больше охранительный смысл. Свадебная одежда невесты у забайкальских бурят была девичьей по покрою¹⁸⁷. Она могла быть сшита из тонкого шелка (хоргуй торгон), парчи (азаа магнал), полупарчи (магнал) или чесучи (шершуу). Зимняя делалась на шубной подкладке, а летняя — на подкладке из хлопчатобумажной ткани. Девичья прическа сохранялась. Волосы были заплетены в семь или восемь косичек на висках, с каждой стороны по две косички, сзади три или четыре. Височные косы на свадьбе украшались длинными снисками кораллов (от двух до шести штук), которые спускались на грудь (набига). На затылочные косы прикрепляли украшение *гээгээбшэ*, которое составлялось из монет с ободочками и кораллов, уложенных в три ряда. На конец украшения пришивались кисти из шелковых ниток и серебряные подвески. Обязательными были головной убор с высокой тульей и украшение *даруулга*, дополненное снисками кораллов (хээ) по три с правой и левой сторон, с кистями и монетами на концах.

Дополняли свадебную одежду серебряные нагрудные *гуу*, наплечные *гуу*, височно-нагрудное *һишхэ*, боковые *бэлэ-һанжуурга*. Все эти женские украшения придавали невесте торжественность. Обувь *эрмэг гугал* была нарядной, и невеста надевала ее как более соответствующую случаю. В таком наряде невеста исполняла обряды поклонения огню, божествам рода жениха, якобы охранявшим благополучие семьи. После исполнения этих обрядов невесте поверх ее одежды надевали длиннополую безрукавку (ута уужа, морин уужа), что символизировало ее переход в разряд замужних женщин, а значит, в другой род, семью мужа (хари хун болоо). У баргузинских бурят невеста также приезжала на свадьбу в девичьей одежде, и уже на свадьбе после поклонения онгонам и огню рода жениха ей надевали длиннополую безрукавку (дэглээ). Причем она приезжала как просватанная (бэри) с девичьей прической: на макушке заплеталась коса *саажа* и четыре косички на висках. На темени укреплялось украшение *юбун*, а коса *саажа*, спускавшаяся с макушки на спину, наряжалась одноименным украшением. Эти косички и *юбун* носили до рождения первого ребенка¹⁸⁸. У некоторых групп бурят, например, балаганских, невеста приезжала на свадьбу в костюме замужней женщины, что было по мнению К. Д. Басаевой, поздним явлением. Важным моментом на свадьбе был обряд *yhэ заһаха*: девичья коса расплеталась и заплеталась

лась в две косы. Он проводился после основных обрядов поклонения онгонам рода, очагу жениха (мужа). Изменение убора волос как бы завершало переход невесты в разряд замужних женщин. С этой поры она могла носить костюм замужней женщины: отрезную по талии одежду с вшивными рукавами, обязательной частью костюма замужней женщины становилась безрукавка, которую впервые надевали на свадьбе.

С изменением костюма новобрачной менялся и комплекс ее украшений, появлялись специальные украшения кос — *туйба* у хоринских бурят, *боолто*, *хонгуул* у закаменских, *туйба*, *шэбэргэл* и *боолто* у селенгинских, *боолто* у аларских, *боолто*, *ниихэмөөр* у кудинских и ольхонских бурят.

На свадьбе обязательным ритуальным предметом считалась шуба замужней женщины из рода жениха. Шубу (дэгэл) вывешивали на жерди (тургэ) во время поклонения невесты предкам рода жениха у родового огня (балаганские буряты)¹⁸⁹. Шуба должна была принадлежать женщине с благополучной судьбой (здоровой, имеющей детей, из семьи с достатком). Иногда вывешивали шубу матери жениха, если та считалась благополучной. Шуба в данном случае выступала как знак благополучия, являлась материальным воплощением тех пожеланий, которые произносились в адрес молодой семьи. Молодой женщине-хозяйке желали такой же благополучной судьбы, какой была судьба носительницы данной шубы. Здесь же у родового огня могли висеть приборы для добывания огня — огниво, трут, кремь, символизируя непотухающий огонь в очаге. У верхоленских и кудинских бурят вместо шубы у родового огня около онгонов, на белом войлоке, могло лежать одеяние, наподобие юбки из шкуры волка или шкура с головы волка. М. Н. Хангалов пишет, что юбка была сшита из лапок шкуры волка и называлась *бэлэбши*. Он же указывает, что «эту юбку в прежнее время носили женщины во время *зэгэтэ-аба*, надевая *бэлэбшэ* сверх шубы, дабы колчан со стрелами, футляр с луком и другое оружие не потеряли шубу»¹⁹⁰. Наличие одежды из шкуры волка у родового огня представляется не случайным и связано не только с охотничьим бытом, как объясняет М. Н. Хангалов, но и с генетическими корнями. В коллекции МАЭ хранится шапка из шкуры, снятой с головы волка. Судя по сопроводительной записи, она была ритуальным свадебным головным убором¹⁹¹. В этнографической литературе отмечено бытование такой шапки у определенного рода. Род шоно (род волка) у бурят считался одним из древнейших, составивших ядро племенного объединения булагат¹⁹². Род чинос известен среди монголов, ойратов. Этот род почитал свой тотем и поклонялся ему. Как пережиток этого поклонения в XIX в. сохранилось обязательное присутствие шкуры волка у родовых онгонов на свадебных ри-

туалах верхоленских бурят и использование шкуры тотемного животного в одежде.

Одежда имела также охранительную роль на свадьбе. Существовал обычай закрывать лицо невесты белым куском ткани (платком) с прорезями для глаз, что было распространено у бурят Иркутской области, в частности, у балаганских. В Забайкалье голову невесты закрывали, накидывая тэрлиг или плащ, когда увозили ее из дома родителей. Снимали накидку только за занавеской, где невеста переодевалась¹⁹³; по поверью накидка из куска ткани или из одежды должна была оберегать от злой силы и несчастий молодую семью.

Весьма своеобразным, старинным дополнением наряда невесты у кудинских, верхоленских бурят было ритуальное височное украшение *нархинцаг*. Оно надевалось ею при исполнении основного обряда свадебного цикла — поклонении родовым огням и огню. По сообщению Б. Э. Петри¹⁹⁴, в старину оно было почти в каждом доме и представляло собою два широких ремня, украшенных продолговатыми четырехугольными пластинами с узором в виде насечки серебром по железу. К нижним концам ремней привешивали металлические пластины — подвески. Носили такое украшение, прикрепив к головному убору, или, сделав ремни, надевали на голову, и оно, свисая с висков, спускалось до края подола одежды. Особый интерес представляет орнамент на отдельных экземплярах этого ритуального украшения — изображение креста, круга. Семантика их могла быть связана с культом огня. Огонь, по представлениям бурят, был добрым божеством и покровителем того или другого рода. Поклоняясь родовому огню, старейшинам и родителям мужа, невеста не только приобщалась к их роду, поступала под покровительство духов-божеств, но и приобщалась к очагу, дух-хозяин огня нового рода брал ее под свою защиту. Крест понимался как символ огня — животворной силы¹⁹⁵ и был связан с понятиями начала жизни (брачующейся пары), с пожеланиями благополучия и плодovitости вновь создаваемой семье. Обрядом поклонения огню новая семья (невеста-хозяйка) получала также право на свой огонь (очаг). Символика изображенного креста становится более красноречивой, если заметить, что крест заключался в круг — солнце, издавна у многих народов почтавшееся как божество животворной силы¹⁹⁶. Для бурят-шаманистов солнце и луна играли роль высших божеств — тэнгриев¹⁹⁷. Культ солнца и луны нашел отражение в эпосе бурят¹⁹⁸, в декоративном народном искусстве¹⁹⁹.

Изображение круга распространено на старинных поясах, колчанах. Его символическое значение связано с пожеланием удачи в бою, на охоте. Возможно, первоначально это был талис-

ман в виде круга; затем круг стал украшением предметов в виде серебряного диска, вышивки на одежде бурят. Следует сказать и о фигуре, напоминающей стрелу или же птицу с распростертыми крыльями, венчающей это украшение. Можно предположить, что это изображение орла — хозяина о. Ольхон, почитаемого бурятами. Однако фольклорный и этнографический материал подтверждает, что это изображение стрелы. Как известно, многие моменты брачного обряда, в том числе текст (закливание огню), носили следы не только материнского рода, но и отцовского²⁰⁰. Лук и стрелы у бурят, как и других народов, были орудием производства и связывались с благополучием рода, где мужчина начинал выступать в роли главы. Поэтому в свадебном обряде лук и стрела символизировали утверждение отцовского права в новой семье²⁰¹.

Стрела на конце украшения *нархинцаг* невесты, возможно, является олицетворением луча солнца, изображенного здесь в виде диска (пластины), круга, заключающего в свою очередь изображение креста. Такой синтез понятий и представлений о начале жизни, живой силе природы и общества, содержащийся в данном украшении, кажется вполне закономерным. *Нархинцаг* — ритуальное украшение бурятской невесты тех далеких времен, когда свадьба являлась важным моментом в родовом обществе. Очевидно, в этом украшении невесты, как и в других обрядовых предметах костюма, отразились черты как материнского, так и отцовского рода²⁰².

Жених на свадьбу наряжался в праздничный костюм. В Забайкалье это была распашная длиннополая одежда с кушаком, островерхий головной убор с навершием *дэнзэ*. Одежда и головной убор из тканей голубых и синих цветов. Одежду подпоясывали цветным кушаком или поясом с серебряными пластинами и кораллами (агинские буряты). Обувь с острым носком. Костюм украшали нож и огниво, отделанные серебряными пластинами с чеканкой. Основным отличительным элементом наряда жениха была коса, которая заплеталась в 8—12 прядей. Косу украшали кистями из черных шелковых нитей, кораллами, серебряной пластиной (Тункинский, Хоринский районы БурАССР и др.). В Предбайкалье жених также надевал праздничный мужской костюм — длиннополую одежду с воротником шалью, с кушаком или поясом с металлическими посеребренными пластинами и вставками перламутра и коралла. Головной убор *халюун малгай*. В ходе предсвадебных обрядов костюм жениха дополнялся ритуальными предметами. При обряде *онго тайха* мать невесты преподносила ему *аршуур* — мешочек с разрезом на левой стороне²⁰³. Мешочек имел своеобразное оформление из крестообразно расположенных полосок ткани и пластин, выре-

занных из белого металла (*туулга* — олово, сплав олова). По сведению информаторов, мешочек, преподнесенный матерью невесты, жених заправлял за кушак, когда он поклонялся онгонам рода невесты, что означало клятву чести мужчины, т. е. обет верности жениха, хорошего семьянина, хозяйственного мужа. Клятва была обращена к родителям невесты, в первую очередь к ее матери²⁰⁴. Как знак этой клятвы, жених бережно хранил *аршуур* всю жизнь, а когда он умирал, *аршуур* вместе с другими ритуальными предметами клали в его могилу. Другой предсвадебный обряд *туулга хадаха* — пришивание оловянных пластинок, кружков на одежду жениха, бытовал до начала XX в. В доме родителей невесты на одежду жениха и его друзей пришивали шелковые кисточки и оловянные бляхи. Кроме этого, к воротнику одежды жениха пришивали планку из сукна или плиса, украшенную пуговицами, монетами или оловянными бляхами. Нижний край планки украшался шелковыми кистями. Планка называлась *гээгээ* или *сааж* (коса). Эти обряды подробно описаны исследователями²⁰⁵. Так, К. Д. Басаева усматривает в них отражение очень древних форм брачных отношений, сущность и смысл которых заключались в принятии или приобщении жениха к роду невесты, т. е. эти обряды являлись пережитком матриархальных отношений²⁰⁶.

Погребальной одежды, специально изготавливаемой, у бурят не было. Траур в одежде почти никак не отражался. Умерших хоронили в лучшей праздничной традиционной одежде со всеми украшениями, если таковые имелись у человека, при отсутствии — в обыденной одежде. Покойника также «снабжали» всем необходимым — трубкой, чашкой, так как, по понятиям бурят, в загробной жизни он нуждался в них. У бурят Иркутской области встречается сохранение этого обычая до современного времени, правда, уже в единичных случаях. В наших полевых исследованиях приходилось встречаться с 80—90-летними женщинами, которые хранили традиционный костюм замужней женщины (он же свадебный и нарядный), в котором должны были похоронить их. Так, в с. Имикшеново Качугского района Иркутской области Бубей Михайловна Шочькинова, 83 лет, показала нам такой костюм. По словам старой женщины, этот костюм был изготовлен как свадебный, украшения для него сделаны ее братом, чеканщиком Зандуем Мильдаевым. Трубку она также получила в подарок от брата. В с. Еланцы Ольхонского района Иркутской области и на о. Ольхон наблюдались случаи, когда люди преклонного возраста (в основном женщины) придерживались старого похоронного обычая²⁰⁷.

Описания погребальных обрядов бурят встречаются в литературе XVIII — начала XIX в.²⁰⁸ Археологические раскопки бу-

рятских захоронений XVIII в. подтверждают бытование такого похоронного обычая. В них находят одежды из шкур, кусочки ткани головного убора, украшений и др.²⁰⁹ Поминальной одеждой бурят также не было, во всяком случае, в изучаемый период. На время прощания с покойным надевали обычную одежду, избегая одежды из ярких тканей и украшений. В течение первых дней траура женщинам из семьи покойного, особенно вдове, не разрешалось причесываться — нельзя было расплетать и расчесывать волосы.

Заслуживает внимания костюм служителей культа бурят. В изучаемый период (конец XIX—начало XX в.) у некоторых бурятских шаманов сохранялся специальный костюм. Шаманы, проводившие улусные и семейные обряды, надевали обыденный костюм. Однако покроем одежды шаманов был иным, отличным от обычной одежды бурят. У шаманов был халат или плащ из замши (ровдуги) с прямым разрезом спереди, полы сходились встык, завязывались или застегивались на пуговицы. Прямые рукава пришивались к прямому стану. Одежда изобиловала подвесками. Спереди прикрепляли пластиночки, вырезанные в виде фигурок волка, медведя, и многочисленные трубчатые подвески, сделанные из железа. На подол, рукава, нижний край нагрудника нашивалась бахрома, нарезанная из кожи. На спинку, на уровне лопаток, прикреплялась толстая железная пластина (архалан). К этой пластине подвешивались разные цепи, жгуты, среди них выделялась одна, самая большая, называемая *толи*²¹⁰. Халат шамана назывался *оргой*. У шамана высшего класса *оргой* был белым, а низшего — синим²¹¹. Шапка также соответствовала рангу шамана. У простых шаманов (хара) она была сшита из какого-либо меха, чаще из меха рыси, и имела кисточки из лент на макушке (залаа). Шаманы, достигшие высшего ранга, имели головной убор в виде короны из железного обруча и с рогами изюбра наверху. По бокам венца подвешивали железные конусообразные подвески (холбого). Сзади прикрепляли длинную железную цепь из нескольких звеньев с подвесками на конце²¹². Обязательными были атрибуты шаманского культа: трость с ручкой в виде головы лошади (морин хорьбо), бубен (хэсэ) и др. Обувь шамана в прошлом — унты поршневого типа²¹³. В изучаемый период шаманы носили обычные бурятские гутулы. В этом наряде шаманов хоронили или сжигали.

В отличие от костюма шамана, в котором сохранились наиболее старинные виды бытового бурятского костюма, одежда ламы — служителя буддийского культа — была привнесена в Забайкалье вместе с ламаизмом и не была связана с народным костюмом бурят. Она соответствовала рангу служителя буддий-

ского культа. Основной цвет одежды был единый — желтый. Хамбо-лама носил шлемообразную цзон-хавинского образца шапку желтого цвета и жинчи из золотого очира. Одежда более низших должностных и рядовых лам почти не отличала их друг от друга. Основное отличие составляли головные уборы, соответственно узаконенные обычным правом: «Настоятелям дацанов и цоржи (иметь шапку) такого же желтого цвета, наверху с узлом (угалза) в виде лотоса. Шанзабе, засаку, даа, нонсо — шапку с узлом, а джидбе, гурумбе — не иметь узла, большим гэбгуям и умзатам — шапку из черного плиса тоже с узлом. Ламам и хуворакам (ученикам) ниже этих рангов иметь шапку из плиса без узла и запретить им носить гладкие и вышитые шапки»²¹⁴.

Одежда была связана с различными обрядами и несла определенную смысловую нагрузку. Она была одним из материальных воплощений семантики обрядов, обычаев, воззрений бурят. Знакомство с культовым костюмом показывает, что он отличался своими особенностями, которые проявлялись в покрое, дополнениях, атрибутике. В шаманской одежде сохранился наиболее старинный покрой, который также отразился на головном уборе и обуви. А ламский костюм выражал иерархическую градацию служителей культа и менее был связан с традиционным народным костюмом.

¹ Стахеев Д. И. За Байкалом и на Амуре. — СПб., 1869. — С. 53.

² Хангалов М. Н. Собр. соч. — Т. 1, 2. — С. 42—44; Улаханов Г. А. Кожевенное..., с. 34; и др.

³ Полевые записи автора 1973 г., Читинская область, Агинский автономный округ, с. Хойто-Ага, Намдакова Чимит, 83 года, род сагаангууд.

⁴ См.: Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. — М., 1972. — С. 258.

⁵ См.: Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — нач. XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. — М., 1969. — С. 154.

⁶ См.: Вайнштейн С. И. Историческая..., с. 259.

⁷ См.: Василевич Г. М. Эвенки. — Л., 1969. — С. 95.

⁸ См.: Лебедева А. А. К истории..., с. 154.

⁹ См.: Василевич Г. М. Эвенки, с. 94.

¹⁰ См.: Эрдниев У. Э. Калмыки. — Элиста, 1970. — С. 100.

¹¹ См.: Хангалов М. Н. Собр. соч. — Т. 2. — Улан-Удэ, 1960. — С. 15.

¹² См.: Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. — М., 1956. — С. 490.

¹³ См.: Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири // Сб. МАЭ. — М.—Л., 1955. — С. 119.

¹⁴ См.: там же, с. 119.

¹⁵ Полевые записи автора 1973 г., с. Наран Качугского района Иркутской области, Мария Татарина, 50 лет, род шоно.

¹⁶ См.: Попов А. А. Плетение..., с. 112.

¹⁷ См.: там же, с. 113.

¹⁸ Полевые записи автора 1973 г., Дыжид Акурова, 72 года, род хори,

с. Урда-Ага Агинского автономного округа Читинской области.
²⁹ Технологию изготовления зилунов см.: Молодых И. А., Кулаков П. Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии.—СПб., 1896.—С. 201.

³⁰ Молодых Ив. Обработка продуктов скотоводства и волокон растительного происхождения // Материалы по исследованию землепользования, хозяйственного быта, сельского населения Иркутской и Енисейской губерний.—Т. 3, вып. 4.—М., 1890.—С. 377—755.

³¹ См.: История Бурятской АССР.—Улан-Удэ, 1954.—С. 427.

³² См.: Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России.—Улан-Удэ, 1958.—С. 216.

³³ См.: История БурАССР..., с. 130.

³⁴ См.: Щукин Н. Быт крестьянина Восточной Сибири // Журнал МВД.—1859.—С. 37—38.

³⁵ См.: История БурАССР..., с. 312.

³⁶ Крашенина — окрашенная льняная ткань.

³⁷ Ситец — хлопчатобумажная ткань с набивным узором (см.: Якунина Л. И. Русские набивные ткани XVI—XVII вв.—М., 1954).

³⁸ Музей антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград) (далее МАЭ), ф. 7052—2. Полевые записи автора 1969—1975 гг. Сообщение Марии Веденеевны Янтрановой, 72 года, род абзай, с. Наран Эхирит-Булагатского района Иркутской области; Абыды Базарова, 69 лет, род шарайд, с. Судунтуй Агинского округа Читинской области; Сырма Цыденовой, 65 лет, род цонгол, с. Мөөреч Кяхтинского района Бурятской АССР.

³⁹ Потаннина А. В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях.—М., 1905.—С. 29.

⁴⁰ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Иллюстрированное..., с. 193.

⁴¹ Удинова Н. И. К изучению одежды русских тункинцев.—Иркутск, 1926.—С. 11.

⁴² Полевые записи автора 1973 г., с. Аляты Аларского района Иркутской области, Варвара Борисовна Гуляшинова, 1924 г., род бадархан.

⁴³ Полевые записи автора 1972 г. Сообщение Бутидмы Даржаевой, 68 лет, род хори, с. Бада Хилокского района Читинской области.

⁴⁴ МАЭ, ф. 2283/50.

⁴⁵ См.: Историко-этнографический атлас Сибири.—М., 1961.—С. 312.

⁴⁶ Там же, с. 318, т. 15, рис. 8, 9.

⁴⁷ Шкуру косули помещали на несколько дней в сосуд с водой, давали подгнить, после чего волос легко снимался (салзаха). Затем такую шкуру обрабатывали кисломолочными специями, мяли, дымили. Получалась очень мягкая и легкая шкура *harbhan*.

⁴⁸ Полевые записи автора 1972 г. Сообщение Бато Аюрова, 72 года, род хубдууд, с. Зуткулей Агинского автономного округа Читинской области и др.

⁴⁹ Полевые записи автора 1969 г. Сообщение Базыра Тарбаева, 65 лет, род батнай (хори), с. Зугмара Петровск-Забайкальского района Читинской области.

⁵⁰ Полевые записи автора 1972 г. Сообщение Очиржапа Галсановича Юндунова, 68 лет, род цонгол; Гендуна Жамбалова, 73 года, род цонгол, Кяхтинский район Бурятской АССР.

⁵¹ См.: Историко-этнографический атлас Сибири..., с. 316, т. 13, рис. 4.

⁵² Полевые записи автора 1973 г. Сообщения Андрея Ивановича Шонькинова, 83 года, род шоно (эхирит), с. Куленга Качугского района Иркутской области; Марии Приказчиковны Хамагановой, 64 года, род муруй, с. Ей Нукутского района Иркутской области.

⁵³ См.: Потапов Л. П. Очерки..., с. 96—97.

⁵⁴ См.: Шиббаева Ю. А. Одежда хакасов.—Сталинабад, 1954.—С. 13—14.

⁵⁵ См.: Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда XIX — начала XX вв.—Алма-Ата, 1964.—С. 70.

- 46 См.: Василевич Г. М. Эвенки, с. 134.
- 47 См.: Басаева К. Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят.— Улан-Удэ, 1974.—С. 12.
- 48 См.: Астырев Н. По улусам монголо-бурят Иркутской области.— М., 1891.—С. 215.
- 49 Иногда они отпускали усы, что вообще не принято у бурят, так же, как и ношение бороды. Немногие волосы, появившиеся на подбородке, выщипывали специальными щипцами *шэмхуур*.
- 50 Полевые записи автора 1973 г., Агинский автономный округ Читинской области, села Судунтуй, Чиндалей. Запись сделана у Цыдендоржи Араक्षाева, 65 лет, род хори и др.
- 51 *Суба* (бур.), *цубау* (монг.) — летний халат из европейского или тибетского сукна без подкладки. См.: Козлов П. К. Монголия и Кам.— СПб., 1905.— Т. 1, ч. 1.—С. 138.
- 52 Полевые записи автора 1969 и 1973 гг. Сообщения Дамдина Цыденжапова, 60 лет, род батнай (хори); Должид Будаевой, 75 лет, род сагаан (хори), села Ага. Урда-Ага Агинского автономного округа Читинской области; БГОИА-Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ф. 2830, 2251 и др.
- 53 См.: Кочешков Н. В. Головные уборы монголов в XIX — начале XX в. // СЭ.— № 3.— С. 137.
- 54 Характеристику *дэнзэ* как знака сословной принадлежности см. в специальном параграфе данной работы.
- 55 Полевые записи автора 1970—1974 гг. Сообщения Анны Исаковны Сумановой, 72 года, род булагат, с. Кансал Эхирит-Булагатского района; Марии Трубачевой, 72 года, с. Шаралдай Боханского района Иркутской области.
- 56 Полевые записи автора 1972 г. Сообщения Гынимы Сангадиевой, 82 года, с. Аграда Курумканского района; Дыжид Дивановой, 76 лет, с. Баянгол Баргузинского района Бурятской АССР.
- 57 Возможно, название шапки *вых-малхай* является производным от названия зверька выхухоля, из меха которого шапка была изготовлена.
- 58 См.: Кочешков Н. В. Головные..., с. 138.
- 59 Полевые записи автора 1970 г. Сообщение Марии Трубачевой, 72 года, с. Шаралдай Боханского района Иркутской области.
- 60 См.: Козин С. А. Сокровенное сказание.— М.— Л., 1941.— Т. 1.— С. 176.
- 61 Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы.— М., 1974.— С. 61; Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков.— М.— Л., 1952.— С. 97.
- 62 См.: Попов А. А. Плетение..., с. 136; пояс был найден Э. Рыгдылоном и описан А. А. Поповым.
- 63 См.: Иванов С. В., Махова Е. И. Народное декоративно-прикладное искусство киргизов.— М., 1968.— С. 100.
- 64 См.: Иванов С. В. Орнамент народов Сибири // Историко-этнографический атлас Сибири.— М., 1961.— С. 321.
- 65 Аламжи-мэргэн.— Улан-Удэ, 1954.— С. 23.
- 66 См.: Бурятские сказки и поверья // Зап. ВСОРОГО.— СПб., 1889.— Т. 1.— С. 32—33.
- 67 См.: Петри Б. Э. Орнамент кудинских бурят // Сб. МАЭ.— Т. 5, вып. 1.— Петроград, 1918.—С. 216.
- 68 См.: Хангалов М. Н. Собр. соч.— Т. 1.— С. 338.
- 69 См.: Басаева К. Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят.— Улан-Удэ, 1974.— С. 21.
- 70 См.: Вайнштейн С. И. История..., с. 61; Иванов С. В., Махова Е. И. Народное..., с. 102.
- 71 См.: Вайнштейн С. И. Указ. соч., с. 61.
- 72 См.: Распопова В. И. Наборный пояс Согда VII—VIII вв. // СА.— 1965.— № 4.— С. 78—91.
- 73 БГОИА-Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ф. 3512.
- 74 См.: там же, ф. 3510.

75 См.: Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ.—Т. 16.—М.—Л., 1955.

76 См.: Окладников А. П. Петроглифы Байкала — памятник древней культуры народов Сибири.—Новосибирск, 1974.—С. 121.

77 Ровдуга — мягкая, выделанная под замшу шкура косули.

78 Женщины сидели, подложив правую ногу под себя, а вторую, поставив на ступню (*ябаган нуудал*—буквально «сидение на ходу»). Женщина готова была в любую минуту предупредительно встать на ноги. Мужчины сидели сложив ноги «по-турецки».

79 См.: Белицер В. Н. Народная одежда мордвы.—М., 1973.—С. 32; ее же. Народная одежда удмуртов.—М., 1951.—С. 191; Воробьев Н. И. Казанские татары.—Казань, 1953.—С. 226; Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная..., с. 27.

80 См.: Астырев Н. Очерки жизни населения Восточной Сибири // На таежных прогалинах.—М., 1891.—С. 192.

81 Полевые записи автора 1970 г., Усть-Ордынский окружной краеведческий музей, ф. 205/2; БГОИА-Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ф. 1066/1, 3233—1.

82 См.: Поталов Л. П. Одежда алтайцев // Сб. МАЭ.—Т. 13.—М.—Л., 1951.—С. 52; История Якутской АССР.—Т. 1.—М.—Л., 1955.—С. 341.—Рис. 110.

83 Здесь за основу взята женская одежда хоринских бурят, в условиях степей дольше всех сохранявших традиционный костюм XIX — начала XX в. без изменений.

84 Ким Н. В. Материалы Ф. Ланганса о культуре и быте бурят // Этн. сб.—Улан-Удэ, 1965.—С. 149.

85 См.: Поталов Л. П. Одежда алтайцев, с. 34; Шибаева Ю. А. Одежда хакасов, с. 37.

86 Агинский окружной краеведческий музей (п. Ага Читинской области), ф. 720/а.

87 Полевые записи автора 1970 г., Иркутская область, г. Гоган Качугского района; БГОИА—Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ф. 1709/2.

88 Валиханов Ч. Собр. соч.—Т. 1.—С. 267.

89 См.: Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.—Л., 1971.—С. 137.

90 См.: Георги И. Описание.—СПб., 1799.—С. 114.

91 См.: Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная..., с. 98; Махова Е. Н. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // ТКАЭЭ.—Т. 3.—Фрунзе, 1959.—С. 58.

92 См.: Историко-этнографический атлас Сибири, с. 316.

93 Полевые записи автора 1972—1973 гг. Сообщения Гынимы Сангадиевой, 82 года, с. Аргада Курумжанского района; Дыжид Дивановой, 76 лет, с. Баянгол Баргузинского района; Гумпа Баганова, 77 лет, с. Торы Тункинского района Бурятской АССР.

94 См.: Требуховский П. Ф. Свадьба балаганских бурят в прошлом и настоящем.—Верхнеудинск, 1929.—С. 20.

95 Полевые записи автора 1973 г., Залба Янганова, 67 лет, с. Торей Тункинского района Бурятской АССР.

96 См.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии.—СПб., 1881.—С. 15.

97 См.: Иванов С. В., Махова Е. И. Художественная обработка металлов // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов.—М., 1968.—С. 111.

98 См.: Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские хроники и родословные.—Улан-Удэ, 1973.—С. 51.

99 См.: Иванов С. В., Махова Е. И. Художественная..., с. 111, рис. 19; Руденко С. И. Башкиры.—М.—Л., 1955.—С. 183.—Рис. 158.

¹⁰⁰ Полевые записи автора 1973 г. Сообщение Е. Ш. Мулоновой, 68 лет, род шоно (эхирит), с. Улан-Анга (о. Ольхон) Иркутской области.

¹⁰¹ См.: Сычев Д. В. Из истории калмыцкого костюма.—Элиста, 1973.— С. 148.

¹⁰² См.: Вяткина К. В. Монголы МНР // Восточно-азиатский этнографический сборник: ТИЭ.— Т. 10.— М.— Л., 1960.— С. 198.

¹⁰³ См.: Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ.— Т. 37.— Л., 1971.— С. 7.

¹⁰⁴ Старинные бурятские погребения на о. Ольхон // Тр. БКНИИ.— Вып. 10.— Улан-Удэ, 1962.— С. 179.

¹⁰⁵ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА.— № 43.— М.— Л., 1956.— С. 163.— Рис. 71 (2).

¹⁰⁶ По словам Г. Тубшинова — чеканщика, представлявшего пятое поколение мастеров, с. Хулазарга Закаменского района Бурятской АССР.

¹⁰⁷ См.: Петри Б. Э. Орнамент кудинских бурят // Сб. МАЭ.— Т. 5, вып. 1.— Петербург, 1918.— С. 221.

¹⁰⁸ Полевые записи автора 1972 г., Баргузинский, Тункинский, Курумканский районы Бурятской АССР.

¹⁰⁹ См.: Иванов С. В., Махова Е. И. Художественная..., с. 111, рис. 19.

¹¹⁰ См.: Руденко С. И. Башкиры, с. 138, рис. 158.

¹¹¹ Материалы экспедиций автора 1973 г. Мегжид Хилапова, 78 лет, с. Туран Тункинского района Бурятской АССР.

¹¹² Художественный музей им. Ц. Сампилова, филиал БГОИА — X музея, ф. 535, 536; см. также: Бурятский художественный металл: Альбом.— Рис. 58, 60, 62, 64.

¹¹³ Полевые записи автора 1972 г.; Агинский окружной краеведческий музей, ф. 134/4.

¹¹⁴ Полевые записи автора 1972 г. Записи сделаны в селах Юроо, Ноехон, Енхор Селенгинского района Бурятской АССР.

¹¹⁵ Полевые записи автора 1970 г., села Кижинга, Зургаан Кижингинского района; села Мухоршибирь, Тугнуй Мухоршибирского района БурАССР.

¹¹⁶ Полевые записи автора 1972—1973 гг., с. Мөөрөч Кяхтинского района, Чимит Бадмажалова, род сонгол; с. Тахой Селенгинского района, Дэнсэлмаа Сыбенова, 74 лет, род хэнгэлдэр.

¹¹⁷ Полевые записи автора 1970 г., села Гоган, Магдан Качугского района Иркутской области, Бубэй Михайловна Шонькинова, 83 года.

¹¹⁸ Полевые записи автора 1972 г., с. Баянгол Баргузинского района. Дыжид Диванова, 76 лет.

¹¹⁹ См.: Народный костюм МНР, альбом, табл. 91.

¹²⁰ См.: Вайнштейн С. И. История... с. 93.

¹²¹ См.: Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА.— 1957.— № 2.— С. 207.

¹²² См.: Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИФЛИ в 1956—1957 гг.— Кызыл, 1958.— С. 218—219.

¹²³ См.: Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края.— Красноярск, 1939.— Табл. 16, рис. 3.

¹²⁴ См.: Потанина А. В. Путешествия..., с. 35.

¹²⁵ См.: Окладников А. П. История Якутской АССР.— Т. 1.— М.— Л., 1955.— С. 32.

¹²⁶ *Гуу* или *урлэй гэр* — ладанка-амулет для хранения молитвы или священной реликвии. Появилась у бурят с XVII в. вместе с ламаизмом.

¹²⁷ См.: Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Барафова мыса.— Новосибирск, 1971.— С. 91; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— Ч. 3 // МИА.— № 43.— С. 134.

¹²⁸ См.: Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. // ТИЭ. Новая серия.— Т. 22.

129 На этот палец невесте перед поклонением родовому очагу (рода мужа) сопровождающая ее благополучная женщина надевала тряпичное кольцо узлом внутрь (к ладони). После этого обряда невеста шла в дом свекра поклониться его очагу. Перед входом в юрту жених снимал у невесты это кольцо.

130 См.: Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // Сб. МАЭ.— Т. 21.— М.— Л., 1963.

131 Полевые записи автора 1972 г., Читинская область, Петровск-Забайкальский район, с. Зугмара. Сообщения Цыпилмы Будаевны Будаевой, 70 лет, род батнай.

132 Буряты поршневидную обувь называли *дээгуур улатай гутал*, буквально «обувь с высоко заходящей подошвой», в отличие от башмаковидной.

133 Полевые записи автора 1973 г.; Иркутский краеведческий музей, бурятская коллекция (номер фонда отсутствует).

134 Полевые записи автора 1973 г.; Усть-Ордынский окружной краеведческий музей, ф. 673/6, п. Усть-Орда Иркутской области.

135 Полевые записи автора 1970 г., с. Кутанка Боханского района Иркутской области, Марфа Андреевна Халмаюва, 70 лет, род хоогой.

136 Полевые записи автора 1973 г. Экспозиция музея средней школы с. Хужир (о. Ольхон) Еланцинского района Иркутской области. Дар музею Одой Елбаковой, 65 лет.

137 Полевые записи автора 1973 г.; Читинский областной музей краеведения, бурятская коллекция, ф. 2202—93.

138 См.: Георги И. Описание..., с. 111.

139 См.: Василевич Г. М. Типы обуви..., с. 57.

140 См.: там же, с. 53.

141 См.: Вяткина К. В. Монголы МНР, с. 171.

142 См.: Абрамзон С. М. Киргизы..., с. 138.

143 См.: Василевич Г. М. Указ. соч., с. 53.

144 См.: Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки их культуры.— М., 1980.— С. 46.

145 Крашенинников в Сибири..., с. 68.

146 Полевые записи автора 1973 г.; Агинский окружной краеведческий музей (без номера).

147 См.: Василевич Г. М. Эвенки, с. 136.

148 См.: Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).— Абакан, 1948.— С. 47, рис. 80.

149 См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— Ч. 1.— М.— Л., 1950.— С. 444—445.

150 См.: Вяткина К. В. Монголы МНР, с. 201, рис. 19/2.

151 См.: Кочешков Н. В. Народное искусство монголов.— М., 1973.— С. 82, рис. 61.

152 Василевич Г. М. Эвенки, с. 137.

153 См.: Василевич Г. М. Типы обуви..., с. 63.

154 См.: Барадийн Р. Б. Бурят-монголы // Бурятияведение.— 1927.— № 3—4.— С. 46; Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов.— Л., 1937.— С. 307.

155 См.: Вяткина К. В. Общие черты материальной и духовной культуры у западных монголов, бурят и южных алтайцев // Тр. VII международного конгресса антропологических и этнографических наук.— Т. 9.— М., 1970.— С. 352.

156 См.: Историко-этнографический атлас Сибири, с. 226, 299.

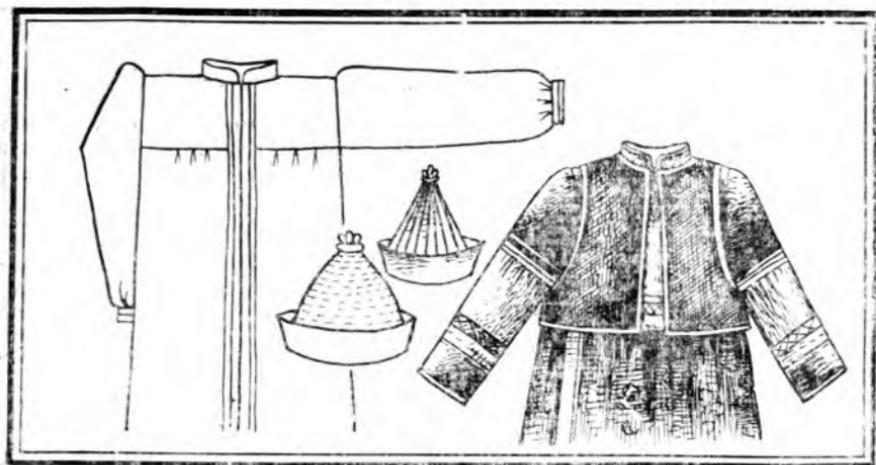
157 См.: Банзаров Д. Собр. соч.— М., 1955.— С. 180—186; История Бурятской АССР, с. 57.

158 См.: Баторов П. П. Материалы к вопросу о происхождении бурятских племен // Бурятияведение.— Верхнеудинск, 1926.— № 2.— С. 3—6; Забанов М. Н. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов.— Верхнеудинск, 1929.— С. 15.

- 159 См.: Окладников А. П. История Якутской АССР, т. 1, с. 295, 325.
- 160 См.: Стрелов Е. Д. Орнамент и украшения якутов в I половине XVII в. // СЭ.—1938.— № 2—3.
- 161 См.: Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России.— Улан-Удэ, 1958.— С. 154.
- 162 См.: Абрамзон С. М. Киргизы..., с. 47.
- 163 См.: История Бурятской АССР, с. 104—105; см. также: Сборник документов по истории Бурятии XVII в.— Вып. 1.— Улан-Удэ, 1960.
- 164 Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род.— Улан-Удэ, 1960.— С. 133.
- 165 См.: там же, с. 134.
- 166 См.: История Бурятской АССР, с. 436.
- 167 См.: Балдунинов Г. И. Из прошлого Боханского аймака // Бур. сб.— Вып. 5.— Иркутск, 1929.— С. 19.
- 168 См.: Манжигеев И. М. Указ. соч., с. 137.
- 169 Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение.— СПб., 1891.— С. 257.
- 170 Историческое описание одежды и вооружения русской армии.— Т. 8.— СПб. 1891.— С. 257.
- 171 См.: Цыбиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят.— Улан-Удэ, 1970.— С. 76.
- 172 «Новое постановление...» было принято селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 г.
- 173 Цыбиков Б. Д. Указ. соч., с. 78.
- 174 Полевые записи автора 1972 г., Доржи Даргаева сын бывшего казака пограничной службы, колхозник, с. Мөөрөч Кяхтинского района БурАССР.
- 175 Цыбиков Б. Д. Указ. соч., с. 78.
- 176 Там же, с. 79.
- 177 Там же, с. 81.
- 178 См.: История Бурятской АССР, с. 475.
- 179 Астырев Н. Бурят-монголы Иркутской губернии // Северный вестник.— 1890.— № 12.— С. 43.
- 180 См.: История Бурятской АССР, с. 299.
- 181 См.: История Бурятской АССР, с. 295; см. также: О забайкальских бурятах // Зап. Читинского ОРГО.—1986.— Вып. 1.— С. 22.
- 182 См.: История Бурятской АССР, с. 412; см. также: РО БИОН БФ СО АН СССР, рук. 202, л. 188—193.
- 183 Иркутский краеведческий музей, ф. 171—138.
- 184 См.: Хангалов М. Н. Свадебные обряды и обычаи у верхнеудинских бурят Верхленского уезда.— Собр. соч.— Т. 1.— Улан-Удэ, 1958; Требуховский П. Ф. Свадьба балаганских бурят в прошлом и настоящем.— Верхнеудинск, 1929; Кроль М. Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят // Изв. ВСОРГО.— Т. 25.— № 1—5.— Иркутск, 1984; Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды.— Улан-Удэ, 1959.
- 185 См.: Басаева К. Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX—XX вв.).— Новосибирск, 1980.
- 186 См.: там же, с. 183—185.
- 187 Полевые записи автора 1972 г., с. Зугмара Петровск-Забайкальского района Читинской области, Дарима Будаева, 80 лет, род батнай.
- 188 Полевые записи автора.
- 189 См.: Требуховский П. Ф. Свадьба балаганских бурят... с. 19.
- 190 Хангалов М. Н. Свадебные обряды и обычаи у верхленских бурят Верхленского уезда.— Собр. соч.— Т. 1.— С. 270; т. 2, с. 99.
- 191 МАЭ, № 2098—69. Поступила от Б. Э. Петри в 1912 г. с сопроводительной записью: «Старинная ритуальная свадебная шапка бурят из шкуры волка приобретена в Иркутской губернии».
- 192 См.: Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские хроники и родословные (историко-лингвистические исследования).— Улан-Удэ, 1973.— С. 51.

- 193 См.: Кроль М. Брачные обряды..., с. 63—69.
- 194 См.: Петри Б. Э. Орнамент кудинских бурят // Сб. МАЭ.— Т. 5, вып. 1.— Петроград, 1918.— С. 220; МАЭ, ф. 2583—5.
- 195 См.: Цыбиков Г. Ц. О культе огня у восточных бурят // Бурятоведческий сборник.— Иркутск, 1928.— С. 37; Банзаров Д. Собр. соч.— М., 1955.— С. 120; Харузина В. К вопросу о почитании огня // Материалы по этнографии малочисленных народов России.— М., 1912.— С. 344; Нейхардт А. А. Происхождение креста (научно-популярный очерк).— М., 1956.— С. 6.
- 196 См.: Нейхардт А. А. Происхождение..., с. 8—9.
- 197 См.: Петри Б. Э. Орнамент..., с. 216.
- 198 См.: Забанов М. Н. Бытовые черты..., с. 52—53.
- 199 С.: Тумахани А. В. Бурятское народное искусство.— Улан-Удэ, 1970.— С. 72.
- 200 См.: Вяткина К. В. Очерки..., с. 55.
- 201 См.: там же, с. 56.
- 202 См.: Бертагаев Т. А. Культ богини-матери и огня у монгольских племен // СЭ.— 1973.— № 6.— С. 123.
- 203 Полевые записи автора 1972 г.; музей средней школы с. Хужир (о. Ольхон) Еланцинского района Иркутской области (без номера).
- 204 Полевые записи автора 1972 г. Сообщения Дури Баркаловны Борбосовой, 70 лет; Шодгой Эрбишиной, 69 лет, с. Холгой (о. Ольхон) Еланцинского района Иркутской области.
- 205 Полевые записи 1972 г.; см.: Хангалов М. Н. Свадебные обряды кудинских бурят.— Собр. соч.— Т. 1, 2.— С. 95—96; Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды..., с. 76.
- 206 См.: Басаева К. Д. Семья и брак у бурят, с. 154.
- 207 Полевые записи автора 1973 г., Хамнай Булутова, 87 лет; Дарья Маланова, 80 лет, с. Улан Анга (о. Ольхон).
- 208 См.: Описание о братских татарах. сочиненное М. Татариновым.— Улан-Удэ, 1958.— С. 20; Джулиани Ю. Буряты..., с. 60.
- 209 См.: Хороших П. П. Два бурятских погребения.— Иркутск, 1928.— С. 5.
- 210 МАЭ, ф. 1963—3; БГОИА—Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ф. 1205; Георги И. Описание..., с. 111—114; С. П. Крашенинников в Сибири, с. 66; Хангалов М. Н. Собр. соч., т. 1, с. 364—368; Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в.— М., 1971.— С. 76—78.
- 211 См.: Хангалов М. Н. Указ. соч., т. 1, с. 365.
- 212 См.: там же, с. 365; БГОИА—Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ф. 1205.
- 213 См.: Георги И. Описание..., с. 112.
- 214 Цыбиков Б. Д. Обычное..., с. 78.

Г Л А В А III ИЗМЕНЕНИЕ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ БУРЯТ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

I. Одежда первых лет Советской власти

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения в хозяйственно-бытовой уклад бурят и оказала существенное влияние на их материальную культуру. Решающую роль в преобразовании бурятского костюма сыграли такие факторы, как коллективизация сельского хозяйства и переход бывших кочевников и полукочевников к оседлости. Индустриализация страны, развитие городской жизни наложили отпечаток на костюм бурят. Экономическое и культурное строительство, проводимое в Предбайкалье и Забайкалье, как и во всей стране, коренным образом изменило материальные условия жизни, быт и культуру бурят, их социальный состав, увеличило интеллигентскую прослойку, укрепило межнациональные связи. Все это способствовало сближению с городской культурой, и бурятский костюм в значительной мере изменил свой облик. Характерным стало сочетание исторически сложившихся традиционных форм одежды (сильно изменившихся) с новыми, главным образом, городскими видами одежды. Однако все же традиционный костюм в первые годы после Октября был значительно распространен среди сельского населения, в особенности ему отдавали предпочтение женщины пожилого возраста. Национальные особенности отчетливо прослеживались не только в

одежде старшего поколения, но и в производственной одежде колхозников, что было обусловлено характером ежедневной их работы и климатическими условиями края. Послереволюционное время было не просто переходом от традиционной одежды к европейской, а было периодом длительной творческой переработки традиционных форм костюма. В народном костюме изменились детали его покроя, стал использоваться другой материал. Резкий отказ от традиционного костюма кочевника-скотовода был невозможен в нелегких условиях хозяйственно-экономической разрухи после гражданской войны.

Основным занятием бурятского населения оставалось сельское хозяйство, значительную часть которого составляло животноводство. Здесь сохранялись еще сезонные перекочевки (правда, уже бригадные), отгонное пастбище, гуртовое содержание скота, т. е. еще существовали условия для сохранения традиционной одежды скотовода. В ходе дальнейшего колхозного строительства и перехода бурят на оседлость наблюдаются более резкие изменения в одежде, хотя начатая творческая ее переработка в известной мере продолжалась. Навыки культурной жизни в новом жилище — избе, которую каждая колхозная семья имела на приусадебных участках, иная внутренняя планировка требовали новых форм одежды. Если старшее поколение в своей повседневной жизни пыталось сохранить еще старую традиционную обстановку и одежду, то молодое поколение стремилось к новому. Традиционная одежда, приспособленная к кочевому образу жизни и верховой езде, оказалась неудобной в новых условиях. Обреченная на постепенное исчезновение, она сохранялась лишь у бурят агинских степей, где долгое время в качестве летних жилищ использовались войлочные юрты. Они стояли в черте ограды наряду с другими деревянными постройками¹. В них можно было найти старинную обстановку, летом здесь обитало старшее поколение бурятской семьи.

Традиционная одежда претерпевала изменения, в основном по линии упрощения покроя. Так, верхнюю одежду замужние женщины стали делать без буф, рукава шили из одного куска ткани (в старину их делали составными, применяя дорогостоящие шелковые, парчовые ткани). Исчезли обшлага, которые прикрывали кисти рук и требовали известного портняжного мастерства и дорогостоящих материалов (плиса, бархата, меха). Длина верхней одежды как женской, так и мужской изменилась: она стала короче, рукава достигали только кистей рук.

Изменения коснулись и обуви бурят. *Эрмэг гутал* — обувь с загнутым носком уже не изготовлялась; употреблялась обувь более простого покроя, из кожи или ткани, легкая и удобная в носке. Позже (50—60-е гг.) и она стала вытесняться разного

рода покупной обувью фабричного изготовления (в некоторых случаях сосуществуя с ней). Но в первые годы Советской власти расходы на приобретение одежды и обуви занимали сравнительно небольшой процент в бюджете колхозной семьи. Как и в старое время, женщины все еще занимались выделкой кожи и шкур для изготовления обуви, шитья шуб, головных уборов, рукавиц. В 20-е гг. ровдужные рубашки и штаны все еще сохранялись у бедных бурят-улусников, составлявших большинство бурятского населения.

Для верхней одежды также использовали овчину и шкуры косули и других зверей. Это было вызвано нехваткой промышленных товаров в стране. В бурятской деревне их было мало из-за отдаленности ее от основных промышленных центров. Для покупки тканей нередко приходилось продавать скот на крупных ярмарках-базарах или сдавать его государству за деньги². Недостаток тканей родил новую технологию — изготовление одежды из кусочков тканей, иногда даже разных цветов. В местных музеях сохранились отдельные экземпляры женской верхней одежды как своеобразные памятники определенного периода истории костюма. Один такой *дэгэл* находится в фондах Бурятского объединенного музея³. Он сохраняет традиционный крой, но спинка сделана из хлопчатобумажной ткани синего цвета, а перед лифа и подола шит из недорогого узорчатого шелка. Из этого же шелка сделан и воротник. Поверх *дэгэла* продолжали надевать безрукавку. Если безрукавка у женщины была длиннополая, то, кроме лифа, часть подола верхней одежды изготовлялась из дешевого материала. Шелковую или иную красивую ткань женщины старались употребить на видимую часть халата.

Дефицит материала сказывался и на конструкции одежды. Наличие в одежде отдельных кусков тканей заставляло отказываться от туникообразной основы покроя и использовать плечевой шов. Например, халат, хранящийся в фондах МАЭ⁴, шит из кусков черного сатина. На перед лифа использован широкий кусок ткани, а на спинку — узкий. Боковые края переда отогнуты назад и дополняют ширину спинки. По линии сгиба сделана прорезь, куда вставлены рукава. Пройма здесь не имеет специального кроя. Ворот стойка. Отделка халата традиционная: полоска шелковой ткани пришита по краям разреза, по низу подола и на манжетах.

Все вышеописанное относится к костюму замужних женщин. Девичью верхнюю одежду в изучаемый период делали из однородного материала — дешевых тканей или перешивали из старых экземпляров одежды, но более упрощенного покроя.

К 20-м гг. относятся также некоторые изменения, о которых

рассказывают женщины старшего поколения. Это появление отложного воротника, который считался одним из существенных явлений в костюме⁵. Отложной воротник вместо воротника стойки стали применять и в мужской, и в женской одежде. Безрукавку как отдельный вид одежды уже не изготавливали. Иногда ее имитировали нашивкой на лиф халата или шубы декоративных полос, повторяющих покроем безрукавки (уужа, сээжэбшэ).

Большие изменения произошли и в украшениях женщин. Судя по нашим полевым записям, многие из них уже не носили в 1907—1910 гг. Как сообщила нам 72-летняя Насагмаа Танганова⁶, налобное украшение *юбун* уже не использовалось. В это время еще встречались поясные подвески *ханжуурга*. Когда Н. Тангановой было 9 лет, ей заказали украшение *саажа*. Нижний край украшения с кистями (сасаг) доходил до поясницы, а верхний конец (узенький) закрепляли на макушке головы, у основания косы. Позже это украшение разобрали, чтобы изготовить из него украшение к наряду замужней женщины.

В первые годы Советской власти осуждался сам обычай ношения украшений. Так, на 1-й беспартийной женской конференции Жаргалантуйского хошуна Селенгинского района Бурятской АССР, состоявшейся 5 июня 1924 г., в ответ на сообщение докладчика о калыме, туйбах и живучести старых традиций, все еще бытовавших среди населения, одна из делегатов предложила всем присутствующим женщинам снять свои туйбы. Активистки хошуна пожертвовали свои украшения в пользу детских яслей в Оронгое⁷.

В годы первых пятилеток в процессе активного промышленного строительства появляются национальные кадры рабочих. Десятки бурят рабочих, мужчин и женщин, ранее не выдавших заводов и городов, навсегда связывают свою жизнь с промышленными предприятиями республики. В связи с этим полностью меняются быт и облик рабочего-бурята. Появляются первые стахановцы паровозовагонного завода: Дулма Базарова — бывшая батрачка, формовщица Ханда Цыренова, пришедшая на завод из далекой Еравны, Дарья Сандалова и многие другие⁸. Рабочие, работающие в заводских цехах, обживающие просторные дома, свою традиционную одежду вынуждены были заменить более удобной, приспособленной к работе за станком или по обслуживанию оборудования. В будничном костюме включилась обувь, пиджак с юбкой и кофтой, пальто фабричного производства. Носили узкие и длинные трикотажные шелковые шарфы в полоску. Находят массовое распространение некоторые формы русской одежды: рубаха-косоворотка, полушубок со сборами «борчатка» или с клиньями. Интенсивный процесс широкого распространения одежды городского типа наблюдался и в сельской местности.

2. Одежда военных лет и послевоенного периода

В трудные годы Отечественной войны 1941—1945 гг. многие обходились одеждой домашнего изготовления. Добывали исходный материал: кожу, шерсть, шкуры домашних и диких животных. Обрабатывали их, используя старые орудия труда. Шили шубы, обувь из дымленных шкур, использовали и сыромятную кожу. Перешивали старую одежду. Наблюдался частичный возврат к традиционной одежде, но шили ее упрощенной формы. Такие халаты и дэгэлы женщины носили поверх платья, удлиненной рубахи, кофты и юбки. Летние нарядные платья — рубахи и кофты — могли быть шелковыми. В мужском костюме появилась одежда типа военной форменной шубы. Буряты шили ее из дымленных овчин, отрезной по талии, с плотно прилегающим лифом и подолом из клиньев.

В некоторых местах стали использовать вместо спичек огниво, трут и кремь для добычи огня. Носили их за пазухой или на поясе, как в старину.

И все же у бурят, как и у всех советских народов, появилось много новых традиций, рожденных социалистическим бытом. Ратуя за новые обряды, народ не забывал и те добрые, полезные традиции, которые были выработаны на протяжении веков народной мудростью, опытом нескольких поколений, практикой. Наряду с покупными пальто с цингейковыми воротниками, буряты сохраняли упрощенной формы традиционный халат (50-е гг.). Женщины надевали его при выполнении домашней работы: при уходе за скотом, уборке двора и т. д. Позже, в 70—80-е гг., халат (тэрлиг) стал нарядной одеждой. Носили шали, вязанные из овечьей шерсти, или покупные шерстяные в клетку (типа пледа), или однотонные с кистями, а также тонкие шерстяные платки больших размеров. Старинные головные уборы женщины почти не носили в это время. Их носили пастухи, скотники, работающие на колхозных скотных дворах. Головной убор с высокой тульей и наушниками, отороченными мехом, все еще сохранялся как самый удобный и теплый при сибирских морозах с ветрами.

Сохранялись традиционные унты бурят. Легкие унты шили из сукна, хлопчатобумажных тканей на вате, нарядные — из вельвета, замши. Летнюю обувь молодежь могла заменять сапогами, ботами, ботинками, тапочками-парусинами. Зимняя традиционная обувь из овчины или шкуры косули была незаменима. Носили ее все, предпочитая даже валенкам фабричного изготовления. Особенно необходимы они были тем, чья работа была связана с длительным пребыванием на морозе. Поверх унтов еще надевали в таких случаях свободную обувь с коротким го-

ленищем (пимы). Пимы делали из собачьего или козьего меха. В качестве производственной одежды носили стеганные ватные штаны⁹.

Носили также шубы из овчины, которые подпоясывали. Поверх шуб надевали просторную, длинную доху из выделанных овечьих шкур, покрытую сверху материей, или из козких шкур мехом наружу. Дохи делали неотрезными, расширенными книзу, с широкими у основания рукавами. Воротник дохи получался широким, на него шел даже собачий мех. При сильных морозах воротник поднимали, укутывая им всю голову.

Рукавицы также старались делать теплыми: из собачьего меха, овчины (мехом внутрь или же мехом наружу). Их крыли тканью. Иногда внутрь рукавиц надевали варежки (баарья), вязанные из овечьей, козьей или верблюжьей шерсти. Для варежек готовили особую нить — ленту, слегка закрученную и толстую, вязали варежки крючком. Для теплого времени (осень, весна) делали рукавицы из ткани, внутрь которых вкладывали съемные варежки. Рукавицы готовили и более нарядные, особенно для тех случаев, когда ехали в гости в соседнее село, районный центр, рабочий поселок. Нарядные рукавицы так же, как и раньше, продолжали делать из бархата, вельвета, шелка. Для теплого времени они были с подкладкой из хлопчатобумажной ткани, иногда простеганные на вате. Зимние нарядные рукавицы делали из беличьего, заячьего меха, мерлушки. Края оторачивали иногда парчой, шелком, позументом. В Иркутской области продолжали вышивать рукавицы, но уже другими нитками — мулине, которые в 50—60-е гг. были модными, применяя новую технику вышивки: крестом, с помощью канвы. Такие рукавицы зарисованы в экспедиции 1973 г. на о. Ольхон в с. Ялга¹⁰.

В 60-е гг., чтобы научить людей красиво одеваться, готовить вкусную пищу, в клубах устраивались тематические вечера. Проводилась большая воспитательная работа среди колхозниц, в ходе которой организация досуга женщин умело сочеталась с пропагандой и внедрением новых моделей одежды взамен устаревшей, зачастую уже неудобной. В условиях нового быта рождалась новая одежда, связанная с национальной традицией. В с. Санага женским советом зимой 1961/62 г. были проведены два вечера, посвященные смотру женских нарядов. Колхозницы-бурятки проявили большую фантазию и изобретательность в шитье одежды. Уже на втором балу наряды оказались более разнообразными, чем на первом. В 60—70-е гг. бурятские женщины стали изготавливать современные модные платья. Среди них были и свадебные платья¹¹.

Интересная работа проводилась женским советом в 60-е гг. в с. Дунда-Ага Агинского района Читинской области. Основное

внимание он уделял борьбе за охрану здоровья женщин и детей, организовывал выставки одежды. Члены совета для проведения выставок одежды проходили специальную подготовку в областном центре, где консультировались у ведущих модельеров, конструкторов одежды¹². Так проходило внедрение новых форм одежды, утверждение современных традиций в сложном процессе формирования коммунистического быта.

3. Характерные черты современной одежды

В настоящее время у бурят преобладает одежда городского типа. Современная одежда общесоветского типа прочно заняла свое место в костюме не только мужчин, но и женщин. Буряты покупают в магазинах готовую одежду, обувь, головные уборы. Многие из них шьют одежду для членов своей семьи: детскую, мужскую и женскую, которую носят в повседневной жизни. Одежда современных колхозников, рабочих совхоза, служащих, представителей бурятской интеллигенции почти одинакова. Отличаются, главным образом, производственные части костюма.

Мужчины носят летом в качестве будничной одежды хлопчатобумажные или из легких полушерстяных тканей костюмы фабричного или домашнего пошива. Выходные костюмы, как правило, покупные. Они бывают из дорогих шерстяных тканей. Под пиджак надевают рубашку. Молодежь в праздники отдает предпочтение сорочке с галстуком. Широко распространены спортивные костюмы из хлопчатобумажных и шерстяных тканей, вельвета. Зимние и демисезонные пальто, плащи из тканей со специальной водоотталкивающей пропиткой или из смесовых тканей составляют верхнюю одежду мужчины современного бурятского села. Летом они обычно ходят без головного убора. На работу, связанную с длительным пребыванием на солнце, надевают кепку, шляпу (строители, пастухи и др.). На сенокосных работах голову повязывают платком, который служит одновременно защитой от солнечных лучей, комаров и мошкеры. В качестве выходного убора мужчины средних лет предпочитают носить фетровые шляпы. Зимним головным убором служат шапки-ушанки, нередко изготовленные местными мастерицами из меха ондатры, тарбагана или мерлушки. Особенно ценятся молодежью мохнатые шапки из рысьего меха, рыжей лисы. Обычная рабочая обувь: кирзовые и резиновые сапоги. Зимой — валенки, меховые унты. В быту зимой пожилые буряты надевают легкую обувь — тапочки (покупные или самодельные), ботинки (кожаные, суконные). Молодежь носит ботинки, зимой — ботинки на меху. Рукавицы и перчатки мужчины покупают в магазинах (лавках, сельпо, сельмагах). Самодельные рукавицы

(зимой и летом) носят на работу, наряду с брезентовыми, выдаваемыми рабочим в качестве спецодежды. Старинная традиционная мужская одежда сохранилась в единичных экземплярах у людей преклонного возраста. Так, в с. Будулан Ононского района Читинской области у 89-летнего Ардани Юнданова сохранился мужской халат старшего поколения¹³. Но чаще в костюме пожилых встречаются халаты, изготовленные в наше время. Для теплого времени года их шьют из хлопчатобумажных тканей, часто стеганными на вате, для зимы — на меху. Верхнюю одежду, следуя традиции, носят подпоясанной, иногда старинным тканым поясом или самодельным, представляющим узкий кусок цветной ткани (20—30 см), длиной 2—2,5 м. В некоторых случаях в качестве пояса используются шарфы.

Традиционный длиннополый халат с глубоким запахом в качестве производственной одежды бытует редко. Животноводы, особенно пастухи, чабаны степных районов, лучшей одеждой для себя считают бурятский традиционный халат. Весьма интересно, что пастухи из переселенцев (русские, татары) с наступлением холодов надевают приобретенные или заимствованные у бурят шубы *дэгэлы*, единодушно считая их самой теплой, удобной, не стесняющей движения одеждой. Также популярна, но в меньшей мере, бурятская шапка с наушниками¹⁴. Подобную привязанность к *дэгэлу* и шапке с наушниками можно наблюдать и в высокогорных районах.

Значительно больше используется бурятами, особенно в зимнее время, обувь из меха косули и овчины. Поверх нее натягивают, как и раньше, при работе на морозе пимы. Надевают также доху. Сохранились у некоторых пастухов и суконные дождевики *суба*. Весной и осенью рабочие совхозов обходятся телогрейками, в непогоду — прорезиненными куртками.

Дети сегодняшнего бурятского села носят современной формы одежду. Готовую одежду для детей покупают в магазинах. В некоторых многодетных семьях фабричная одежда иногда используется в качестве выходной, а собственного пошива — для игр и хозяйственных работ. Учащимся приобретают школьные формы единого всесоюзного стандарта. Летом одежда детей дошкольного и младшего школьного возраста часто ограничивается только трусами и майкой или легкой рубашкой. Некоторые дети ходят в тренировочных костюмах или шортах. Девочки летом носят платья, сарафанчики. Девочки и мальчики одинаково летом обходятся без головного убора. Однако в последние годы активно внедряются панамки, детские кепи.

Прическа у детей самая разнообразная. Дети дошкольного возраста обычно коротко подстрижены. Девочки постарше заплетают косички, мальчики делают стрижки. Традиционную одежду дети школьного возраста не носят. Утепленные халаты

и безрукавки шьют детям младших возрастов: от 1 года до 5—6 лет. Зимой в домашних условиях они ходят в унтиках.

Современная одежда бурятских женщин отличается большим разнообразием в покрое и материале. В одежде проявляются возрастные различия. В магазинах сельчане покупают готовое платье, белье, обувь. Покупают также ткани для шитья одежды: шерстяные, хлопчатобумажные, шелковые и др. Кроме продукции отечественных фабрик, в сельских магазинах много в продаже импортных товаров — изделия легкой промышленности из ГДР, ЧССР и других стран.

Будничная одежда девушки или молодой женщины-колхозницы состоит из нескольких платьев из хлопчатобумажных, штапельных тканей, а более нарядная — из шерстяных и крепдешиновых платьев. Летом женщины носят платья с короткими рукавами или без рукавов с глубоким вырезом у шеи. Нарядные летние платья отделывают оборками, бантами. Платья носят цельнокроенные (прямые или расклешенные) и отрезные. Распространены и юбки с блузкой. Юбки делают прямыми, расклешенными или из клиньев. Иногда шьют юбку с бантовыми складками. Блузка чаще заправляется в юбку. В прохладную погоду женщины надевают трикотажную кофту или легкий плащ. Почти каждая молодая женщина имеет костюм из шерстяной ткани или же трикотажный, состоящий из юбки и жакета. Пожилые женщины носят платье с длинными рукавами, с закрытым воротом. Длина платья, как правило, ниже колен (до середины икр). В одежде всех возрастов наличествуют трикотажные, шерстяные джемпера (жеемпер), безрукавки. Летом молодые обходятся без головного убора. Волосы заплетаются в косы или модно подстригаются. Летними головными уборами женщин служат легкие платки, косынки из штапеля, ситца. Нарядные платки у буряток бывают из крепдешина, шелка. Зимой носят шерстяную или пуховую шаль, шапки. Шапки шьют из меха норки, ондатры, лисы. Пожилые женщины больше носят беличьи шапки или из меха выдры. У престарелых можно увидеть колпак, вязанный из овечьей шерсти или же сшитый из мерлушки. Он напоминает тулью традиционной островерхой шапки¹⁵.

Белье широко и прочно вошло в костюм бурятки. Оно в основном покупное и состоит из хлопчатобумажного трикотажа. Девушки и молодые женщины в нарядном комплекте имеют еще шелковое или очень тонкое хлопчатобумажное трикотажное белье отечественного или импортного производства.

Верхняя женская одежда различается по назначению. Для работы наиболее употребительны короткая телогрейка (ватник), а также полушубки из овчины, крытые хлопчатобумажной тканью (обычно черного цвета, репсового переплетения). Иногда

вместо них на работу надевают старое укороченное пальто. Сейчас более распространены брюки из различных тканей, спортивное трико. Выходной верхней одеждой девушек, молодых и среднего возраста женщин для весны и осени служат плащи, куртки, жакеты, а также демисезонные пальто, полушубки. Зимней выходной одеждой продолжает оставаться пальто с меховым воротником.

В селах республики обращаются еще к традиционной одежде. Часто шьют верхнюю одежду *тэрлиг*. Надевают ее летом, весной и осенью женщины всех возрастов. *Тэрлиг* сохраняет основу традиционного покроя: верх стана и основу рукавов выкраивают из одного полотнища широкой ткани, перегнутого пополам (без плечевого шва). *Тэрлиг* престарелых женщин шьют цельнокроенным, по типу халата мужчин. А *тэрлиг* молодых женщин бывает отрезным по талии. По линии шва иногда пришивают тканую узкую полоску *тууза*. Ее изготавливают буряты Агинского автономного округа, а также Ононского и Борзинского районов Читинской области, где распространен обычай надевать на свадьбу *тэрлиг*¹⁶. Бурятки ткут *тууза* на станке *хэб*¹⁷. Сам процесс изготовления декоративной полоски бурятки называют *тууза сохихо*. Станки *хэб* есть у многих хозяек, некоторые из них изготовлены в недавнее время, когда вновь стало модным обшивать тесьмой одежду. *Тэрлиг* обычно делают из однотонной ткани — шерстянки, шелка. Особенным шиком считается иметь халат из шелковой ткани с традиционным узором, где характерны круги, растительный мотив. Узор выделяется блестящим атласным переплетением на матовом фоне, или используется обратный эффект — матовый узор на атласном фоне. Иногда такие ткани привозят из Монгольской Народной Республики. В последнее время (с 1970—1974 гг.) их стали изготавливать наши отечественные фабрики, и они поступают в магазины бурятских сел Забайкалья. Молодые женщины носят *тэрлиг* с современной обувью (туфлями, босоножками) и шелковой косынкой, а пожилые — с унтами или мягкими сапожками. *Тэрлиг* надевают поверх платьев, кофт современных моделей.

И хотя обращение женщин к традиционному халату в качестве свадебной одежды можно было наблюдать во всех районах Бурятской АССР и Читинской области, более зримо это проявляется у бурят степных районов Читинской области. Возможно, это объясняется большей удаленностью этих регионов от промышленных центров, линии Транссибирской магистрали, а также и характером общественного хозяйства и индивидуальных занятий бурят, где значительно преобладают отрасли животноводства.

В будни на работу женщины надевают кирзовые или резино-

вые сапоги, туфли на низком каблуке, зимой — валенки. В нарядном костюме бурят пожилого возраста (40—50 лет) можно отметить кожаные сапоги, сшитые из хрома. Девушки отдают предпочтение модельным туфлям, босоножкам, сапогам и полусапожкам. В будни они носят хлопчатобумажные чулки, колготки, гольфы, чулки из капрона или эластика. Зимой — покупные сапоги современных моделей или унты из камусов с бурятской аппликацией из меха. Традиционную обувь (гутал) можно встретить лишь у старых женщин, которые предпочитают ее всем другим видам обуви. Обувь *гутал* шьют из тканей, простеганных с тонким слоем ваты. Основу делают из войлока или козьей шерсти, а иногда из куска овчины. *Гутал* надевают с вязаными носками. В такой обуви пожилым людям очень удобно. Она встречается в качестве рабочей летней и зимней обуви колхозниц. Обувь с загнутой подошвой и острым носком (*эрмэг гутал*) изготавливается лишь по заказу. В такой обуви, украшенной аппликацией, можно встретить модниц зимой на улицах столицы Бурятии. Мастерниц, умеющих изготовить подобную обувь, осталось очень мало. В с. Урда-Ага в Читинской области (Агинский автономный округ) 62-летняя Гэнсэлма Намжилова шьет обувь *эрмэг гутал*. Мастерница в совершенстве владеет навыками и умением ее изготовления, хранит выкройки и трафареты старинных узоров. По ее словам, она сшила такой вид обуви (70-е гг.) для народного артиста СССР, оперного певца Лхасарана Лодоновича Линховойна и других известных артистов республики.

Из украшений молодые женщины и девушки носят кольца, серьги, браслеты из серебра и золота, купленные в магазинах. Но с 1965—1974 гг. среди молодежи распространилась мода носить ювелирные изделия, изготовленные бурятскими чеканщиками в национальном стиле (имеется в виду тип украшения, его орнамент, а также технология изготовления). В бурятских селах многих районов республики и Читинской области сохранена традиция художественной обработки металла. Материалом для украшений служат старинные монеты, сохранившиеся у жителей сел, разрозненные детали старинных изделий. Применяется различная техника: литье и чеканка, чеканка и филигрань. В качестве вставок используются коралл, лазурит и нефрит. Более всего распространены серьги в виде небольшой круглой пластиночки треугольной формы с длинными (5—6 см) изящными цепочками (обычно 7—8, иногда и 12 штук), как бы ниспадающими на плечи. Часто можно встретить на современном платье девушки или молодой женщины старинное нагрудное украшение или перстень на пальце, браслет на руке в бурятском традиционном стиле. Такие же украшения носят и городские жительницы.

Особенно популярны стали всевозможные украшения с организацией художественных промыслов в системе Министерства местной промышленности Бурятской АССР. Постановление партии и правительства о дальнейшем развитии художественных промыслов имело существенное значение по совершенствованию художественной обработки металла в Бурятии¹⁸. Внимания заслуживает и работа экспериментального цеха швейного объединения «Байкал» по изготовлению современного женского костюма с использованием конструктивных особенностей и декора традиционной бурятской женской одежды. Для создания новых моделей специалисты изучают коллекции народного костюма в фондах Бурятского объединенного музея. Многочисленные зарисовки, изучение особенностей покроя костюма, принципов декоративного решения предшествуют созданию моделей современной одежды. Стремление к ансамблевости характерно для работ периода 70-х гг. Создавалась не только одежда, но и головные уборы, обувь. Тщательно продумывались декоративные детали частей одежды, ее аксессуары. Решение ансамбля приводило к созданию целостного костюма, достигалась образность всей одежды, что, к сожалению, слабо ощущается в работах 80-х гг. В последние годы наблюдается тенденция применения в нарядной одежде лишь внешних, декоративных эффектов. Блузы, платья и пальто оформляются узорами народного орнамента путем вышивки и аппликации. Интерес к фольклорной моде несколько ослаб с приходом романтического направления в молодежной одежде.

В женской одежде преобладают черты, общие для культуры городов нашей страны. Заметны и региональные особенности, продиктованные природно-климатическими условиями и вкусами населения. В Бурятии предпочтительны удлиненные пальто с воротником и шапкой из песца, различного силуэта шубы из натурального или искусственного меха, дубленки или утепленные кожаные пальто. Шапки носят из норки, соболя и других мехов. Они обычно бывают круглой формы, глубокие, с выступами, закрывающими уши. Носят также имитацию шапок-ушанок из норки, соболя, ондатры. В морозные дни под шапку подвязывают платок.

В мужской одежде черты региональности носят пальто и шапки из нерпичьих шкур, шубы из шкур домашней козы, меховые унты из собачьих шкур или овчины с кожаной головкой, ботинки из камусов или телячьих шкур производства местных предприятий службы быта.

По мотивам традиционной народной одежды создаются костюмы для сценических выступлений. Известен многолетний творческий труд художников театра оперы и балета А. И. Тимина

и М. Е. Шестаковой. Художественное содержание, эстетика народного костюма легли в основу творческого решения внешнего облика таких образов, как Энхэ-булат-батор в одноименной опере, Енисея, Байкала, красавицы Ангары в балете «Красавица Ангара» и др. История народа, его устное поэтическое творчество, орнаментально-декоративное искусство изучаются художниками и перерабатываются в новые образные типы.

Сложный процесс изменения бурятской одежды за советский период можно разделить на три основных этапа.

1. Первые годы Советской власти, когда еще значительная часть традиционного костюма продолжала бытовать, но в него вносились существенные изменения.

2. Период промышленного строительства и коллективизации в республике, когда появляются национальные кадры в промышленности, строительстве и на транспорте. Усиливалось влияние города на бурятские улусы, и традиционная одежда стала исчезать и заменяться одеждой общегородского (общесоветского) типа. Она уже не отражала прежних социальных и сословных отличий. В ней уже не подчеркивались признаки родовой принадлежности. Но между тем традиционный костюм исчез не сразу.

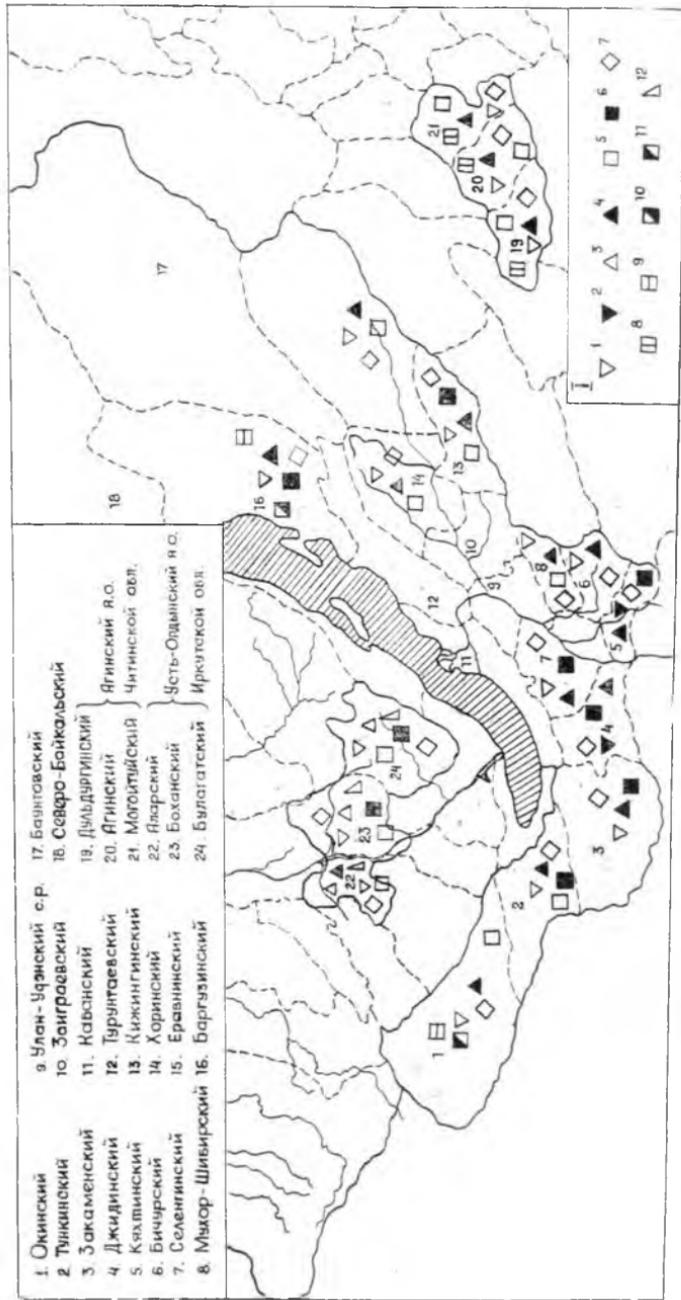
3. В период военной разрухи наблюдался некоторый возврат к традиционной одежде. Но она подверглась переработке: упростился покрой, изменился характер материала и т. д. Послевоенный период, особенно 60-е гг., характерен все большим утверждением в одежде общесоветских форм.

Успехи социалистического преобразования, культурного строительства, процесс урбанизации, расширение межэтнических связей бурят оказали большое влияние на распространение общесоветских форм костюма на современном этапе. Они стали господствующими в повседневной одежде населения в городах, рабочих поселках и в сельской местности Бурятии¹⁹. Нарядная одежда отличается своей индивидуальностью. В ней используются лучшие традиции нарядной одежды и украшений. Одежда жителей городов и деревень все же имеет и некоторые различия. Старинная одежда сохранена в производственном костюме жителей степей, в повседневном платье престарелых и детей. Развитие сценического костюма на основе традиционного способствует приобретению широких масс к культурному наследию бурятского народа.

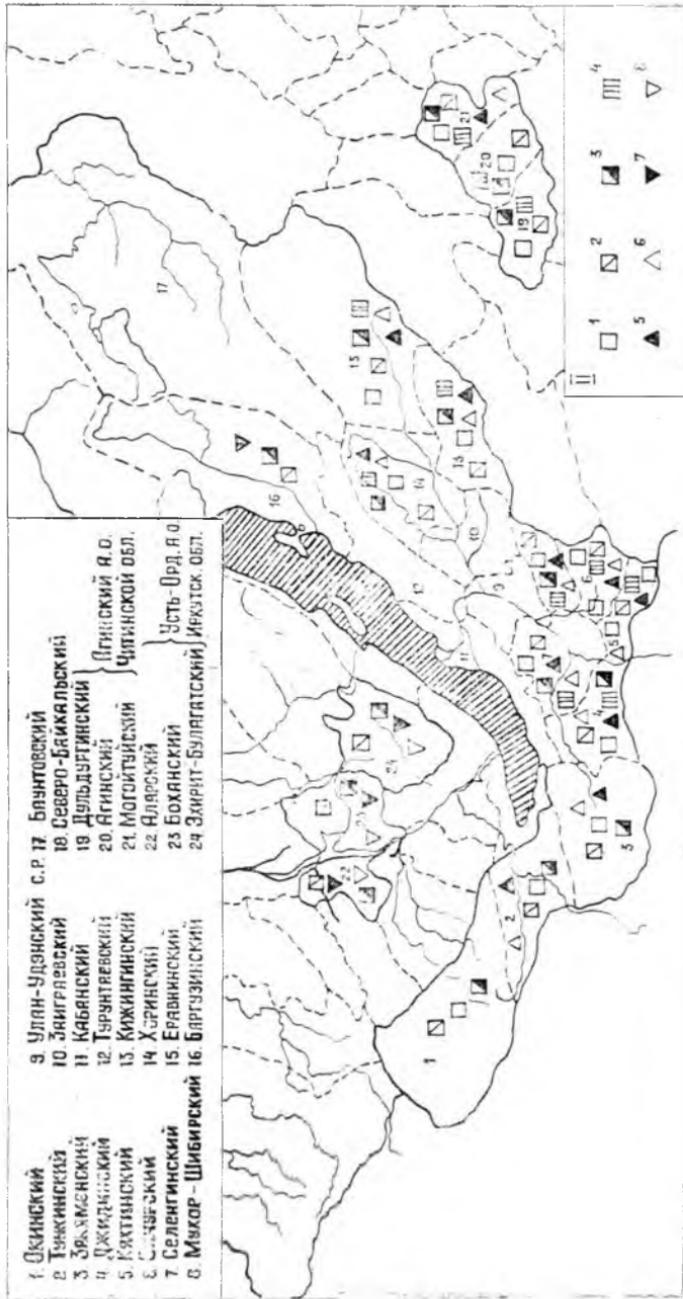
¹ В с. Хулхата Ононского района Читинской области юрта в ограде сохраняется и поныне.

² Полевые записи 1973 г., с. Аргада Курумканского района Бурятской АССР, Бубей Шагжанов, 84 года; и др.

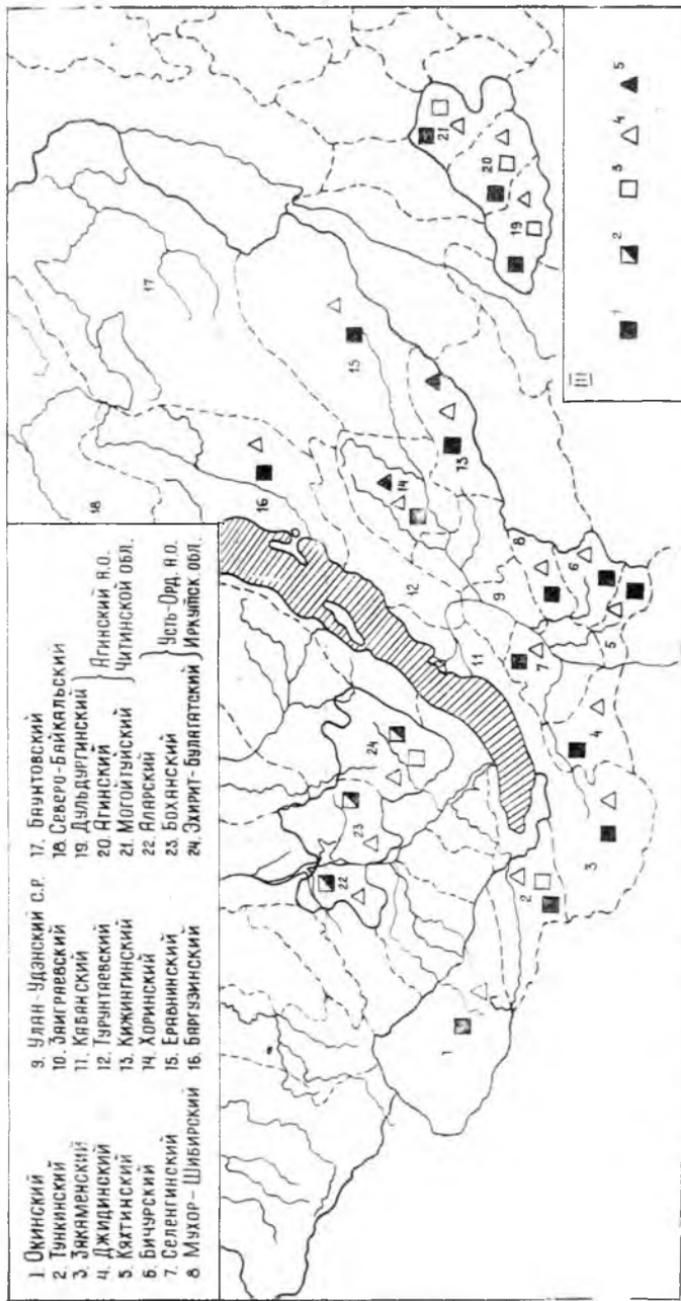
³ БГОИА—Х музей, центральные фонды (Улан-Удэ), ф. 3232—2.

Карта 1. Распространение своеобразного материала и способов обработки овчины и кожи: 1) обработка овчины с предварительной сушкой; 2) обработка овчины без предварительной сушки; 3) дымление овчины над очагом; 4) дымление овчины над ямой; 5) применение полой мялки; 6) применение ручной мялки; 7) применение вертящейся кожемялки; 8) верблюжья шерсть; 9) оленья шкура; 10) перинья шкура; 11) волос яка; 12) конский и козий волос.

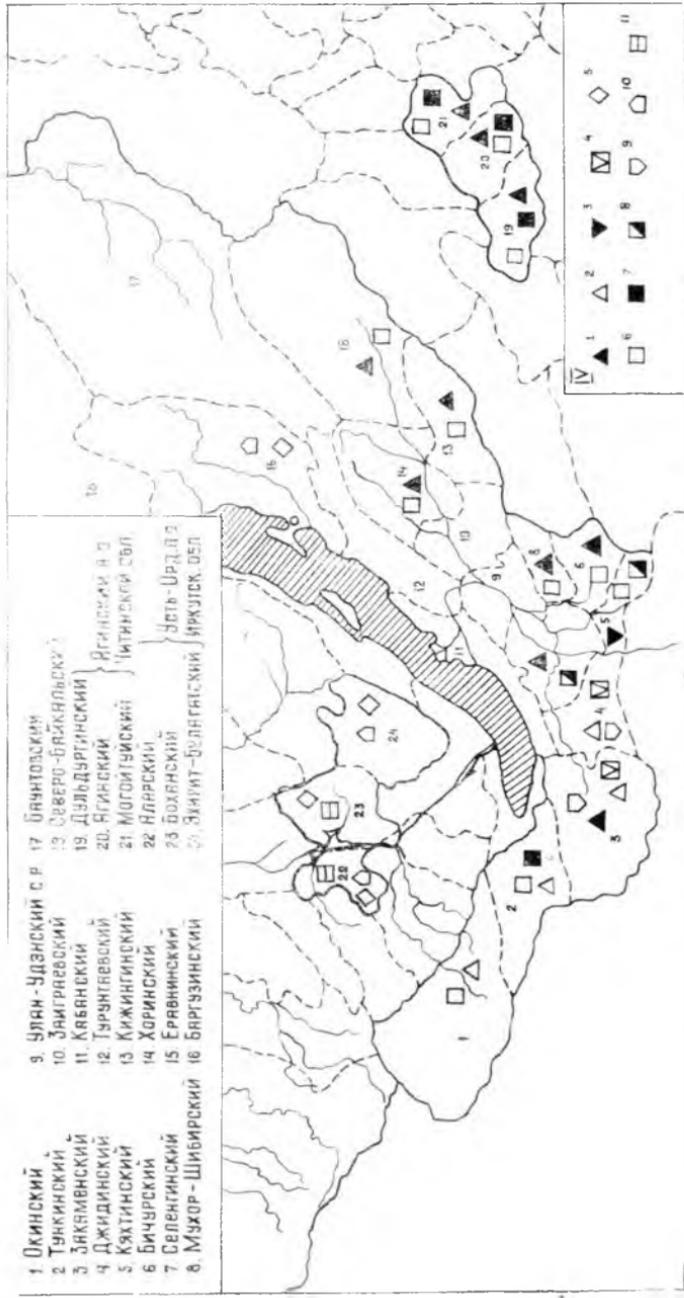

Карта 2. Распространение мужской и женской нательной одежды и женского платья: 1) распашная рубаха (самса, морш самса); 2) глухая рубаха (самса, ур-махи); 3) штаны с широким шагом (умдэн); 4) штаны с широким шагом (умдэн, монгол умдэн); 5) распашная женская удлиненная рубаха-платье (ута самса); 6) глухая женская удлиненная рубаха-платье (ута самса); 7) старинное платье (халадай); 8) платье европейского городского типа (сарпан).

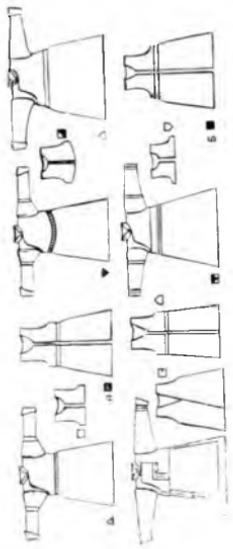

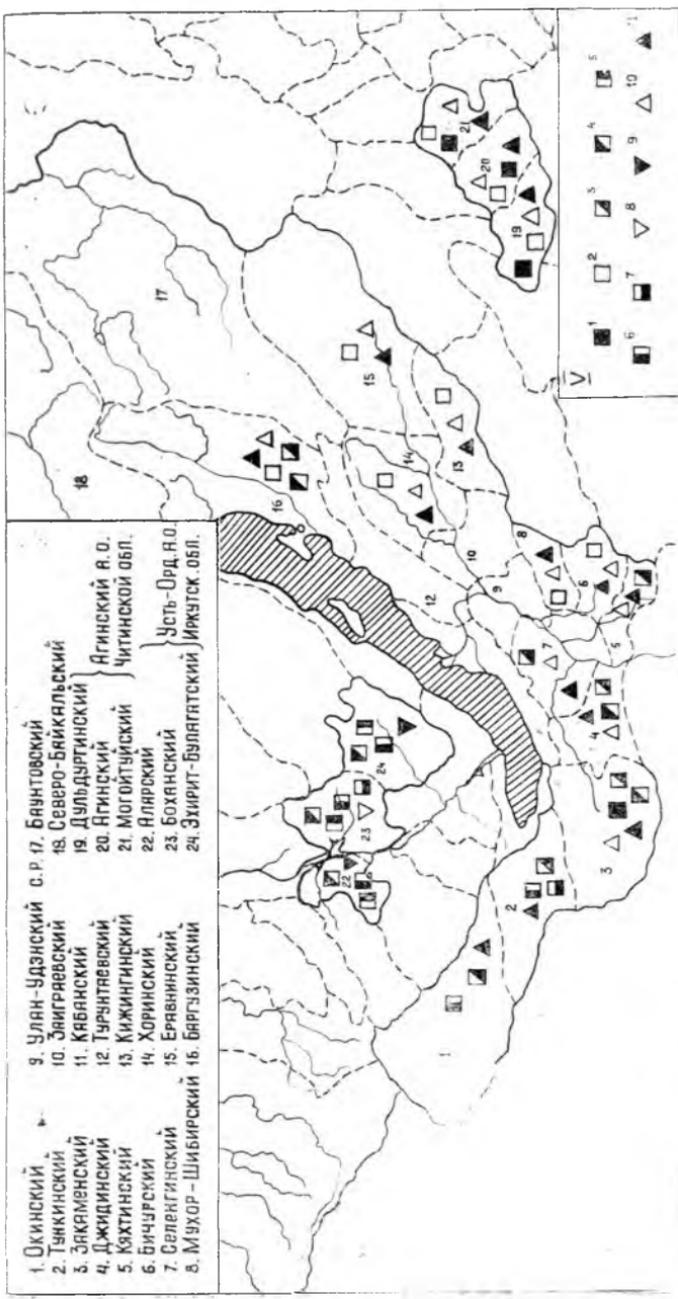
Карта 3. Распространение верхней мужской одежды:

- 1) цельнокроенная одежда с запахом левой полы на правую, с воротником стойкой (эрэ дэгэл, тэрдиг) — I тип;
- 2) цельнокроенная одежда с прямым разрезом спереди и воротником шалью (эрэ дэгэл) — II тип; 3) кожаный пояс с металлическими пластинами (бэбэн); 4) кушак фабричного производства (утаган бэбэн); 5) кушак домашнего (бэбэн).

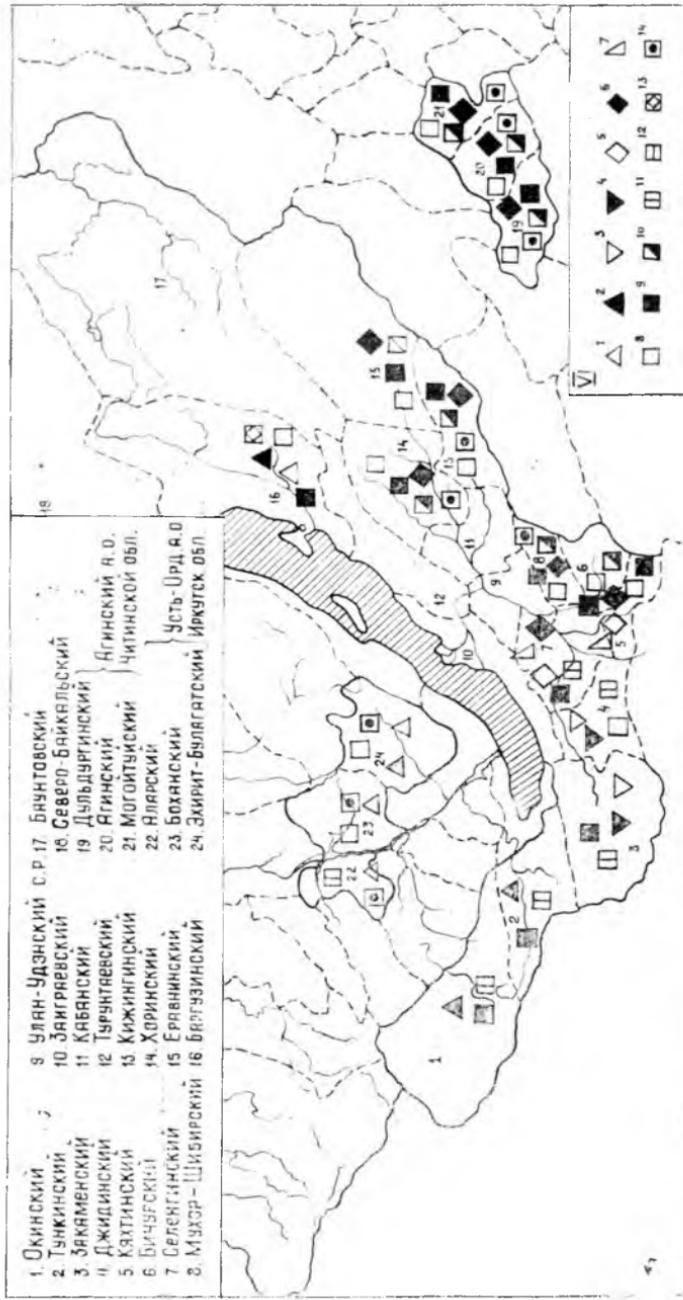

Карта 4. Распространение верхней женской одежды: 1) расклешенная юбка с запахом; 2) юбка с запахом и пышной юбкой; 3) юбка с запахом и пышной юбкой; 4) юбка с запахом и пышной юбкой; 5) юбка с запахом и пышной юбкой; 6) юбка с запахом и пышной юбкой; 7) юбка с запахом и пышной юбкой; 8) юбка с запахом и пышной юбкой; 9) юбка с запахом и пышной юбкой; 10) юбка с запахом и пышной юбкой; 11) юбка с запахом и пышной юбкой.

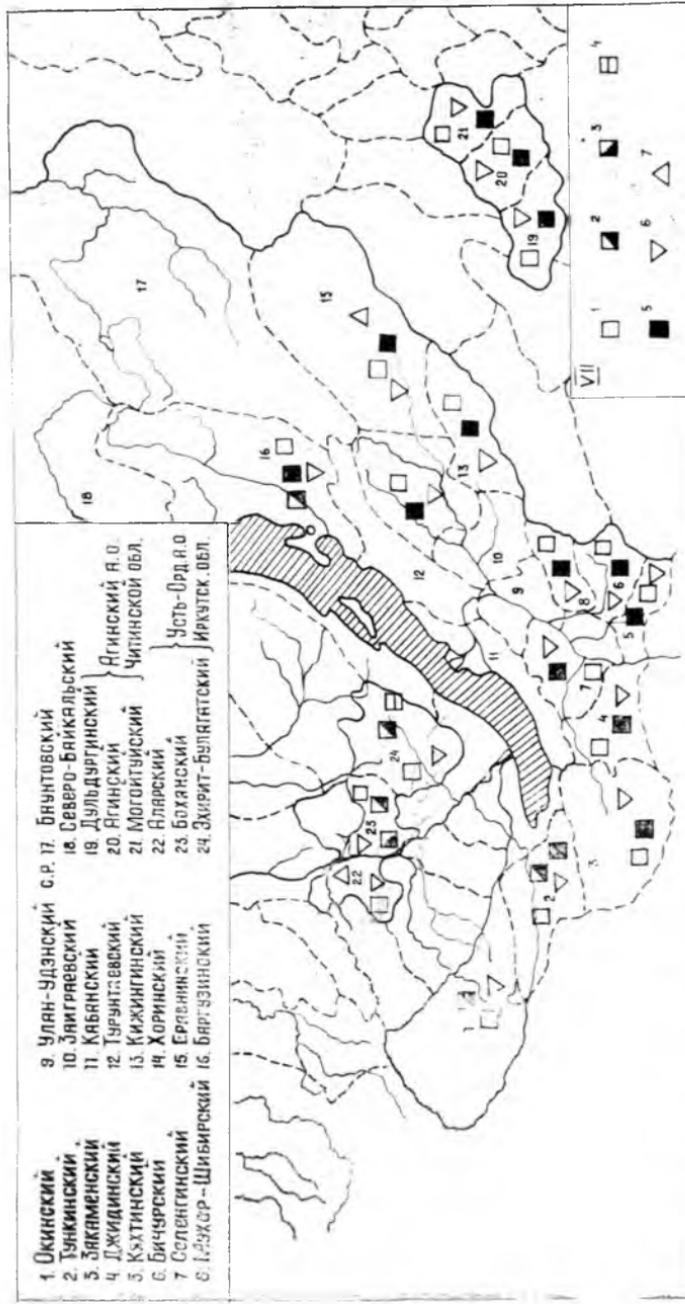

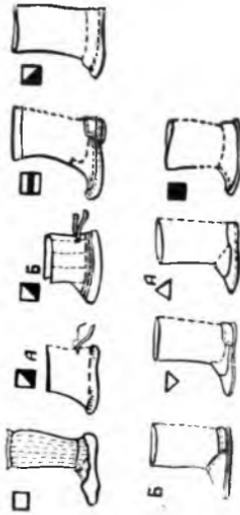
Карта 5. Распространение головных уборов: 1) производственная шапка (юден); 2) островерхая шапка с горизонтальной строчкой тульи, (тойробош малгай); 3) островерхая шапка с вертикальной строчкой тульи (шобогор малгай); 4) шапка в форме колпака с оторочкой (татар малгай); 5) шапка с прямыми бортами и круглым верхом (бортого малгай); 6) шапка в форме кубанки (вых малгай, малгай); 7) шапка монгольского типа; 8) шапка с прямыми бортами и круглым верхом в складку (бинзга); 9) шапочка в форме колпачка с полями (шар малгай). Дополнения к головному убору: 10) коронобразное украшение (даруулга, татуурга); 11) наверху (дэлээ, жёлчи) и кисти (залаа).

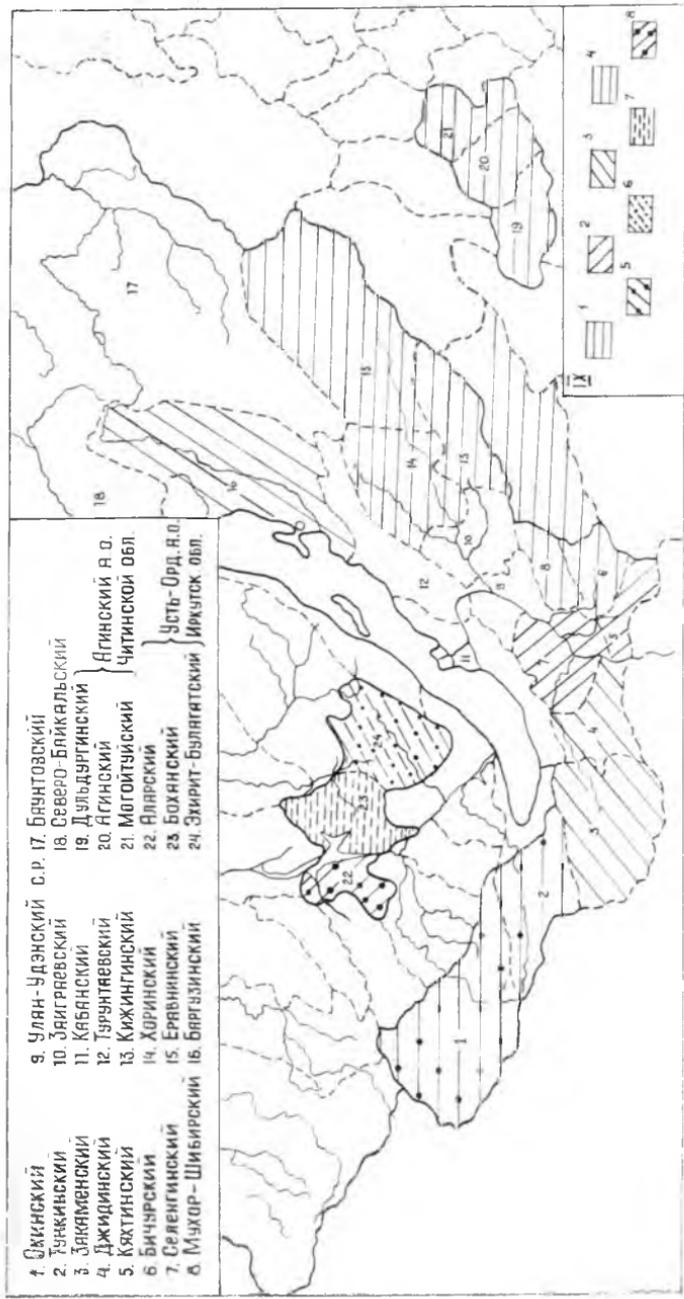

Карта 6. Распространение украшений женского костюма: 1) палубное украшение (юбун); 2) напшино-накосное (сааж); 3, 4) накосное (хонтутул и боолто); 5) накосное (шэбэргэл); 6) накосное (туйба); 7) височное (боолто); 8) напечное (гуу); 9) нагрудное (гуу). Височико-нагрудное украшение; 10) 1-я разновидность (хийхэ-хээ); 11) 2-я разновидность (хийхэ, хийхэ-хонхо); 12) 3-я разновидность (хийхэ-мөөр); 13) 4-я разновидность (сэртэбшэ); 14) 5-я разновидность (набага).

Карта 7. Распространение обуви: Поршевидная: 1) поршень (олобшо); 2) производственная из камусов или кожи (духты); 3) производственная из волоса (шудэршэ); 4) будиничная с выкройным носком с мыском (олод гутабан); Башмаковидная: 5) из кожи или овчины с острым носком и загнутой подошвой (эрмэг гутал); 6) из овчины или ткани с лоском с мыском и кожаными союсками (гутал); 7) из овчины или ткани с носком без мыска или кожаной головкой (олод гутал).

Карта 8. Комплексы женской одежды (распространение по территориально-локальным группам): хоринские буряты Забайкалья; 2) селенгинские, кяхтинские; 3) джидинские, закаменские; 4) окинские, тункинские; 5) баргузинские; 6) эхиритские; 7) боханские; 8) аларские.

⁴ МАЭ, ф. 2003.

⁵ Полевые записи 1972 г., Хоринский, Селенгинский, Баргузинский районы БурАССР.

⁶ Полевые записи автора 1972 г., с. Торей Тункинского района Бурятской АССР.

⁷ См.: Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят.—Л., 1969.—С. 138.

⁸ См.: Вяткина К. В. Указ. соч., с. 110.

⁹ Полевые записи автора 1969—1970 гг. и 1972—1973 гг. Записи сделаны в бурятских селах разных районов Бурятской АССР, Читинской и Иркутской областей.

¹⁰ Полевые записи автора 1973 г., Иркутская область, Ольхонский район, с. Ялга.

¹¹ См.: Тугутов И. Е. Материальная культура бурят.—Улан-Удэ, 1958.—С. 71.

¹² См.: Тугутов И. Е. Указ. соч., с. 73.

¹³ См.: Полевые записи автора 1972 г., Читинская область, Ононский район, села Будулан. Аргада.

¹⁴ Полевые записи автора 1972 г., Дульдургинский район Читинской области, с. Зуткулей, Петр Афанасьевич Кузьмин, 45 лет, переселенец.

¹⁵ Полевые материалы 1969—19700 гг., Мухоршибирский, Кижингинский районы Бурятской АССР, Петровск-Забайкальский район Читинской области.

¹⁶ Материалы экспедиции 1973 г., районы Читинской области.

¹⁷ О принципе работы подробнее см. во 2-й главе данной работы в разделе «Материал одежды».

¹⁸ См.: О народных художественных промыслах: Постановление ЦК КПСС.—Правда, 1975, 27 февр.

¹⁹ Этот процесс характерен и для других национальных республик страны и является закономерным. См.: Этнические процессы в СССР.—М., 1977.—С. 207.—239.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании на основании полевых материалов, собранных автором, и обобщения опубликованных сведений составлено представление о народном костюме бурят на протяжении большого исторического периода, равного почти трем столетиям.

Сведения XVII—XVIII вв., данные в казацких отписках, отчетах дипломатов, сведениях путешественников, участников академических экспедиций, характеризуют в общих чертах одежду бурят того времени. Материалом одежды служило, главным образом, обработанное сырье, добываемое в хозяйстве бурят (овчина, шерсть, кожа и т. д.). Вместе с тем уже в то время активно использовались различные привозные ткани: китайские, бухарские, русские, западноевропейские.

Источники XVIII в. показывают различие в одежде бурят Предбайкалья и Забайкалья, а также в них встречаются сведения о сходстве с одеждой других народов — татар, эвенков, калмыков.

Материалы первой половины XIX в. свидетельствуют об изменениях, произошедших в одежде бурят. Эти изменения подчеркивали имущественное неравенство. В конце XIX — начале XX в. буряты еще сохраняли традиционную одежду.

Отмечается известное единообразие костюма бурят на всей территории их расселения. Дифференциация мужского и женского костюмов отражена, главным образом, в головных уборах и украшениях. Такое явление наблюдалось и у других народов (монголов, калмыков, народов Средней Азии¹).

Традиционный костюм как мужчин, так и женщин состоял из натальной рубахи (самса) и штанов с широким шагом (умдэн), верхней одежды — халата и шубы (тэрлиг, дэгэл) со специфичными для бурят головными уборами и обувью. Весьма характерно наличие у бурят двух типов натальной одежды: распашной (морин самса) и глухой (самса). Первая представляет в сущности короткий халат. Такой же халат в качестве натальной одежды был у казахов, киргизов, туркменов, таджиков, хакасов, алтайцев². Глухая рубаха появилась, возможно, под влиянием соседнего населения, которое занималось земледелием и для которого рубашка характерна. От туникообразной русской рубахи

она отличалась особенностью покроя рукавов и прямым разрезом ворота.

Комплексы костюма, выделенные во II главе на основе различий в типах основных частей одежды и ряда признаков, отличавших костюм отдельных групп бурят, включают части мужской и женской верхней одежды, обувь, головные уборы. В мужском традиционном костюме выделяются два комплекса. Первый был известен в Забайкалье повсеместно. Однако имелись некоторые различия по районам. Второй комплекс характерен для бурят Предбайкалья. В женском костюме выделены восемь комплексов. Женский костюм в большей степени, чем мужской, сохранил родоплеменные и территориальные особенности.

Выделенные комплексы костюма отражают общность с монгольскими племенами. Костюм бурят Предбайкалья обнаруживает общие черты с одеждой ойратов и тюркоязычных народов Алтая. Наличие общих черт объясняется участием ойратов в этногенезе эхирит-булагатов³. Это подтверждается преданиями о происхождении бурят⁴ и некоторыми языковыми данными. Аналогии в костюме бурят, алтайцев, тувинцев, хакасов и ойратов объясняются, по-видимому, общностью исторических судеб этих народов, находившихся под сильным влиянием ойратов в XV—XVIII вв.

Костюм хоринских бурят Забайкалья обнаруживает близость с костюмом восточномонгольских племен (баргу-бурятами, узумчинами). Антропологические данные свидетельствуют, что забайкальские буряты в большей степени, чем прибайкальские, восприняли этнические группы, связанные с Монголией⁵.

В костюме бурят Тункинского района Западного Забайкалья и бурят Аларского района Иркутской области (хонгодоров?) прослеживаются черты, связывающие его с одеждой монгольских этнических групп XVI—XVII вв. Традиционная одежда бурят Баргузинского края выделяется особенностями, связанными с историческими судьбами этой группы и разнородностью этнического состава населения (эхиритов — выходцев из Предбайкалья, хоринцев и эвенков).

Социальное расслоение, усилившееся в конце XIX — начале XX в., отразилось и на костюме бурят. Бурятская знать носила установленные «степным законом» богатые, красочные одежды и украшения. Имелись и отличительные сословные знаки. Бедняки, по предписанию, должны были носить одежду из недорогих тканей, а украшения — из простого металла (низкопробного серебра, меди и др.). В костюме нашли отражение особенности, связанные с традициями, обычаями и обрядами бурят, специфичной художественного вкуса, нашедшего выражение в орнаменте, украшениях, цветовом решении одежды.

При изучении костюма в историческом плане главное внимание уделено покрою его элементов. Здесь «проявляется специфика культурных традиций каждого народа или нескольких народов одного региона, отражаются культурные связи между ними»¹.

Основу бурятского традиционного костюма составляла туникообразная одежда, т. е. одежда, изготовленная из перегнутого по ширине полотнища ткани, без плечевого шва (так скроена верхняя часть женской одежды, длиннополый стан и основания рукавов мужской, детской и девичьей одежды, а также нательные рубахи). Универсальность и единство покроя одежды бурят может указывать на формирование традиций в рамках единой культурной среды. Но при общности основ конструкций одежда разных локальных групп отличается своеобразием.

Костюм бурят сохранил некоторую архаичность. Основа покроя одежды восходит к накладному типу. Наиболее старинный вид ее — глухая туникообразная одежда, предшествовавшая распашной: глухая нательная рубаха самса, урмахи представляют отголоски более старых способов создания одежды. Распашные безрукавки: короткая уужа, длиннополье уужа, дэгэлэй, а также халат шамана — производные от глухой. Как эволюцию этих простейших конструкций можно рассматривать одежду с дополнительной полкой, с запахом левой полы на правую, усложнившей покрой, но не изменившей общей основы.

Архаичность проявляется и в одинаковости некоторых элементов мужского и женского костюма, распространенных повсеместно. Такое единообразие уводит мысль в те далекие времена, когда костюм наших предков мог состоять из отдельных наплечной и поясной частей и был единым для мужчин и женщин. В процессе дальнейшего развития костюм пережил этапы дифференциации, обогащения функционального разнообразия и наконец приобрел те формы, которые известны по материалам конца XIX — начала XX века.

Анализ покроя, конструктивных основ подводит к вопросу об исторической среде развития, взаимовлияниях, отразившихся в

¹ Сухарева О. А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции. Костюм народов Средней Азии.— М., 1979.— С. 78.

костюме. Заметны черты двух своеобразных культур в истории бурятского традиционного костюма: древней охотничьей и скотоводческой. Поршневидная обувь, поясная одежда из шкур, ноговицы, наколенники, некоторые пережиточные черты в головном уборе, металлические пластины и др.—принадлежности охотничьей культуры. На этой основе явно выступает общность с традиционной культурой кетов, эвенков (особенно восточных), тюрков Саяно-Алтайского нагорья, хакасов, киргизов, казахов.

Население обширной территории вокруг Байкала вовлекалось в древности и средневековье в разные государственные объединения народов Центральной Азии и Алтая. Это привело к взаимовлияниям, развитию аналогий у разных тюркских и монгольских народов, которые были достаточными и легко прослеживаются. Протомонгольские корни одежды с левым запахом (в отличие от правосторонней тюркской) исследователи находят в костюме киданей V—VI вв.—одного из древних народов Центральной Азии, предшественников монголов². Небезынтересно отметить, что покрой верхней мужской одежды населения Забайкалья (I тип) и Предбайкалья (II тип) сохранили традиции монголоязычных киданей. Данный монгольский тип распространен среди древних и современных народов Центральной Азии и их соседей: барга, маньчжуров, ороков, орочей, нанайцев, тунгусов и др.

Таким образом, бурятский традиционный народный костюм конца XIX—начала XX в. сложился не сразу, а постепенно. Его формированию предшествовал длительный путь развития от простых, примитивных, форм до сложных, требовавших специального технологического решения, материала, способов ношения. Усложнялись и функции костюма от чисто утилитарных до уровня знаковой системы: этнических, социальных, этических, эстетических и др. Народный костюм, предельно приспособленный к географической и климатической среде обитания, к основным видам занятия и устойчивым условиям быта, сохранял порой очень древние формы. Однако при всей консервативности он менялся в силу изменений материальных основ, социально-культурных условий, взаимовлияний с соседними народами и другими внешними и внутренними факторами.

² Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры.— М., 1980.— С. 36.

В советский период, когда произошли коренные перемены во всех областях жизни бурят, изменился и бурятский костюм. В первые годы Советской власти, хотя и были внесены существенные изменения в костюм бурят, но тем не менее значительная часть населения сохраняла, особенно в улусах, традиционный народный костюм. Развитие промышленности, формирование национальных кадров рабочих, усилившееся влияние города в 1920—1930 гг. способствовали вытеснению традиционных форм одежды городскими. В послевоенные годы (1950—1960) общесоветские формы становятся преобладающими, чему в значительной мере способствовали широкое распространение промышленных товаров и подъем материального благосостояния населения. Отдельные черты традиционного костюма в заметно измененном виде сохранялись лишь в некоторых видах производственной одежды и в одеянии старшего поколения.

На современном этапе (70—80-е гг.) при дальнейшем углублении процессов распространения общесоветской одежды наблюдается частичное возрождение традиционных видов народной одежды бурят. Сохранение лучших традиций прошлого проявилось в возрождении художественного ювелирного промысла Бурятии. Костюм бурят советского периода отражает его постоянное совершенствование на основе роста материального благосостояния и культурного уровня населения, расширения межэтнических контактов народов и ускоренного процесса интеграции.

¹ См.: Вяткина К. В. Монголы МНР // Восточно-азиатский этногр. сб.—М.—Л., 1960.—С. 194; Эрдниев У. Э. Калмыки.—Элиста, 1970.—С. 120; Махова Е. И. Одежда // Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, с. 174—175.

² См.: Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда.—Алма-Ата, 1964.—С. 56—58; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.—Л., 1971.—С. 124—125; Васильева Г. П. Туркмены—нохурли // Среднеаз. этногр. сб. ИЭ АН СССР.—Т. 21.—М., 1954.—С. 158; Шиббаева Ю. А. Одежда хакасов.—Сталинабад, 1954.—С. 19; Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сб. МАЭ.—М.—Л., 1951.—Т. 13.

³ См.: Банзаров Д. Собр. соч.—М., 1955.—С. 180—186; История Бурятской АССР.—Улан-Удэ, 1954.—С. 57.

⁴ См.: Баторов П. П. Материалы к вопросу о происхождении бурят племен // Бурятияведение.—Верхнеудинск. 1926.—№ 2.—С. 3—6; Забанов М. Н. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов.—Верхнеудинск, 1926.—С. 15.

⁵ См.: Золотарева И. М. Антропологический тип бурят в связи с историей их этногенеза: Автореф. канд. дис.—М., 1960.—С. 9.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И.* Собр. соч., изд. 5-е, т. 3.
Ленин В. И. Собр. соч., изд. 5-е, т. 41.
 О народных художественных промыслах: Постановление ЦК КПСС.—
 Правда, 1975, 27 февр.
Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и пи-
 сателей.—Иркутск, 1941.
Аламжи-Мэргэн.—Улан-Удэ, 1954.
Абрамзон С. А. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные
 связи.—Л., 1971.
Астырев Н. Бурят-монголы Иркутской губернии // Северный вестник.—М.,
 1890.—№ 12.
Астырев Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной
 Сибири.—М., 1891.
Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды.—Улан-Удэ, 1959.
Балдаев С. П. Избранное.—Улан-Удэ, 1961.
Балдунников Г. И. Из прошлого Боханского аймака // Бурятоведческий
 сборник.—Иркутск, 1929.—Вып. 5.
Банзаров Д. Собр. соч.—М., 1955.
Барадийн Б. Б. Рождение ребенка у бурят-монголов // Жизнь Бурятии.—
 1926.—№ 7—9.
Барадийн Б. Б. Бурят-монголы // Бурятиеведение.—1927.—№ 3—4.
Басаева К. Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят.—
 Улан-Удэ, 1974.
Басанова Э. Г. Джон Белль о Бурятии // Этнографический сб.—Улан-Удэ,
 1969, № 5.
Баторов П. П. Материалы к вопросу о происхождении бурятских пле-
 мен // Бурятиеведение.—1926.—№ 2.
Баторов П. П. Белкование у аларских бурят и народные поверья // Бу-
 рятиеведение.—Верхнеудинск, 1925.—№ 1.
Баторов П. П. Легенда о происхождении агинских бурят // Бурятоведческий
 сборник.—Иркутск, 1927.—Вып. 3—4.
Белицер В. Н. Народная одежда мордвы.—М., 1973.
Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов.—М., 1951.
Бертагаев Т. А. Культ богини-матери и огня у монгольских племен // Сов.
 этнография.—1973.—№ 6.
Бичурин Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в
 древние времена.—СПб., 1859.—Ч. 3.
Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства.—М., 1971.
Бромлей Ю. В., Басилов В. Н. Советская этнографическая наука в де-
 вятый пятилетке // Сов. этнография.—1976.—№ 1.
 Бурятские сказки и поверья // Зап. ВСОРО.—СПб., 1899.—Т. 1, вып. 1.
Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев.—М., 1972.
Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологических экспедиций
 Тув. НИИЯЛИ, 1956—1957 гг.—Кызыл, 1958.
Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы.—М., 1974.
Валиханов Ч. Собр. соч.—Т. 1.

- Василевич Г. М.* Эвенки.—Л., 1969.
- Василевич Г. М.* Типы обуви народов Сибири // Сб. МАЭ.—М.—Л., 1963.—Т. 21.
- Василевич Г. М.* Производственный костюм эвенков // Одежда народов Сибири // Сб. МАЭ.—Л., 1970.
- Васильева Г. П.* Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этн. сб. ТИЭ.—М., 1957.—Т. 21.
- Веймарн Б. В., Гончаров А.* Искусство Бурят-Монголии // Искусство.—1941.—№ 1.
- Воробьев Н. И.* Казанские татары.—Казань, 1953.
- Вяткина К. В.* Пережитки материнского рода у бурят // Сов. этнография.—1946.
- Вяткина К. В.* Буряты // Народы Сибири.—М.—Л., 1956.
- Вяткина К. В.* Монголы МНР // Восточно-азиатский сб. ТИЭ.—М.—Л., 1960.—Т. 9.
- Вяткина К. В.* Общие черты материальной и духовной культуры у западных монголов, бурят и южных алтайцев // Докл. на VII МКАЭН.—М., 1964.
- Вяткина К. В.* Очерки культуры и быта бурят.—Л., 1969.
- Геденштром М. М.* Путешествия Геденштрома по Ледовитому морю и островам оного, лежащим от устья Лены к востоку // Сибирский вестник.—1822.—Ч. 17—19.
- Геденштром М. М.* Записки о Сибири // Журнал Мин-ва Внутр. Дел.—1829.—Ч. 1, кн. 1;—1830.—Ч. 2, кн. 1—3; Ч. 3, кн. 4.
- Георги И.* Описание всех живущих в Российском государстве народов..., ч. 4. СПб.—1799.
- Головачев П. М.* Поселки по линии забайкальской железной дороги.—Чита, 1908.
- Головачев П. М.* Сибирь. Дело.—М., 1906.—Т. 1.
- Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь.—СПб., 1838.—Т. 1.
- Грач А. Д.* Петроглифы Тувы // Сб. МАЭ.—1957.—Т. 17.
- Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья.—М., 1975.
- Джулиани Ю.* Буряты // Библиотека для чтения.—СПб., 1834.—Т. 7.
- Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. ИЭ АН СССР, новая серия.—Т. 55.—М., 1960.
- Долгих Б. О.* Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Сов. этнография.—1953.—№ 1.
- Долгих Б. О.* Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа // Сов. этнография.—1954.—№ 1.
- Дыренкова Н. П.* Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Сов. этнография.—1937.—№ 3.
- Евтюхова Л. А.* О племенах Центральной Монголии в IX в. // Сов. геология.—1957.—№ 2.
- Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.
- Забанов М. Н.* Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов.—Верлнеудинск, 1929.
- Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России.—Улан-Удэ, 1958.
- Залкинд Е. М.* Общественный строй бурят в XVIII—первой половине XIX в.—М., 1970.
- Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская народная одежда XIX—начала XX в.—Алма-Ата, 1964.
- Золотарева И. М.* Антропологический тип бурят к истории их этногенеза.—М., 1961.
- Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири.—XIX—начало XX в. // ТИЭ. Новая серия.—М.—Л., 1954.—Т. 22.
- Иванов С. В.* К вопросу о значении изображений на старинных предме-

- тах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ.—М.—Л., 1955.—Т. 16.
- Иванов С. В.* Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири.—М.—Л., 1961.
- Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (XIX—нач. XX в.).—М.—Л., 1963.
- Иванов С. В., Махова Е. И.* Художественная обработка металла // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов.—М., 1968.
- История Бурятской АССР.—Улан-Удэ, 1954.
- История Якутской АССР.—М.—Л., 1955.—Т. 1.
- Историческое описание одежды и вооружения русской армии.—СПб., 1893.—Т. 8.
- Историко-этнографический атлас Сибири.—М.—Л., 1961.
- Историко-этнографический атлас. Русские.—М., 1967.
- Каруновская Л. Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ.—1927.
- Кагаров Е. Г.* О значении некоторых русских свадебных обрядов // Изв. АН.—1917.—№ 9.
- Ким Н. В.* Материалы Ф. Ланганса о культуре и быте бурят // Культура и быт народов Бурятии.—Улан-Удэ, 1965.
- Клеменц Д. А.* О свадебных обрядах забайкальских бурят // Изв. ВСОРГО.—Иркутск, 1891.—Т. 22.—№ 1.
- Клеменц Д. А., Хангалов М. Н.* Общественные охоты у северных бурят // Материалы по этнографии России.—Иркутск, 1910.—Т. 1.
- Ковалев Н. Г.* Калмыцкий народный орнамент.—Элиста, 1970.
- Козлов П. К.* Монголия и Кам.—СПб., 1905.—Т. 1, ч. 1.
- Козлова Т. В.* Основы художественного проектирования изделий из кожи.—М., 1975.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание.—М.—Л., 1941.—Т. 1.
- Кочешков Н. В.* Головные уборы монголов в XIX—начале XX в. // Сов. этнография.—1973.—№ 3.
- Кочешков Н. В.* Декоративное искусство монголоязычных народов.—М., 1979.
- Корнеев Е.* Народы, обитающие в Российской империи и на Ближнем Востоке. Альбом.—СПб., 1800.
- Крашенинников С. П.* в Сибири. Неопубликованные материалы. Дневник путешествий в 1734—1736 гг.—М.—Л., 1966.
- Кроль М. А.* Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят // Изв. ВСОРГО.—Иркутск, 1894.—Т. 25.—№ 1.
- Кроль М. А.* Краткий очерк истории забайкальских бурят, их общественный строй, брачные и семейные отношения, культурные успехи и вероятная будущность // Изв. ИРГО.—1899.—Т. 35, вып. 7.
- Кропоткин П.* Поездка в Окинский караул // Зап. ВСОРГО.—1867.—Кн. 9—10, отд. 1.
- Кудрявцев Ф. А.* Золотопромышленность Западного Забайкалья в 60—80 гг. XIX в. // Бурятияведение.—1928.—№ 1—3.
- Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа с XVII в. до 60-х гг. XIX в.—М.—Л., 1940.
- Кудрявцев Ф. А.* Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа // Вопросы истории.—1946.—№ 10.
- Кулаков П. Е.* Буряты Иркутской губернии // Изв. ВСОРГО.—Иркутск, 1895.—№ 4—5.—Т. 26.
- Кулаков П. Е., Молодых И. А.* Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии.—СПб., 1896.
- Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX—нач. XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии.—М., 1969.

- Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник.— М., 1956.
- Лебедева Н. И.* Хозяйственный быт Приангарья (XIX — нач. XX в.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири.— Новосибирск, 1971 — Ч. 1.
- Левашева В. П.* Из далекого прошлого южной части Красноярского края.— Красноярск, 1939.
- Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков.— М.— Л., 1952.
- Манжигеев И. М.* Янгутский бурятский род.— Улан-Удэ, 1960.
- Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов конца XIX — нач. XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. Новая серия.— М., 1956.— Т. 31.
- Маслова Г. С.* Костюм старожильческого населения Приангарья (XIX — нач. XX в.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири.— Новосибирск, 1971.— Ч. 1.
- Махова Е. И.* Материальная культура киргизов как источник их этногенеза // ТИАЭЭ.— Фрунзе, 1959.— Т. 3.
- Махова Е. И.* Одежда // Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан // ТИЭ. Новая серия.— М., 1958.— Т. 37.
- Молодых И.* Обработка продуктов скотоводства и волокон растительного происхождения // Материалы по исследованию земледользования хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний.— М., 1890.— Т. 3, вып. 4.
- Мурдыгеев Р. С.* Изделия из шерсти и волоса в Аларском аймаке // Бурятияведение.— 1928.— № 1—2 (5—6).
- Нейхардт А. А.* Происхождение креста. (Научно-популярный очерк).— М., 1956
- О забайкальских бурятах // Зап. Читинского ОРГО.— 1896.— Вып. 1.
- Одежда народов Сибири.— Л., 1970.
- Одежда народов зарубежной Азии // Сб. МАЭ.— Л., 1977.— Т. 32.
- Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов.— Л., 1937.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА.— М., 1956 — № 43.
- Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья.— Владивосток, 1965.
- Окладников А. П., Береговая Н. А.* Древние поселения Баранова мыса.— Новосибирск, 1971.
- Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры.— Новосибирск, 1974.
- Огокин Г. Н.* На границе Монголии // Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья.— СПб., 1906.
- Огокин Г. Н.* Материалы к этнографии Западного Забайкалья.— М., 1898.
- Наршин Г.* О монголо-бурятах в Нерчинском округе Иркутской губернии // Журнал Мин-ва Внутренних Дел.— 1843.— Ч. 3.
- Петри Б. Э.* Территориальное родство у северных бурят // Изв. биолого-географического научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете.— Иркутск, 1924.— Вып. 2, т. 1.
- Петри Б. Э.* Орнамент кудинских бурят // Сб. МАЭ.— Петроград, 1918.— Т. 5, вып. 1.
- Петри Б. Э.* Элементы родовой связи у северных бурят // Сибирская живая старина.— Иркутск, 1924.— Вып. 2.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии.— СПб., 1883.— Т. 4.
- Потанина А. В.* Буряты // Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю.— М., 1895.
- Потанина А. В.* Рассказы о бурятах, их вере и обычаях.— М., 1905.
- Попов А. А.* Плетение и ткачество у народов Сибири // Сб. МАЭ.— М.— Л., 1955.— Т. 16.

- Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев.—М., 1969.
- Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сб. МАЭ.—М.—Л., 1951.—Т. 13.
- Потапов Л. П. Краткие очерки по истории хакасов.—М., 1963.
- Потапов Л. П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков-кунград.—Ташкент: Научная мысль. 1930.
- Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов.—М., 1946.—Гл. 2.
- Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ.—Л., 1971.—Т. 27.
- Прыткова Н. Ф. Программа по изучению одежды народов Сибири // Одежда народов Сибири.—Л., 1970.
- Путешествие кс. Ф. Машевского из Иркутска в Нерчинск (1817) // Сибирский вестник.—1821.—Ч. 14.
- Путешествия М. А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазины земледелия и путешествий.—М., 1860.
- Работнова И. П. Русская народная одежда.—М., 1964.
- Раднаев Э. Р. Баргузинский говор // Тр. БКНИИ.—Улан-Удэ. 1965
- Распопова В. И. Наборный пояс Согда VII—VIII вв. // Сов. археология.—1965.—№ 4.
- Ринчен Б. Из нашего культурного наследия.—Улан-Батор. 1958.
- Руденко С. И. Башкиры.—М.—Л., 1955.
- Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // МОЭНГО.—Л., 1961.—Вып. 1.
- Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани.—М.—Л., 1968.
- Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи.—Улан-Удэ, 1956.
- Румянцев Г. Н. Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татаринковым (1765).—Улан-Удэ, 1958.
- Румянцев Г. Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят // Зап. НИИК.—Вып. 15.—Улан-Удэ, 1953.
- Румянцев Г. Н. О некоторых вопросах этногенеза монголов и бурят.—М., 1960.
- Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят.—Улан-Удэ, 1962
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков.—М., 1953.—Т. 1.
- Сборник документов по истории Бурятии XVII в.—Улан-Удэ, 1960.—Вып. 1.
- Серошевский В. Л. Якуты.—СПб., 1896.—Т. 1.
- Смолев Я. С. Три табангутских рода селенгинских бурят // ТТ—КПОИРГО.—М., 1900.—Вып. 3.
- Соктоева И. И., Бадмаева Р. Д. Бурятский художественный металл. Альбом.—Улан-Удэ, 1971.
- Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая // Зап. ИРГО.—СПб., 1882.—Т. 10, вып. 1.
- Спасский Г. И. Буряты // Сибирский вестник.—СПб, 1824.
- Стахеев Д. И. За Байкалом и на Амуре.—СПб., 1869.
- Старинные бурятские погребения на острове Ольхон // Тр. БКНИИ.—Улан-Удэ, 1962.—Вып. 10.
- Современные этнические процессы в СССР.—М., 1974.
- Стратанович Г. Г. Три альбома народного орнамента // Сов. этнография.—1963.—№ 4.
- Стрелов Е. Д. Орнамент и украшения якутов в I пол. XVIII в. // Сов. этнография.—1938.—№ 2—3.
- Сычев Д. В. Из истории калмыцкого костюма.—Элиста, 1973.
- Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Зап. БМНИИЯЛИ.—1939.—Вып. 1.

- Токарев С. А. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. // Зап. ГИЯЛИ.— 1940.
- Токарев С. А. О происхождении бурятского народа // Сов. этнография.— 1953— № 2.
- Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Сов. этнография.— 1970.— № 4.
- Требуховский П. Ф. Свадьба балаганских бурят в прошлом и настоящем — Верхнеудинск, 1929.
- Тумахани А. В. Бурятский народный узор // Зап. БМНИИК.— Улан-Удэ, 1958— Т. 25.
- Тумахани А. В. Ткани как декоративный материал в народном искусстве бурят // Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР.— Улан-Удэ, 1961.— Вып. 8.
- Тумахани А. В. Бурятское народное искусство.— Улан-Удэ, 1970.
- Тукутов И. Е. Материальная культура бурят.— Улан-Удэ, 1958.
- Тукутов И. Е. Становление новых семейных обрядов // Культура и быт народов Бурятии.— Улан-Удэ, 1965.
- Удимова Н. И. К изучению русских тункинцев // Сибирская живая старина.— Иркутск, 1926.— Вып. 5—6.
- Улаханов Г. А. Кожевенное кустарное производство у северных бурят // Бурятоведческий сб.— Иркутск, 1927.— Вып. 3—4.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений в 3-х томах.— Улан-Удэ, 1958—1960.
- Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России.— М., 1896.
- Харузин Н., Харузина В. Н. Этнография.— М., 1911—1912.
- Харузина В. Н. К вопросу о почитании огня // Материалы по этнографии малокультурных народов России.— М., 1912.— Ч. 2.
- Хороших П. П. Материалы по орнаменту ольхонских бурят // Сибирская живая старина.— Иркутск, 1926.— Вып. 2—4.
- Хороших П. П. Материалы по орнаменту северных бурят // Бурятоведческий сборник.— Иркутск, 1927.— Вып. 2.
- Хороших П. П. Два бурятских погребения.— Иркутск, 1928.
- Хороших П. П. Орнамент на шерстяных и волосяных изделиях прибайкальских бурят // Зап. БМНИИК.— Улан-Удэ, 1957.— Вып. 23.
- Цыбиков Г. Ц. О культе огня у восточных бурят // Бурятоведческий сб.— Иркутск, 1928.
- Цыбиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят.— Улан-Удэ, 1970.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские хроники и родословные.— Улан-Удэ, 1973.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры.— М., 1971.
- Шавкунов Э. В. Следы пребывания монголов в Приморье // Зап. Примурского филиала ГО СССР.— Владивосток, 1965.— Т. 1 (24).
- Шаниязов К. Узбеки-карлуки.— Ташкент, 1964.
- Шибаяева Ю. А. Одежда хакасов.— Сталинабад, 1954.
- Широкова З. А. Одежда таджиков Дарваза // Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР.— 1956.
- Шапов А. П. Бурятская улусная родовая община // Изв. ВСОРГО.— Иркутск, 1875.— Т. 5, ч. 3—4.
- Шукин Н. Буряты // Журнал Мин-ва Внутренних Дел.— 1849.— № 4—6.
- Шукин Н. Быт крестьянина Восточной Сибири // Журнал Мин-ва Внутренних Дел.— 1859.
- Эрдниева У. Э. Калмыки.— Элиста, 1970.
- Этагоров И. М. Свадебный обряд у аларских бурят // Изв. ВСОРГО.— 1866.— Т. 30.— № 1—2.
- Эвенкийско-русский словарь.— М., 1958.
- Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь.— М., 1965.
- Ядринцев Н. Н. Сибирские инородцы, их быт и современное положение.— СПб., 1891.
- Якунина Л. И. Русские набивные ткани XVI—XVII вв.— М., 1954.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Одежда бурят по источникам XVII—XVIII и первой половины XIX в.	
1. Сведения об одежде бурят в отписках-донесениях служилых людей XVII в.	12
2. Данные об одежде в отчетах дипломатов XVIII в.	14
3. Народный костюм бурят в трудах участников Сибирской академической экспедиции XVIII в.	15
4. Исследователи сибирской старины начала XIX в. об одежде бурят	22
Глава II. Костюм бурят середины XIX — начала XX в.	
1. Материал одежды и его обработка	27
2. Мужская одежда, головные уборы, украшения	40
3. Женская одежда, головные уборы, прическа	55
4. Женские украшения	71
5. Типы мужской и женской обуви	78
6. Комплексы костюма	88
7. Социальные различия в одежде бурят конца XIX — начала XX в.	96
8. Роль одежды в обрядовой жизни бурят в конце XIX — начале XX в.	101
Глава III. Изменения народной одежды бурят в советский период	
1. Одежда первых лет Советской власти	116
2. Одежда военных лет и послевоенного периода	120
3. Характерные черты современной одежды	122
Заключение	130
Библиография	136

Раиса Дашиевна Бадмаева
БУРЯТСКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

Редактор ред.-изд. отдела
А. А. А н а н и н а

Редактор издательства
К. М. Б а т о р о в

Художник
Л. Р. А н д р у с

Технический редактор
С. Ф. В а н ч и к о в а

Корректоры
Т. М. К у ш н а р е в а, Т. Н. Ч у д и н о в а

ИБ № 1749

Сдано в набор 03.04.87. Подписано в печать 22.05.87. Н-03462.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,37+1,39 вкл. Усл. кр.-отт. 10,11.
Уч.-изд. л. 8,82+1,29 вкл. Тираж 1000. Заказ № 226. Цена 140 коп.

Бурятское книжное издательство, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.

Республиканская типография Государственного комитета Бурятской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.

Бадмаева Р. Д.

Б153 Бурятский народный костюм.— Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987.— 144 с. (Ин-т общ. наук БФ СО АН СССР).

В монографии рассматривается один из разделов материальной культуры — бурятский народный традиционный костюм. Автором предпринята попытка представить костюм в бытовом, производственном, социальном, обрядовом и эстетическом значениях, проследить его изменения во времени, начиная с XVII в. и до наших дней.

Работа имеет большое научное значение и представляет интерес для этнографов, фольклористов, историков и всех тех, кто интересуется проблемами культуры бурят.

050800000—061
Б **М122(03)—87** 089—87

63.5

